
Айрин Бран

Змеиные Тропы

Летопись Подлунного мира

Айрин Бран

**Змеиные тропы. Летопись
Подлунного мира**

«Издательские решения»

Бран А.

Змеиные тропы. Летопись Подлунного мира / А. Бран —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506764-7

У империй тяжелая судьба. Многие из них умирают в огне, кто-то по глупости, кто-то из-за своего высокомерия, но каждый правитель империи должен пройти по тропам полным ядовитых змей. Наследный принц империи Мирэй Маэль ар Вариар вынужден идти вперед, находить и терять. Ведь прогулка по змеиным тропам никогда не бывает увеселительной.

ISBN 978-5-00-506764-7

© Бран А.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Часть первая. Начало времен	8
ГЛАВА первая	8
ГЛАВА вторая	16
ГЛАВА третья	26
ГЛАВА четвертая	34
ГЛАВА пятая	41
ГЛАВА шестая	47
Часть вторая. Опасный путь	66
ГЛАВА седьмая	66
ГЛАВА восьмая	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Змеиные тропы Летопись Подлунного мира

Айрин Бран

Дизайнер обложки Анастасия Еловикова
Корректор Анна Вектор

© Айрин Бран, 2019
© Анастасия Еловикова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-6764-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Любой дворец – это глубокая яма со змеями.
И чем сильнее и богаче государство, тем
яростнее жалят они друг друга, чтобы
выбраться поближе к солнцу и жирным мышам.
Любой, кто рискнул ступить на путь интриг,
должен помнить, что каждый шаг
по этой тропе может оказаться последним,
а идуций превратится в жертву
смертельного змеиного укуса.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Густые клубы черного, жирного, как весенняя земля, дыма устремлялись в темно-голубое вечернее небо, заволакивая все окрестности тяжелым, щекочущим ноздри запахом гари. Кроваво-красное солнце, уже зацепившее краем море, придавало всей картине особое безумие. Трещало в объятиях огня дерево, стонали снасти, ревели горящие паруса. Имперский флот умирал в муках. Жидкое оранжево-красное пламя сползало по мачтам и с шипением падало в воду, продолжая гореть. Темную воду, заполненную барахтающимися телами матросов и корпусами умирающих кораблей, расцветчивали лужицы не гаснущего даже в воде огня, превращая все вокруг в картину безумного художника.

Наследный принц Маэль, не моргая, смотрел на зарево в порту. Он с силой вцепился в резные мраморные перила балкона дворца властителя Саматы, где он был вынужден остановиться. Старшие офицеры, стоящие рядом, четко услышали, как принц скрипнул зубами.

– Закройте ворота портового района, – буквально выплюнул приказ наследник трона.

– Слушаюсь, ваше высочество, – отозвался командир городской стражи и, развернувшись на каблуках, побежал прочь.

Огненные отблески продолжали плясать на кирасе принца в безумном танце, в лицо вновь пахнуло жаром. Он, не отрываясь смотрел, как погибает его флот, как корабли гордо, даже не накренив бортов, уходят под воду. Имперский флот умирал в огне под безжалостными ударами противника. С жутким скрипом и треском рухнула мачта флагмана. Ярko вспыхнув в языках пламени, исчез флаг империи. Маэль снова скрипнул зубами, из-под его судорожно сжимающих перила пальцев потекла кровь.

В это мгновение буквально взвыли ворота, отделявшие порт от основной части города. Половинки медленно поползли навстречу друг другу. От порта донеслись крики и визг: людская река хлынула через закрывавшиеся ворота. Городская стража налегала на тяжелые железные створки, не обращая внимания на горожан, бежавших между ними в надежде на спасение. Чем уже становился просвет в воротах, тем страшнее становились крики толпы. Плач детей, вопли мужчин, рыдания и стоны женщин. В какой-то момент самые слабые, не удержавшись на бегу, стали падать. Они погибли страшной смертью под ногами остальных, стремившихся к спасительным воротам. Гулко стукнув, створки закрылись, отсекая обезумевшую людскую реку. Прислонившись к воротам изнутри, стражники слышали завывания и скрежет ногтей, а еще проклятия. Проклятия летели в их сторону, на мгновения задерживались над головами и неслись дальше: ко дворцу, ставшему штабом наследного принца.

Самата была обречена. Это знали не только те, кто остался на растерзание врагам империи в порту, не только стражники, старавшиеся отрешиться от криков обреченных, не только те, кому удалось спастись, и кто с ужасом взирал на глухие створки ворот, но и наследный принц, и его офицеры. Они все прекрасно знали, но не имели ни малейшего понятия, как остановить это падение.

– Мой господин, – Маэль резко обернулся на голос своей жены, в его взгляде промелькнуло плохо скрываемое презрение.

– Кто пропустил тебя сюда?

Его раздражал ее голос, ее затравленный взгляд, заломленные в жесте отчаяния руки, она раздражала его вся: от сандалий из дорогой, покрытой золотом мягкой кожи, до позвякивающих в волосах украшений. Принц поморщился. В его памяти всплыл тот приторно-сладкий аромат духов, который всегда исходил от этой женщины.

– Это неважно, Маэль, – она явно осмелела, либо страх гибели лишил ее разума, ибо принцесса сделала несколько шагов вперед, и дотронулась до его руки. Маэль вздрогнул,

и невероятным усилием воли заставил себя не сбрасывать эту холеную руку. – Нам нужно уходить, пока есть возможность. Мирэй не может лишиться наследника престола.

– Позволь это мне решать самому, – огрызнулся Маэль, преувеличенно аккуратно снял ее пальцы со своей руки, и обратился к ближайшему из офицеров: – Отведите принцессу в ее покои.

Тот кивнул, мягко, но уверенно взял женщину под локоть и повел к двери балкона.

– Маэль! Маэль! Нам надо уехать в столицу! Не поступай так со мной! Маэль!

Наследный принц отвернулся, стараясь не обращать внимания на ее крики. Внизу пылал порт. Там умирала Самата.

Часть первая. Начало времен

ГЛАВА первая

*Второй месяц осени клар. Начало
5 год до рождения имперши*

Холода подкрадывались к с неумолимой неотвратимостью. Природа готовилась к долгой зимней спячке. Дождь лил уже несколько Пандагирию дней, застилая горизонт плотной серой пеленой. Потоки холодной воды с неба собирались в огромные лужи, пропитывая землю, превращаясь в жидкую грязь, которая громко хлюпала под копытами лошадей. Всадники кутались в уже давно промокшие до нитки меховые накидки, сгорбившись в маленьких и неудобных седлах, словно птицы на заборе. Их несовершенство особенно чувствовалось сейчас, когда потоки воды стекали по грубой коже покрывки, пропитывая штаны и сапоги, змеились по лошадиным гривам и шкурам, заставляя животных то и дело отфыркиваться. Люди молчали. Они не находили в себе сил произнести хоть слово, чтобы нарушить царившее молчание, только жидкая грязь громко чавкала под копытами лошадей, идущих мерной рысью, время от времени сбиваясь на шаг. Когда промозглый день уже стал казаться бесконечным, на горизонте появились очертания небольшой деревеньки, едва различимые в серой пелене дождевой воды.

Всадники с неподдельной радостью прищпорили своих коней, предвкушая тепло и еду. Лошади, все громче хлюпая грязью, перешли на легкий галоп, тоже предвкушая еду и отдых. Крепко сбитый гнедой жеребец предводителя этого небольшого отряда громко заржал, видя конец долгого путешествия, которое уже стало их всех тяготить. Его всадник в который раз отряхнул свой напоенный водой меховой плащ, стараясь хоть немного защитить свою волглую одежду. Им оставались считанные пассусы до тепла и сухости, но Вариар придержал коня, желая рассмотреть раскинувшуюся перед ним деревню.

– Кажется, наш путь подходит к концу. Мы добрались, Вариар, – предводитель всадников повернул голову на голос и кивнул.

– Добрались, Сёглерн, добрались.

– Похоже, ты не особо рад тому, что мы доехали сюда без неприятностей? – ухмыльнулся тот в ответ.

– Неприятности... Я уверен, что они ждут нас впереди. Меня, по крайней мере, – тот, кого назвали Вариаром, поежился.

– Не все так скверно, как ты говоришь, Вариар. Мы получим эту деревню и еще земли на тридцать лиг вокруг. На этих землях можно многое создать.

– Я не спорю об этом. Меня тревожит цена, которую мне придется заплатить за это владение.

– Они хотят охраны. Мы дадим им то, что они хотят, а ты станешь вождем местного люда.

– Может, ты и прав, Сёглерн. Доверимся судьбе, ее нам не миновать, коли будет на то воля ее.

Воины расхохотались, понимая, что именно скрывается за этими словами предводителя. Вариар покачал головой, пряча улыбку, и перевел своего коня в резвый галоп. Нарядный гнедой жеребец, сейчас больше похожий на тень себя самого, полетел вперед, раскидывая ошметки грязи из-под копыт. Казалось, что у него выросли крылья. И вскоре всадники уже въезжали в деревню, сокращая бег своих коней, натягивая поводья. Гнедой жеребец громко заржал, возвестив всем о своем прибытии, и заплясал на месте, удерживаемый твердой рукой Вариара. Из окон покосившихся лачуг, одинаковых как близнецы, жавшихся друг

к другу, словно перепуганные дети, стали выглядывать любопытные глаза их обитателей. Интерес переборол страх перед вооруженными людьми, что заполонили небольшую, залитую дождевой водой деревенскую площадь. Робко скрипнула дверь самого большого и крепкого дома, на пороге показался дряхлый старик, кутавшийся в драный плащ, когда-то бывший ярким и явно дорогим. Вариар бросил на него быстрый взгляд, оценивая, и, явно удовлетворившись увиденным, спешился. Его примеру тут же последовали и все воины его отряда. Двадцать сильных, мощных мужчин, привычных держать мечи не в ножнах, а охотно пускать их в ход, внушали трепет тому, кто никогда не бывал в бою.

– Здравствуй, старик, – ухмыльнулся Вариар. – Я пришел по вашему зову, чтобы защитить вас.

– То не мой зов был, воин, мой хозяин звал тебя, – прошамкал старик, отступив на шаг в сторону и жестом пригласив их зайти.

Вариар тут же потерял к нему интерес, шагнув в теплое, а главное сухое помещение. Дом был небольшим, несмотря на первое впечатление, которое он произвел в сравнении с жалкими домишками по соседству. Выскобленный пол, простые деревянные лавки, длинный выдавший и лучшие времена стол, на столешнице сразу за дверью их ждала просторная комната, залитая теплым желтым светом от очага и факелов, закрепленных на стенах в металлических скобах со слюдяными колпаками. которого когда-то были вырезаны красивые письма, да закрытые ставнями окна – вот и все убранство, что увидел Вариар, обведя комнату медленным, примечавшим все детали взглядом. За столом сидел сам хозяин дома: дородный, седовласый мужчина с маленькими глазками, заплывшими жиром, но все еще ясными и внимательными. Его подбородок украшала окладистая борода, заплетенная в косу.

– Ты пришел на мой зов, воин, – констатировал он, впившись взглядом в Вариара, который, казалось, подпирал головой потолок.

– Ты звал, я пришел, – кивнул тот, не желая играть в игры красноречия.

– Награда больно хороша, – то ли засмеялся, то ли крикнул хозяин дома. – Трудно от нее отказаться.

– Награда хороша, да цена неизвестна, – пожал плечами Вариар. – Хотелось бы знать ее, прежде чем соглашаться.

– Не тревожься, воин, плата не столь тяжела для тебя, как кажется: охрана деревни, да защита границ, ну и малость еще... – хозяин перевел взгляд куда-то влево за спину Вариара, заставляя того обернуться, – жениться на дочери моей. Лейв.

Вариар проследил за его взглядом и увидел предлагаемую ему в жены девицу, нерешительно замершую на пороге. Ее огромные голубые глаза завораживали своей яркостью и чистой цвета, видной даже в неровном свете факелов. Миловидное личико с аккуратными чертами, четко очерченными скулами и усеянным веснушками носом обрамляли густые волосы цвета расплавленного золота. Лейв была невысокой и хрупкой, как весенний лед на реке. Она смутилась под его пристальным, изучающим взглядом, опустила голову, пряча глаза. Это вызвало у Вариара довольную улыбку.

– Так ты согласен нас защищать? – выдернул его из мира мечтаний хозяин дома.

– Что ж... Грех не согласиться на такую добрую землю, – усмехнулся Вариар, продолжая пожирать взглядом Лейв, которой суждено было стать его женой.

– Тогда решено! Полено, тащи брагу из погреба!

Старик-раб, довольно улыбаясь щербатым ртом, прошаркал к дверям, явно ведущим в кухонное помещение, и вскоре вернулся, покачиваясь под подносом, на котором стояли большие кружки, до краев наполненные золотистым напитком. Лейв без веления своего отца тут же скрылась в своей комнате, не желая мешать мужчинам вести важные разговоры. Вариар оценил ее скромность, понимая, что именно такая женщина и нужна такому воину, как он, ищущему славы и власти. Надежная и верная, которая будет закрывать глаза на его шалости, и ждать

его из походов, согревая дом своим теплом, своей любовью. Он снова улыбнулся, отмечая, что здесь начинается первый шаг к его новой жизни, к его власти, к его величию, как вождя и правителя этих земель. Именно за это выпили его воины, сдвинув кружки с хмельным напитком. И он даже не на миг не вспомнил о том, что потерял.

*Третий месяц весны вирап. Середина.
2 год до рождения империи. Арис.*

Первые лучи дневного светила мягко, почти нежно скользили по крышам домов резко разросшегося маленького и бедного раньше селения. Их каменные стены служили предметом зависти всех соседей, которые не могли похвастаться таким правителем и сопутствующей ему удачей. Всего за три года скромная деревенька с покосившимися домишками, утопавшими по крыши в грязи, превратилась в небольшой, но уже довольно богатый город, где не было ни одного деревянного здания, ни одной крытой соломой крыши, которые считались тут признаком безденежья. Арис, так назывался сей город, начал свое медленное путешествие к величию и процветанию, о чем мечтал его хозяин. В этом ему помогали и залежи серебра, случайно найденные неподалеку. В городишко потянулись люди. Их удивлению не было пределов, когда они ступали на мощенные деревом улицы: жители хвастались яркими цветами одежды, серебряными украшениями, которые они носили каждый день, чистыми лицами и телами, ведь им не приходилось экономить на дровах, да и грязи на улицах больше не было. У каждого во дворе стояла здоровая, чистая лошадь, которую не стыдно было взять и под седло. Городок разрастался и обещал вскоре превратиться в крупный город.

Лейв улыбнулась. Она сидела на небольшом балконе, выходящем на широкую, могучую реку, что несла свои воды мимо Ариса, и смотрела на водную гладь, на то, как на ней весело скачут лучи утреннего солнца, высекая розово-желтые искры, и гладила свой заметно округлившийся живот. Три года, что последовали за ее быстрой свадьбой, пролетели словно один миг. Ей казалось, что только вчера ночью она закрыла глаза, уронив голову на подушку, на своем брачном ложе после свадебного пира, и вот уже рассвет, который она встречает со своим будущим ребенком и своим сильным и красивым городом. Лейв прекрасно помнила, каким был Арис в ее детстве: грязным, покосившимся и беззащитным; она видела, каким он стал. И эта перемена грела ее сердце и душу.

Ее взгляд скользнул на юг, там спешно шло строительство крепостной стены, которая должна была защитить город от не в меру жадных и завистливых соседей. Теперь они, Вариар и Лейв, отвечали за жизни сотен горожан, что жили на их земле, и их становилось все больше. За рекой, на том берегу, так же стучали топоры – там строили большую торговую пристань и начинали возводить мост через реку – пока деревянный, но Вариар уже приказал начать добывать мрамор в недавно открытой каменоломне, где обнаружили залежи этого прекрасного белого камня с золотыми молниями прожилок. Тот же мрамор складывали и во дворе их дома: муж пообещал построить прекрасный мраморный дворец для нее. Лейв уже представляла его ажурные, резные окна, перила лестниц и гулкую пустоту широких залов.

– Любовь моя, – бархатный баритон Вариара, заставлявший каждый раз ее кожу покрываться мурашками, раздался у нее за спиной, выдергивая из размышлений о будущем.

– Ты уже уезжаешь, супруг мой? – она окинула взглядом его мускулистую фигуру.

– Да, уже пора. Больше ждать нельзя, иначе я не успею вернуться.

– Пусть боги хранят тебя и сделают твой путь легким, – привычно прошептала она, впитывая взглядом его образ: каштановые с золотым отливом волосы, пронзительные синие глаза, четкие, правильные черты лица и эти улыбчивые, но упрямые губы. Все в нем выдавало силь-

ного и опасного воина. Кожаные доспехи, выкрашенные в багровый цвет, стальной шлем, что он держал в руках, и простой длинный меч в обычных без изысков ножнах, единственным украшением которых был серебряный единорог, атакующий невидимого противника. Он особенно выделялся на синей коже, которой были обтянуты ножны.

– Я обязательно вернусь, Лейв, обещаю. Еще до того, как он решится увидеть этот мир. Ведь повитуха обещала нам еще три месяца, – Вариар нежно коснулся ее живота.

Лейв тепло улыбнулась, накрывая его ладонь своей, и счастливо ощущая, как ребенок отвечает на прикосновение отца, чувствительно пнув ее ножкой.

– Мыждемся тебя, любовь моя – прошептала она, едва заметно коснувшись его щеки губами.

Вариар наклонился и легко поцеловал живот жены, затем резко развернулся и поспешил прочь, не желая затягивать расставание, понимая, что еще один лишний миг – и он никуда не поедет. Вскоре до Лейв долетел топот нескольких десятков копыт. Постепенно он затерялся вдали, становясь все тише, а затем и вовсе стих. Женщина вздохнула, грузно поднявшись с удобного кресла, которое последние два месяца стало местом ее постоянного обитания, и пошла в дом. Несмотря на отъезд хозяина дома, слуги сновали туда-сюда, споро накрывая на стол, пусть и на одного человека. Завидев хозяйку слуги и рабы кланялись, замирая на мгновение на месте и тут же возвращаясь к работе. Лейв счастливо улыбалась, понимая, что, несмотря на все ее страхи, которые сопровождают любую невесту, отец оказался прав. Став женой Вариара, она получила верного мужа, насколько это позволяли их обычаи, богатый дом и тихое семейное счастье. Она не ждала многого, но получала больше, чем ожидала.

– Хозяйка, завтрак скоро будет готов. Вы бы отдохнули пока, а то, не дай боги, упадете от усталости, а мне перед господином отвечать. Не хочу я на конюшне плети получать, – проворчал старый управляющий, подскочив к Лейв, стоило только ей остановиться и опереться на стол.

– Все в порядке, Молчун. Просто он очень прыткий. Чует, что отец уехал, вот и дерется.

Ее теплая уверенная улыбка немного успокоила управляющего, но он продолжал внимательно следить за хозяйкой. Лейв постаралась держаться как можно более прямо и потихоньку пошла в сторону своей комнаты, чтобы отдохнуть перед завтраком, чьи ароматы уже заполняли просторную комнату, и, даже, казалось, витали по всему дому. Она тяжело поднялась по лестнице на второй этаж, где располагалась хозяйская спальня. Но дойти до порога так и не успела. По ногам потекло. Теплая вода быстро пропитала лен исподнего, заставив ойкнуть от неожиданности. Одна из служанок, оказавшаяся рядом, всплеснула руками и буквально скатилась с лестницы, призывая кого-нибудь найти повитуху. Дом пришел в движение и загудел, как улей рассерженных ос, когда мальчишки тыкают в него палкой.

– Как же так, дорогой? – пробормотала Лейв, погладив живот. – Мы же обещали твоему отцу дождаться его. Не смог ты подождать три месяца, обещанных повитухой.

Стараясь не обращать внимания на появившуюся у порога приличную лужу и прилипшую к ногам мокрую ткань, Лейв шагнула в комнату и осторожно села на ближайший стул. С первого этажа раздавались встревоженные крики прислуги, слышался топот множества ног, гулким эхом отдававшийся в ее голове, и через одно долгое, растянувшееся в вечность мгновение в комнате появилось множество людей, которые что-то говорили, снимали с нее мокрое платье и белье, кто-то громко причитал в углу, кто-то сновал туда-сюда, пытаясь расправить кровать, унести какие-то ненужные по его мнению вещи, что-то принести, управляющий раздавал какие-то указания слугам, стоя на пороге, не решаясь зайти внутрь. Вскоре появилась и повитуха, как раз в тот момент, когда Лейв уже стояла в центре комнаты в одной нижней рубахе и прижимала к низу живота ладонь, стараясь удержать накотивший приступ боли и не застонать. Повивальная бабка, полная, суровая женщина с сильными руками, оглядела внимательным взглядом комнату, затем решительно выгнала всех служанок, кроме двух, кото-

рым предстояло ей помогать. Первым делом их отправили за водой и чистой тканью. Лейв едва заметно улыбнулась, поняв, чего ей не хватало в этот момент – тишины и покоя, а присутствие опытной повитухи придавало ей уверенности, позволяя справиться с внезапно охватившим ее страхом.

*Первый месяц лета листар. Начало.
2 год до рождения империи. Самата.*

Самата – морской город во всех смыслах этого слова. Даже дома тут были ослепительно-белыми, и буквально сияли в лучах яркого солнца. Они жались друг к другу, подступая всей своей массой к коротким деревянным пристаням, и, казалось, вот-вот рухнут в лазурные воды моря. Возле пристани волны болтали несколько утлых суденышек и один большой боевой корабль, с блестящим на солнце бронзовым носом. Это был мощный таран, которым можно было напополам развалить любой вражеский корабль, который осмелится бросить ему вызов. Жители города явно не ожидали нападения: ворота в деревянной стене были распахнуты настежь, лишь десяток стражников, щурясь от полуденного солнца, лениво прислонились к тяжелым створкам, нехотя следя за потоком людей, а горожане и жители предместий спокойно ходили туда-сюда, не чувствуя опасности.

– Это начало нашего флота, Свиграр, – Вариар вытянул руку, указывая на боевой корабль, который было видно издалека.

Группа всадников замерла на краю апельсиновой рощи, отделявшей густой лес на горизонте от городской стены, и рассматривала свою цель.

– Зачем тебе флот, Вариар? – хмыкнул Свиграр, прикрывая глаза от слепящего солнца ладонью и разглядывая предмет их разговора с особым вниманием. – У тебя есть клан, что переметнулся к тебе от твоего непутевого брата, у тебя есть воины, есть земли, есть богатства. Мы пришли только наказать их за попытки ограбить нас. Нельзя у нас брать то, что им не принадлежит.

– Нет, Свиграр, я завоюю этот город и оставлю его своему второму сыну. Это станет его наследием.

– Наш вождь достоин своего королевства, как короли, что правят на востоке и севере, Свиграр. Этот город станет началом его королевства, – вклинился в разговор еще один воин Вариара, указав на город рукой.

– Это что за королевства такие, Хлауд? – прищурился Свиграр.

– Элеан, Скалэй, Мюралин, да и Лютас тоже, – ответил тот. – Там единый правитель над сотней племен и кланов, есть столицы и разные города, что принадлежат королю. Вот и наш Вариар достоин стать королем и править обширными землями. Как по мне, так он единственный, кто в Селеране достоин короны на своем челе.

Свиграр фыркнул, так, словно это было что-то совершенно неприемлемое и глупое. Корона, королевство... Странные слова, которые не имели никакой силы для могучего воина.

– Это интересно, Хлауд, – пробормотал себе под нос Вариар. – Расскажешь мне об этом, когда мы вернемся в Арис и будем отмечать победу. А сейчас нам осталось одержать ее. Надо захватить Самату. Причем с наименьшими потерями.

– У нас в два раза больше людей, Вариар, если верить разведчикам, – отрапортовал Свиграр. – Соппротивление будет легким. Мы можем атаковать хоть сейчас.

– Посмотри на их стены, – кивнул в сторону города Вариар. – Этого недостаточно. Даже если у них сто воинов, они в выгодном положении. Достаточно нескольких мгновений, чтобы стража закрыла ворота, и нам останется просидеть под их стенами хоть до зимы.

– Я предлагаю, как можно более незаметно подобраться к воротам и ворваться в город, пока эти ленивые мухи не успели закрыть ворота. Тогда у нас будет шанс закончить все сегодня.

– Это интересное предложение, Хлауд, только как мы подберемся к воротам незаметно? Эти апельсины – ненадежное прикрытие.

– Позволь мне это сделать, Вариар. На наше счастье – это портовый городок.

Предводитель усмехнулся, хлопнув Хлауда по плечу, хоть и не понял, что тот имел в виду.

– Попробуй. Даю тебе сотню воинов и желаю удачи.

– Этого более чем достаточно.

Хлауд развернул своего коня и легким галопом помчался к центру апельсиновой рощи, которая пока скрывала их от взглядов защитников города. Он уже успел отметить, что вооружение и доспехи городского гарнизона гораздо хуже, чем у них. К тому же стражники охраняли ворота с явным отсутствием рвения, этим он и собирался воспользоваться.

Сотня всадников, приданных ему Вариаром, размашистой рысью, не издавая ни одного звука, выехала из рощи и влетела в густой лес, что раскинулся к западу от городка. Неслышными тенями они пронеслись по нему, благодаря манипуляциям Хлауда, который обул каждого коня в мягкие войлочные башмаки, скрывшие стук копыт. Всадники беспрепятственно подъехали к городским воротам. Удивленные и одновременно полные ужаса глаза стражников были им наградой за столь лихой маневр. Те даже не успели схватиться за копья, когда длинные мечи воинов из Ариса перерубили им горло столь же внезапно, как и появились сами всадники. Незадачливые часовые сползли на землю, хватаясь за шеи, стараясь удержать булькающую кровь, покидающую их тела и рисующую в пыли жуткие узоры.

Атакующие не притормозили ни на мгновение, устремляясь вглубь открытого для них городка, обжигаящей лавой растекаясь по узким улочкам. Вариару не требовалось сигналов: как только тело первого стражника коснулось земли, основной отряд из Ариса, словно всадники смерти на крылатых конях, вылетел из рощи и помчался вперед, оглашая округу яростными криками. Через пару мгновений они уже ворвались в беззащитную Самату, которую только что словно кинжалом пронзил Хлауд со своим отрядом. Его воины уже носились по улицам, выискивая стражников и любых вооруженных людей, которые оказывали им сопротивление, и не трогая обычных горожан. Вариар гнал коня вперед, лишь изредка цепляясь взглядом за трупы стражников и пытавшихся спастись раненых. Тех, кто хватался за оружие при виде второго отряда, быстро убивали. Вариар не глядя отмахнулся от какого-то смельчака с окровавленным плечом, видимо он уже повстречался с Хлаудовыми всадниками. Удар был нанесен походя, но он почувствовал, как меч вошел в плоть, хрустнули, ломаясь под сталью кости, как тело человека тяжело оседает на землю, под копыта лошадей. Те, не останавливаясь, прошли по стражнику, превращая его в мешок со сломанными костями. Вариар был готов поклясться, что слышал раздававшиеся при этом чавканье и хруст, когда острые, подкованные тяжелыми подковами копыта врезались в мертвую плоть. Он отмахнулся от этого ощущения, не придав ему особого значения, и помчался дальше по охваченному паникой и ужасом городу. Люди металась по улицам, словно горсть гороха, запущенная детской рукой в сарае, и отряду приходилось прилагать немало усилий, чтобы не проехать по кому-нибудь из невинных горожан, коих Вариар строго-настрого приказал не трогать.

Отряд Хлауда они нагнали лишь у пристани. Воины не давали экипажу боевого корабля пробраться к нему, чтобы вывести в море и обстрелять армию Вариара из катапульт. У ног лошадей уже появилась небольшая гора трупов особенно смелых. Вариар ударил в тыл морякам. Те взвыли от отчаяния, понимая, что их зажимают в клещи: кто-то в неистовой ярости бросался на противников, кто-то попрыгал в воду в надежде спастись или доплыть до корабля. Вслед беглецам неслись хрипы и стоны умиравших товарищей.

Бой закончился, едва успев начаться. Численное преимущество сыграло свою роль. Вариар снял с головы шлем и вытер пот со лба, подставляя разгоряченное лицо налетавшему

с моря бризу. Солнце нещадно припекало спину, заставляя пот градом катиться по ней. Вариар каждой клеточкой ощущал, как тяжелые капли скатываются с плеч к поясу. Властитель Ариса внимательно осмотрел мрачных, покрытых кровью пленных. У них были обреченные и угрюмые лица.

– Я не хочу вас убивать, – обратился к ним Вариар. В его голосе звучала уверенность. – Я не мясник. Вы можете жить здесь и нести службу, но уже мне. Я не обижу платой и славой. Отныне этот город находится в подчинении у Ариса и принадлежит мне.

Толпа загомонила.

– Те, кто будут плести заговоры и чинить мне препятствия, подстрекая горожан на бунт, отправятся в дальние штольни моих рудников. А живыми оттуда редко возвращаются. Решайте.

Пленные внимательно посмотрели на Вариара и принялись что-то обсуждать вполголоса. Затем вытолкнули вперед мужчину средних лет с круглым, как блюдо, лицом и взъерошенными черными волосами, в цветах стражи. Вариар вопросительно посмотрел на него, ожидая слов.

– Господин обещает, что, если мы будем верно ему служить, он станет заботиться о нас, о наших семьях и других жителях Саматы? – задал он вопрос, немного помедлив.

– Как тебя зовут? – уточнил Вариар, наградив его твердым как скалы взглядом.

– Невен.

– Да, Невен, я буду заботиться об этом городе и его жителях, как забочусь о своей семье и жителях Ариса. Вы будете исправно получать жалование, у вас будет справедливый правитель, который будет радеть о городе, а не о своем брюхе. Раз все тебе доверяют, быть тебе вторым человеком в страже, а командовать ей будет мой побратим Сарен.

– Благодарствую, господин. Это все, что мы хотели знать о нашей судьбе, которая сейчас в ваших руках.

– Не тревожьтесь о ней, вы теперь под защитой и покровительством силы богатого города Ариса.

– Хвала богам, – не сговариваясь, хором возвестили теперь уже бывшие пленники.

Вариар усмехнулся, тронул шенкелем коня и, отдавая на ходу распоряжения, направился к дому бывшего владельца города, которого тут, похоже, не сильно жаловали. Ему хотелось смыть с себя кровь, отдохнуть и поскорее вернуться в Арис. Война оказалась недолгой, но путь домой займет целый месяц и еще половину. В его голове внезапно появилась мысль о том, что следует по всей принадлежащей ему земле разместить десяток крепостей, которые он отдаст близким друзьям. На самом деле эти владения должны стать военными гарнизонами, которым предстояло пресекать любые попытки соседей захватить его земли, пока он не изведет своих врагов.

*Второй месяц лета виар. Середина.
2 год до рождения империи.*

Родные очертания Ариса, появившиеся из легкой дымки на горизонте, заставили коней прибавить шаг, словно в предвкушении отдыха в удобных родных стойлах и вкусного овса в кормушках. Люди тоже устали от долгого изматывающего пути и с радостью взирали на город, ставший им домом. Серые, запыленные лица мгновенно просияли, глаза заблестели, плечи невольно расправились. Если бы не опасение, что уставшие от последней скачки лошади упадут, так и не добравшись до дома, они бы понукали их до самых ворот в деревянном частоколе, что окружал город с трех сторон, оставляя свободным только доступ с реки.

Вариар тронул пятками своего коня. Тот недовольно всхрапнул, но тяжело перешел на галоп, сокращая расстояние, что разделяло его и стену. Его примеру последовал и весь отряд. Всем им хотелось смыть с себя пыль, обнять родных и поесть хорошей горячей пищи. Город приветствовал их радостными возгласами высыпающих на улицу жителей, стража на воротах встала по стойке смирно. Люди радостно махали своим защитникам, девушки закидывали их путь цветами, которые летели под копыта лошадей, дети бесстрашно подбегали к всадникам, а самые удачливые оказывались в седлах перед воинами. Властитель города не стал задерживаться, а молнией помчался к своему дому, оставляя своим помощникам право присвоить себе всю славу и весело отметить победу. Вариар торопился к Лейв.

Его встретил гомон прислуги, которая готовила дом к его появлению. Они накрывали на стол и таскали горячую воду наверх, явно наполняя для него ванну. Тем не менее увидеть своего господина столь скоро они не ожидали, об этом возвестил управляющий домом.

– Мы думали, что вы будете праздновать победу, пируя со своими воинами в главном воинском доме, потому не ждали вас так скоро, господин, – пояснил он.

– Ничего, Молчун, единственное, что мне нужно прямо сейчас – это горячая вода, вкусная еда и удобная постель. Надо как-то решить вопрос с нагреванием воды для мытья, чтобы он не занимал столько времени.

– У меня есть кое-какие мысли на этот счет, господин. Если вы позволите, я бы сам хотел это устроить, ибо отрывать столько слуг от работы по дому негоже.

– Прекрасно, займись этим. Что-то еще? – тут же спросил Вариар, заметив его сомнения.

– Нет, мой господин, ничего. Поспешите наверх, вас ждет госпожа.

Вариар удивился такому поведению Молчуна, который обычно прямо отвечал на вопросы хозяев, но не стал придавать этому особого значения именно сейчас, собираясь решить все вопросы вечером, как только он освежится и поговорит с женой, которую не видел больше трех месяцев. Он буквально взлетел по лестнице, толкнул дверь их опочивальни и замер на пороге. Лейв сидела на стуле у окна и качала на руках мирно спящего младенца. Вариар осторожно шагнул к ней, боясь дышать, словно каждый его вздох грозил развеять это эфемерное, магическое создание, что сидело перед ним. Лейв обернулась и внимательно посмотрела на мужа, в ее глазах засветилась тихая радость.

– Вариар, – выдохнула она едва слышно. – Вернулся, – затем чуть громче и уверенней добавила. – Как прошел твой поход, любовь моя?

– Все было успешно. Удача была на нашей стороне. Мы захватили Самату. Теперь у наших сыновей будет два города: Арис и Самата.

– Это хорошие вести, Вариар. У твоих деяний будет продолжатель. Это твой сын, любовь моя. Я взяла на себя смелость и дала ему имя. Его зовут Миалл.

– Хорошее имя, – улыбнулся Вариар. – Очень хорошее. Пусть всех наших потомков нарекают именами на эту букву. Его рождение принесло мне победу, так пусть его имя осветит путь его потомков.

Большой мужчина в пыльных доспехах осторожно взял на руки маленький сопящий комочек. Он боялся причинить ему вред, и это напряжение было написано у Вариара на лице, что вызвало любящую улыбку на губах Лейв.

– Не бойся, Вариар, – прошептала она, положив руку ему на предплечье. – Твой сын не боится твоей силы.

– Я завоевал для тебя город, сын. И завоюю еще, – серьезно произнес отец, глядя на своего сына.

В этот момент Миалл открыл глаза и внимательно посмотрел на Вариара своими яркосиними глазами, и тому показалось, что он утонул в них, как в стремнине большой реки. Отец и сын изучали друг друга, пока жена и мать наблюдала за ними.

ГЛАВА вторая

*Второй месяц лета вирар. Середина.
2 год до рождения имперши.*

За пределами дома все еще гремел праздник, простые воины пировали, отмечая славную и такую легкую победу над сильным врагом. Вино лилось рекой, и Вариар не возражал. Он понимал, что людям нужно отметить победу и снять напряжение битвы, пусть она была быстрой и успешной, и долгого путешествия домой, полного пыли и ожиданий. Их отряд пересек земли Саматы без особых приключений, не было даже ни одной засады от защитников города и данников его, наоборот, жители окрестных деревень и отдельных поместий встречали их с радостью, признавая Вариара своим правителем, справедливым и сильным. Если это и настораживало победителя, то только до той поры, как в одной из деревень, глава старшего семейства, что несколько поколений управляло ей, рассказал о поборах, которые учинял совет богатых родов Саматы. Вариара эта история поборов и зверств разозлила настолько, что отряд из двадцати всадников отделился от основного войска и тут же повернул назад с приказом казнить каждого главу четырех главных семей Саматы, которые вершили судьбы города. Он понимал, что такое решение может иметь далеко идущие, и не обязательно хорошие, последствия, но не мог поступить иначе. Именно из-за своего абсолютного неприятия несправедливости он и не смог одолеть своего родного брата в борьбе за титул вождя клана Сал. И Вариар до сих пор не мог понять, хорошо это или плохо, даже наблюдая, как большая часть их клана перебирается в Арис и на его земли, под его руку, стоило только слухам о судьбе старшего сына старого вождя достичь границ его бывших земель.

Вариар тряхнул головой, отгоняя непрошенные мысли, и обвел взглядом небольшую залу. Его ближайшие соратники, те двадцать человек, что пришли в Арис первыми, все кроме Сёрена, сидели за обильным столом в его доме и наслаждались хорошим, ароматным вином. Только тосты звучали тихо, ибо они не желали радостным шумом разбудить наследника своего повелителя и друга. Вариар задержал взгляд на Хлауде, отмечая, что тот положил перед собой какой-то свиток, на который все собравшиеся с любопытством взирали.

– Так как, все-таки, твоему отряду удалось незаметно подобраться к воротам города? Никто не слышал топота копыт. Они даже опомниться не успели, как вы раз! и сталью их угостили, – в который раз с момента их атаки на Самату насел с вопросами на Хлауда Свилгар.

– Тебе этого знать не нужно. Ни к чему это, – отнекивался тот, опуская взгляд на вино, что плескалось в его кубке. – Думай, что нам повезло. Воля богов. Воля солнца. Выбери сам.

– Будет тебе, Свилгар. Перестань пытаться Хлауда, его умение помогло нам захватить этот треклятый город, и этого достаточно, – вклинился в уже порядком надоевший ему спор соратников Вариар. – Давайте лучше решим, что дальше делать. И пусть Хлауд расскажет вновь все, что он нам раньше про королевства сказывал. Мне стало интересно.

– А что тут рассказывать? Ты уже знаешь, Вариар, что королевская власть – она понадежнее власти вождя будет. Корону с короля сложнее сорвать, ибо ближние люди у него подданные, а не побратимы, как у нас в клане принято. А значит – клятву дают, а ее нарушать нельзя, другие такого клятвопреступника накажут, а семья много что потеряет, и в их интересах защищать короля. К тому же, каждый из ближних будет своей землей владеть, а потому королю не надо его кормить, он сам кормится, а в казну королевскую налоги отправляет, а король его защищает от нападений соседей и судит его за преступления. А еще, кроме королевской гвардии и армии, есть вооруженные отряды, которые охраняют земли ближних людей короля. Но эти отряды, в случае надобности, призвать на службу можно. А если бунт – тогда его подав-

ляет королевская армия. Самое главное тут, что ближние люди дают королю клятву, что будут служить ему, а он им обещает защиту.

– Это я уже понял. Что еще?

– Власть короля передается от отца к сыну, и никто не может нарушить сего. От отца к старшему сыну. Можно, конечно, внести в закон и право дочерей на трон, но, как по мне, так это лишнее. А еще в королевстве действуют не обычаи, а законы, которые более разумны и на все в королевства влияют. Они записаны, и никто их не может изменить. А самое главное тут, что никто не может вызвать короля на бой и забрать его власть себе. Обычаи ведут к хаосу, законы к порядку. Да и люди привыкают жить по закону, а не по слову жреца, который накануне браги перепил.

Люди за столом загомонили. Вариар поднял руку, призывая всех к тишине.

– К тому же на королевства враги нападают реже. Власть там сильная, собрана в одних руках, а вот в кланах и родовых общинах все на себя одеяло тянут, чуть – что сразу за оружие хватаются и морду бить идут. Поди тут порядок сохрани, – продолжил Хлауд, не обращая внимания на шепот и возгласы пировавших, которых даже Вариар не остановил.

– То есть ты хочешь сказать, что если у нас будет королевство и королевская власть, мой Миалл станет королем, и никто не сможет оспорить его право на владение этими землями? Даже его младший брат? Не говоря уже о других родичах, – Вариар снова поднял руку, призывая всех к тишине.

– Да, Вариар. Все именно так. Это защита не только для королевства, но и для правителя его. Если ты станешь королем, твоему сыну не будет угрожать изгнание, как тебе. И другим твоим сыновьям – тоже. В королевствах младшие принцы, а именно такой титул носят сыновья королей, остаются на земле своего отца, и никто не смеет насмехаться над ними из-за того, что не они стали править страной. И уж тем более —изгнать их прочь.

– Для меня, благо моих детей самое главное. Важнее моего. Что ж, думаю, что в нашем мире появится новое королевство, Хлауд. Я не позволю моим детям рвать друг другу глотки за клочок земли.

– погоди, Вариар, у эльфов есть слово, означающее более высокий титул правителя. Император, так будет это звучать, если перевести его на язык людей. Это тот, кто стоит над королями. И другие правители сотню раз подумают, прежде чем укутить его. К тому же судьба подала тебе знак. Помнишь тех пастухов, что потеряли козу, а нашли нам серебряную жилу в той пещерке, куда она свалилась? То был знак, что тебе уготована великая судьба, а серебро станет твоим первым шагом к величию и к благополучию твоих людей.

– Ты хочешь, чтобы я стал императором? – Вариар удивленно выгнул левую бровь, сделав нервный глоток вина из серебряного кубка.

– Да. Я хочу, чтобы ты построил Империю по праву меча, Вариар, и чтобы был выше всех этих королей. Ты достоин короны больше любого из них! – с жаром воскликнул Хлауд, поднимая кубок. – За императора Вариара!

– За императора Вариара! – хором подхватили собравшиеся, с лязгом сдвигая кубки. – За империю!

– Я еще не стал им, так что пока зовите меня, как обычно. Не стоит называть меня титулами, которых у меня пока нет.

– Но мы уже считаем тебя таковым. Так, когда мы проведем коронацию и объявим о нашей империи?

– Я согласился, но пока нет поводов, чтобы принимать этот титул. Потому не стоит болтать об этом решении всем и каждому. Такие дела следует в тишине делать. На время забудьте об этом. Хлауд, а ты пока займись законами, как земли императора называются?

– Империя.

– Вот ее законами и займись. Чтобы сразу все было, а не потом шишки набивать, спотыкаясь обо все неровности на дороге. А кто кроме тебя с этим справится, ведь это ты у нас в просвещенных краях был. Вот и построй дорогу для империи. Ровную и широкую.

– Я готов заняться этим. Только от имени правителя какой страны мне писать эти законы? Империи нужно имя.

– Мою мать звали Мирэй, пусть моя империя носит ее имя, – Вариар понизил голос, но Хлауд его услышал. – Она дала жизнь мне, я дам жизнь вечной памяти о ней.

– Достойное название, Ваше Величество.

Вариар удивленно поднял на него взгляд, услышав такое обращение.

– Так обращаются к правителям, что носят корону, – пояснил тот. – Привыкай.

– Хорошо. Даю тебе два года, Хлауд. И тогда мы снова вернемся к этому разговору. И к коронации.

– Конечно. Я приступлю к труду немедленно.

Больше вопросов о правителях, королевствах и империях за столом не звучало. Время разговоров о будущем прошло. Воины радостно праздновали свою крупную победу: портовый городок открывал для них большие возможности и великие пути. Оставалось сделать первые шаги по этой дороге. Наметить новую жертву, как сказал Свилгар.

Далеко за полночь вернувшись в свою спальню, Вариар осторожно, стараясь не разбудить жену, лег на свою половину кровати, продолжая размышлять о том разговоре, что состоялся за столом. Он запал ему в душу. В словах Хлауда был свой резон, и он не жалел, что согласился на его предложение. Еще свежи были в памяти события, что случились в клане Сал, которым он должен был управлять. Он хорошо помнил взгляд младшего брата, который наслаждался его унижением, разрешив взять только лошадь и оружие, и брезгливо бросив: «Не подыхать же сыну и брату вождя от голода под чьим-то забором». Он прекрасно помнил то горькое чувство поражения, которое скрипело на зубах, словно речной песок. Тогда не было даже мыслей о мести этому недоноску, лишь желание избавиться от этого привкуса во рту. Он помнил надменные взгляды жрецов Солнца, вставших на сторону его брата. Обжигавшие душу, словно полуденное солнце в горах. Они все решили, и ничто не могло изменить их решения, ему не было места, точнее было – место изгнанника. Вариар вздохнул, чувствуя, как привкус горечи возвращается, обволакивая душу и язык вкусом речного песка. Он постарался отпустить прошлое, как сделал это уже давно. Ему потребовалось на это целых полгода. Полгода метаний, составления планов мести и сбора соратников, лишившихся покровительства клана из-за его брата, и не предавших его. Ээн умел наживать врагов. Глупый избалованный ребенок резал сильных и опытных воинов по живому, считая их своей собственностью, своими игрушками. Вариар до сих пор пытался понять, и не находил ответов, как глупая и забитая женщина – вторая жена отца – смогла воспитать такого подлого и бесчестного человека, как его брат. Но все это осталось в прошлом, там, в холодных, гористых землях, которыми силой оружия владел клан Сал. И Вариар силой воли заставил себя не думать об этом больше. Его изгнание с земли клана Сал стало следствием обычаев, которые допустили, чтобы подлец получил власть – все осталось в прошлом, подернувшись полупрозрачной дымкой. Вариар улыбнулся. «Возможно, я завоюю твои земли, брат, и они станут частью моей империи. И вот тогда ты будешь вынужден соблюдать законы, а не прибегать к обычаям, которые тебе удобны. Только подожди несколько лет, братец», – пронеслось в его голове. Он закрыл глаза, стараясь уснуть.

*Второй месяц осени клар. начало.
2 год до рождения империи.*

Солнечные лучи скользили по водной глади, высекая из нее огненные искры, словно играясь с жившей в реке рыбой. Лейв смотрела, как через реку строят широкий и прочный мост, и укачивала сына. Малыш счастливо гукал, то и дело останавливая на ней осмысленный взгляд синих глаз и улыбаясь. Счастливая мать улыбалась в ответ, не в силах совладать с накатившим на нее теплым радостным чувством. Но счастливая улыбка и блаженное выражение ее лица внезапно сменились напряжением и тревогой, быстро передавшимися ребенку. Миалл заплакал. Вверх по течению реки шел тяжелый боевой корабль. Его паруса были убраны из-за штиля, но гребцы мерно и четко работали длинными веслами. Лейв напряглась всем телом и вскочила на ноги, успокаивая все сильнее плачущего сына.

Корабль направлялся к короткой временной пристани, расположенной возле дома Вариара. Гордый и устрашающий, словно стремительный боевой конь, который бьет копытом, рвется в битву, он вызывал одновременно чувство восхищения и благоговейного ужаса перед своей мощью. Хищный нос, обитый бронзой, который способен был распороть брюхо любому кораблю противника, высокие стройные мачты со сложенными парусами, ровные ряды весел – все говорило о том, что этот корабль готов убивать во славу своего капитана и владельца.

Лейв почти бежала в комнату, которую Вариар использовал для советов со своими ближними воинами. В этот раз он что-то обсуждал с Хлаудом. Лейв нравился этот мудрый человек, чьи виски только-только тронула первая седина. Он был крепок телом и умом, и молод, несмотря на седину. Его рука уверенно держала меч, а в бою он не уступал любому из воинственных соратников ее мужа. Его светлый ум легко справлялся с самыми трудными задачами, которые подкидывала ему жизнь. Хлауд учил грамоте Вариара и ее саму, что давало ей право обращаться к нему в любой момент за советом, как к своему учителю. Ей нравились эти занятия, когда буквы складывались в слова, а слова в истории.

Дверь с шумом открылась под нетерпеливой рукой Лейв, она не смогла удержать ее, и та стукнулась о стену, заставив мужчин поднять глаза на женщину с ребенком на руках, решительно переступившую порог комнаты, куда никто не осмеливался заходить без разрешения. Вариар пытался справиться со своим удивлением, ведь такое поведение не было свойственно его жене.

– Корабль, – выдохнула Лейв, пытаясь перевести дух, и не давая мужу осознать происходящее. – Боевой корабль. У пристани.

Вариар и Хлауд не стали задавать лишних вопросов и буквально сорвались с места. Лейв поспешила за ними. Она понимала, что рискует, поскольку война не для женщин, во всяком случае, подобных ей, но не могла она и оставить мужа один на один с опасностью, которая угрожала им двоим. Она крепче прижала к груди начавшего успокаиваться Миалла, приговаривая:

– Все хорошо. Не бойся, мой маленький, отец тебя защитит. Вариар нас защитит.

На пристани застыл в боевом порядке небольшой отряд телохранителей правящей четы Ариса, которых Хлауд называл гвардией. Они выставили перед собой копья, направив их на корабль, который уже причалил и спустил сходни. Гвардейцы ожидали нападения, которое они готовы были остановить. Над городом пролетел тревожный набат. Вариар нахмурился и положил руку на рукоять меча.

– Так-то ты встречаешь друзей, Вариар, – раздался с палубы насмешливый голос. – Копьем и мечом?

Тот как-то сразу расслабился, сделал жест рукой, приказывая телохранителям разойтись.

– Сёрен, что за неожиданность? – воскликнул Вариар. – Переполошил весь мой двор. Напугал супругу и ребенка.

– Хотел тебе показать, что наш корабль хорош. Не ожидал такого приема. Прости меня, Лейв.

Сёрен быстро сбежал на пристань и сграбастал своего друга в медвежьи объятия. Впрочем, он сам был похож на это грозное животное статью: мощный, с темно-каштановыми волосями и внимательными карими глазами. Его лицо с тяжелой квадратной нижней челюстью и прямым носом многие в клане Сал считали эталоном мужской красоты. Многие девицы в клане увивались вокруг него. Но Сёрена это не тревожило, его любовницей была война.

– Он впечатляет, друг, – согласился с соратником Вариар, рассматривая корабль, который предстал перед ним во всем своем великолепии, разве что паруса не наполнял ветер. – А что там на знамени?

– Я посчитал, что враги должны бояться нас, а значит, должны издали узнавать, кто идет на них, и выбрал себе опознавательный знак – черный медведь, такой же, как и я, – усмехнулся Сёрен.

– Тебе подходит. Ты сам похож на медведя.

Воин довольно усмехнулся, затем повернулся к Лейв и поклонился ей.

– Прости меня, госпожа, если мой корабль напугал тебя.

– Ничего, Сёрен. Главное, что это оказался дружественный корабль. Иногда и друзья должны пугаться, чтобы знать силу плеча рядом.

Лейв улыбнулась, подняв Миалла, чтобы показать ему его наследие во всем его великолепии: от отполированных вершин мачт до поблескивавшей в лучах солнца бронзы на носовом таране.

– Еще один такой пришел в Самату после твоего отбытия и два мы заложили на верфи, что показал мне Невен. Следующей весной заложим еще, когда расширим верфь. Ты был прав, Вариар, «Разящий» стал началом твоего флота.

– «Разящий»... – Вариар перекатил это имя по языку, прочувствовал его вкус, прислушался к звучащей в нем тревожной музыке. – Хорошее имя для грозного корабля, которому предстоят великие свершения. Пусть враги знают, что он опасен.

Сёрен улыбнулся, явно радуясь тому, что Вариару пришлось по душе название его корабля. Впрочем, и сам корабль тоже. Вождь буквально пожирал судно глазами. Сёрен обвел гордым взглядом собравшихся, прежде чем снова обратиться к своему предводителю.

– Но я привел не только корабль. Думаю, что для полноты твоей власти тебе нужны те, кто будет говорить с богами от твоего имени и от имени твоего народа. Местные боги отличаются от того, что властвует в клане Сал.

– Ты же знаешь, как я отношусь к жрецам, – тут же нахмурился Вариар.

– Знаю. Но жрецы нужны правителю, чтобы укреплять его власть. Эти жрецы будут служить в первую очередь тебе и лишь потом – своим богам.

– Я... Хорошо, пригласи их в дом. Я выслушаю, что они мне могут предложить. А потом подумаю.

Лейв едва заметно улыбнулась, заметив, как муж смягчился к «говорящим с богами», как называли жрецов в Арисе и в подчиненных ему землях. Она давно пыталась преодолеть неприязнь Вариара к жрецам и к богам, объясняя, что народу необходимо во что-то верить, что людям надо как-то отмечать события в своей жизни. Ведь именно жрецы заключали браки, записывали рождение и смерть, благословляли детей и взрослых, решали мелкие вопросы и споры, учили житейской мудрости, организовывали школы для тех, кто был беден и не мог нанять учителя. Тем временем по сходам спустились пятеро: две женщины и трое мужчин, одетые в разноцветные хламиды. Их лица были раскрашены узорами разных цветов: каждый служил своему богу. Одетый в красное жрец, на лице которого буквально горели замысловатые узоры из бесконечных завитков такого же цвета, выступил вперед и почтительно, но с достоинством поклонился Вариару:

– Да будет милостив к тебе и твоим людям великий Ур, повелитель. Пусть его длань коснется твоих полей и шахт и не иссякнут они во веки веков.

– Спасибо, жрец, – холодно отозвался тот. – Пойдем в мой дом, ты расскажешь мне, от имени каких богов ты говоришь.

Жрец невольно нахмурился при этих словах. Но Вариар больше не удостоил жреца и взглядом, направившись в свою резиденцию. Он шагал широко и быстро, как сильный мужчина и воин, впрочем, так же шли и люди, окружавшие его, даже Лейв не отставала от мужа, уже научившись следовать за ним наравне со всеми, но не жрецы. Одетые в яркое люди едва поспевали за владельцем Ариса и Саматы, семена быстрыми, но мелкими шагами, почти переходя на бег. Двое из мужчин начали быстро задыхаться, только две женщины и жрец в синем сохранили спокойный вид и явно силы. Лейв невольно отметила это, хотя и не знала, какую пользу можно из этого извлечь в будущее.

В доме, который служил им сейчас жилищем, царила прохлада, несмотря на начинавшее припекать солнце: осень в этом году никак не могла отвоевать позиции у лета, и к полудню люди начинали страдать от жары, спасаясь лишь в тени домов и деревьев, или в реке, где весело плескались дети, не обращая внимания на предостерегающие крики матерей, в своих домах, или даже в погребках, из которых порой было не выгнать работников. Лейв улыбнулась, вспомнив, как накануне выгнала из своего погреба, где царила приятная прохлада, десяток слуг, старавшихся переждать самое пекло. «Интересно, есть ли в погребе сейчас кто-нибудь. Надо бы сказать Молчуну, пусть проверит и выгонит бездельников. Пока они прохлаждаются, кто-то делает их работу», – мимоходом, больше по привычке, подумала хозяйка дома. Впрочем, эти мысли быстро улетучились из ее головы, когда она увидела кувшины с холодным вином на столе и поняла, что в погребе никого нет, ведь управляющий уже посетил его и явно всех пристроил к работе.

Как и положено правителю, Вариар занял место во главе длинного стола, занимающего главное место в большой, просторной комнате, и кивнул, приглашая жрецов занять места. Те немного суетливо расселись по одну сторону на стульях с высокими резными спинками, по другую места заняли ближние люди хозяина дома.

– Выпейте вина, говорящие с богами, – предложила Лейв, передавая сына нянькам и старавшаяся сейчас не замечать грозный взгляд мужа, направленный на нее. – Сегодня жаркий день. Боги послали нам теплую осень, чтобы мы смогли собрать их дары с полей, а это вино охладит тело и заставит пылать душу.

– Благодарю, госпожа, – ответил жрец в красном. – Да, будет Ур милостив к тебе.

– Пусть Уйя благословит твой дом и твой брак, – мелодичным голосом, казалось, пропела жрица в желтом, вторя ему.

Вариар поморщился, словно стул, на котором он сидел, отрастил шипы, впившиеся в его тело.

– Так от имени каких богов вы говорите? – небрежно махнув рукой, словно отгоняя назойливую муху, спросил он.

– Мы не говорим от имени богов, правитель, – покачал головой все тот же жрец в красном. – Мы говорим с ними. Возносим им молитвы, приносим жертвы, чтобы они услышали нас. Обращаем к ним просьбы тех, кто приходит с ними в храм к ним. Мы не несем волю богов людям, они являют ее сами. Когда хотят. Не нам, презренным смертным, говорить от имени их.

– Это очень необычно, ведь все жрецы пытаются донести до людей волю богов. Порой путая ее со своей, – хмыкнул Вариар на такие слова.

– Зачем? – красный жрец искренне удивился. – Боги всемогущи, и им не нужны те, кто будет говорить от их имени. Если они недовольны тобой, они отнимут у тебя здоровье, жизнь, богатство, счастье. Каждый по-своему. Сейчас боги довольны тобой и покровительствуют тебе, ты их любимец, иначе тебе не помогла бы и самая мощная армия при штурме Саматы, повелитель. Боги не позволили бы тебе захватить ее.

– И что ваши боги ждут от людей?

– Кто знает, правитель, кто знает... Боги непредсказуемы. И волю их предсказать не дано. Возможно, сейчас они хотят, чтобы ты стал сильнее и взял под руку свою многие земли. Завтра потребуют уничтожить их врагов и привести их в храмы. А еще через день захотят, чтобы ты помирился с братом своим, или захотят его жизнь. А может, им будет угодно, чтобы твое семя проникло в лоно твоей жены на их алтаре в определенный день, дабы родился великий ребенок. Кто ведает замыслы богов? Я не ведаю, мне боги не говорят о том.

– И как я узнаю о воле богов?

– Я не вправе говорить от их имени, правитель, я могу только молиться за тебя, твою супругу и сына твоего, за твой народ, благословлять браки, записывать и благословлять расставание уставших друг от друга супругов, просить милости и защиты Ура для них, но не говорить от имени его, не вещать его волю. Он сам даст тебе знать, что нужно ему от тебя. Ты сам захочешь это сделать, и сделаешь, даже против своей воли. Ибо такова сила богов.

– Ты мудр, жрец. Не то что те, кто поклоняется дневному светилу.

– Это не я мудр, правитель, а мой бог. Он создал эти правила для своего жречества, именно он в мудрости своей запретил нам вещать его волю народу. Впрочем, все ошибаются, и если я когда-нибудь произнесу слова «Такова воля богов» – он лишит меня жизни.

– И как же твой бог требует повиновения от нас, смертных?

– Ему не нужно повиновение твое повиновение, правитель. Ему нужна твоя вера. Чем больше ты веришь в него, тем сильнее он становится. Каждый твой призыв к нему, каждое произнесенное тобой его имя, придают ему сил. Если ты будешь лишь из боязни идти к его алтарям, много ли веры твоей он получит? Потому Ур не только карает, но и дарует.

– Ты складно говоришь, жрец.

– Я говорю то, что знает каждый, кто осенен милостью наших богов. Никто из них не требует подчинения, всем им нужна наша вера. И более ничего. Ибо только чистая вера может придать богу сил. И эта сила гораздо больше, чем та, что дает людской страх.

– У эльфов суровые боги, – вклинился в разговор Хлауд, которого явно заинтересовали слова жреца.

– У эльфов властолюбивые жрецы, что отошли от веры своей и от богов своих и делают все, дабы иметь власть над королем. У эльфов жестокие боги, что появились на заре времен, – ответил тому жрец, одетый в синее, поставив на стол свой бокал вина. – Наши боги сурово карают жрецов, что вмешиваются в игры и свары тех, кто правит народами. Ведь дело жрецов просить за смертных.

– У вас мудрые боги, – хмыкнул Вариар, глядя на жреца поверх края своего кубка.

– У нас мудрые боги, – согласился тот. – Они знают, что за благами и дарами люди быстрее придут к ним и, даже страшась эльфийских богов, втайне будут взывать к тем, кто мудр и щедр к детям своим.

– А не хитрость ли это? Вот ты, кому служишь? Твои одежды и узоры на лице отличаются от того, кто служит Уру, – прищурил глаза Вариар.

– Ты прав, правитель, я служу неистовому богу войны Уну, что питается храбростью уверовавших в него воинов.

– Поясни.

– Мой бог Ун черпает свое могущество в храбрости воинов, которые идут в битву. Если, нанося врагу удар воин выкрикнет его имя, Ун станет сильнее, намного сильнее. Даже сильнее, чем от крови убитого таким воином врага.

– Хорошо, жрец, вы заставили меня задуматься. Я дам вам ответ завтра, будут ли ваши храмы стоять в моих городах, но я точно не буду препятствовать вере моих людей.

Вариар сделал глоток вина, давая понять, что хватит с него религиозных разговоров, но Лейв видела, что ее муж крепко задумался о вере в их богов. И она совершенно отчетливо

понимала, что он готов принять их и позволить строить храмы и алтари в Арисе и Самате, но что-то случившееся в прошлом не позволяет ему сделать это с легким сердцем.

*Третий месяц осени амлар. конец.
2 год до рождения империи.*

Жрец верховного бога Ура застыл на небольшом холме, который образовывался берегом Кивара, что нес свои полные воды в океан мимо Ариса. Легкий ветер, в котором уже чувствовались ноты прохлады, возвещал о скором наступлении зимы. А пока утреннее солнце высекало огонь из последних золотых листьев, что украшали пышные кроны деревьев на противоположном берегу. Взгляд жреца скользил по стройке величественного храма Пяти богов. Пока было сложно предположить, как будет выглядеть этот дом богов, ведь за две недели успели только заложить фундамент и настелить пол из тяжелых мраморных глыб, которые с каменоломни к месту строительства доставлял выписанный из Саматы специалист. По просьбе Эскура, верховного жреца, носившего одежды красных цветов, при укладке пола соединили два сорта мрамора, уложив плиты в звездный узор, что был угоден богам. На черном матовом мраморе буквально сияли вкрапления розового цвета, создавая иллюзию ночного неба, полного звезд. Теперь строители возводили внешние и внутренние стены. Храм должен был стать жемчужиной Ариса, которая будет сверкать на солнце молочно-белыми стенами, украшенным искусной резьбой. Вариар не поскупился и нанял заносчивого, но очень талантливого эльфийского мастера резьбы по камню. Внутренние же стены складывали из черного мрамора с серебристыми прожилками, который создавал ощущение ночного грозового неба, прорезаемого яркими молниями верховного бога Ура, грозного и сильного.

Эскуру очень нравилось то, что он уже видел, и то, что он представлял. Эльфу предстояло еще вырезать из молочного мрамора статуи пяти богов. Мудрого Ура, его справедливую супругу богиню жизни Уту, их грозного сына бога войны Уна и дочери прекрасной богини любви Уйи и, наконец, мрачного брата верховного бога – бога смерти, властителя царства мертвых – Ула. Жрец верховного бога попросил скульптора изобразить Ура и Уту похожими на Вариара и Лейв. Эскур был уверен в глубине души, что эти двое – воплощение его богов на земле, потому не считал богохульством такую просьбу.

Арис рос, все больше одеваясь в мраморные одежды. В городе теперь не было лачуг: дома бедняков строились из известняка, который покрывали мраморной крошкой, чтобы домики имели благородный вид. Дома богатых горожан и резиденции ближних воинов Вариара могли похвастаться фасадами из молочно-белого мрамора, а в предместьях города царили деревянные дома, порой напоминавшие огромные поместья. Арис был богатым городом благодаря серебряным рудникам и карьерам с белым и розовым мрамором, к которым прибавился черный мрамор, что добывали в землях Саматы. Арис был безопасным городом благодаря своему правителю и тем двадцати, что пришли вместе с ним. За три года они смогли собрать и обучить небольшую армию, отличавшуюся жесткой дисциплиной. Захваченные города войскам Вариара было запрещено грабить, воины получали жалование, которого хватало на безбедное существование даже в столице. Такое мудрое решение позволяло правителю Ариса не думать о том, что завоеванные им земли взбунтуются и постараются освободиться из-под его руки.

Эскур считал Вариара мудрым правителем, который переступал даже через свое недоверие к чему-то если это требовалось его людям. Так он поступил и с жрецами, прибывшими к нему в город с предложением построить храм и доносить молитвы горожан до богов. Вариар не любил жрецов, это было видно по его взгляду, и по тем мыслям, которые таились в синих глубинах его глаз. Он настороженно относился к каждому их слову, словно опасался,

что его обманут и попытаются манипулировать его волей, это было видно по твердо сжатым губам. Но Эскур видел, что те полтора месяца, что они провели в его городе, правитель Ариса и Саматы стал оттаивать: уже меньше сжимались его губы, уже не так часто темнел его взгляд при виде жрецов.

Возможно, что в этом была заслуга и прекрасной жены Вариара, Эскур не знал. Он видел в этой женщине свет, который может осветить путь не только ее мужу, но и всем, кто находился рядом. Это был не огромный костер, который грозил бы сжечь Лейв изнутри, нет. И не то хаотичное пламя, что грозит спалить все вокруг него. Скорее это было похоже на теплый и уютный огонь домашнего очага, который согревает холодными ночами, или на свет в окне, который зовет путника домой и согревает его душу близкой встречей с родными и любимыми. Она была светлой и теплой, как мать любого ребенка для своего малыша. Но она была такой для каждого жителя Ариса. Эскур, наконец, осознал, почему все в этом городе любят и слушают Лейв, она была похожа на мать каждого из них, от нее словно исходил теплый ореол материнской любви, перед которым невозможно было устоять. Она окутывала их заботой, но и строго требовала соблюдения правил, которые установил ее муж.

– Верховный жрец, наконец-то я нашел вас.

Эскур обернулся, прикрывая глаза от солнца ладонью и пригляделся к тому, кто потревожил его размышления о правящей чете.

– Хлауд, что привело вас на сей продуваемый ветрами холм?

– Я хотел решить несколько вопросов с вами, – торжественно возвестил тот. – Вы же знаете, что времени у нас не столь много.

– Зачем же так формально, друг мой. Давайте найдем место поуютней, и вы расскажете мне, в чем состоит ваша беда.

– Это не столько беда, сколько затруднение. Понимаете, в законах Элеана очень жестоко решен вопрос религии, – начал объяснять Хлауд. – Любые проповеди и открытое почитание чужих богов – запрещены. Наказание очень жестокое: преступника кидают в лабиринт их богини мертвых Хесель. Насколько я знаю, там живут ядовитые пауки, многоножки, тоже ядовитые, и какое-то чудовище. Как оно выглядит, никто не знает, никто никогда его не видел, а те, кто видел, уже никому не расскажут, но то, что оно убивает, разрывая жертву на части, говорит о его размерах и свирепости.

– Какие ужасы вы мне рассказываете, друг мой, – Эскур даже побледнел от услышанного. – Как можно поступать так с тем, кто не верит в твоих богов? Ведь это воля каждого, кто верит, кому из богов молиться?

– Ну, по правде говоря, верить они не запрещают, но вот открыто демонстрировать, а тем более оспаривать власть их богов нельзя. Это наказывается смертью.

– Первое – это глупость, скажу я вам. Если человек не верит в этих богов, как можно ему запрещать открыто верить в своих. Ведь от этого сила их богов не увеличится. Ну, а второе можно допустить, ибо оспаривать власть богов в их городе по меньшей мере невежливо. Но тут и боги могут сами вмешаться – наказать наглеца. Зачем смертным вмешиваться в дела богов?

– Знаете? Я с вами согласен, молящийся за нас. Но мой вопрос к вам прост, что вы скажете о правах других религий в нашем городе?

– Ничего не имею против того, чтобы наши гости, да и горожане верили во что угодно, хоть в летучих крыс, что приносят им удачу и богатство. Ведь привести их к вере в Ура – моя цель в жизни, как говорите вы, воины, это мой бой. И если у меня не получится, значит, я никудышный жрец. И это и есть моя беда, а не забота закона и властей этого города.

– Это великолепно, – воскликнул Хлауд, когда они добрались до домика жреца, который пока совмещался с небольшим импровизированным храмом, и где хранились свитки архива, куда Эскур записывал летописи Ариса и важные сведения о жителях города. – А что вы скажете об отрицании богов?

– Отрицание – это оскорбление меня и других людей, но не богов. Хотя мне неведомо, что Ур думает по этому поводу. Думаю, если ему будет угодно, он накажет оскорбившего его самолично. Но убивать за отрицание бога – это последнее дело, которое может сделать смертный. Знаете, друг мой, – жрец сел за стол и разлил по высоким бронзовым стаканам фруктовый сок. – Я считаю, что, если кто-то отрицает бога и верующие в него оскорбляются, значит, их бог слаб. Слаб, потому что его оскорбляет неверие какого-то смертного, и он полагается на своих адептов в том, чтобы утверждать свою власть. Наш бог не оскорбляется отрицанием своего существования, и запрещает человеческие жертвоприношения неверующих, как и их казни за это. Ур выше такого, его не пугает, что кто-то в него не верит и верит в другого бога. Но что-то мы увлеклись с вами вопросами веры в богов. Что вы хотели у меня спросить? В чем ваше затруднение, друг мой?

– Вы уже разрешили все мои затруднения, верховный жрец. Думаю, что у нас не будет смертных казней для еретиков.

– Вот и славно.

Эскур улыбнулся и отсалютовал Хлауду стаканом. Ему нравилось разговаривать с этим начитанным и умным человеком, который разбирался в тонкостях мироздания не хуже жреца какого-нибудь бога, что было удивительно для воина клана Сал, которые кроме меча и доспехов ничего и не знали в этом огромном мире. Эскур подумал, что ему дважды повезло в его жизни: завоевание Саматы спасло его от самодурства главных семей этого города, и завоевали ее именно эти воины из клана Сал, а не выходцы с Серых островов.

ГЛАВА третья

*Третий месяц весны вирар. Начало.
1 год до рождения имперши.*

Аркус раскинулся вдоль побережья моря, словно ленивый кот на ярком летнем солнце. Огромный серо-белый кот, которого разморило жарой и легким ветерком, дувшим с моря. Лазоревые волны набегали на песчаный берег. Яркие лучи солнца заливали его расплавленным золотом, на котором круглые камни, созданные многолетним трудом волн, смотрелись сверкающими кабошонами горного хрусталя или опала. Яркая зелень деревьев выделялась на золоте и синеве. Сам город выглядел как дорогое ожерелье с четырьмя большими вилами, жавшимися к скалам, и разбегавшимися полукругом аккуратными бело-розовыми домиками, напоминающими крупные бусины. Аркус утопал в зелени, которая не только придавала ему особое очарование, но и спасала домики от разрушительных морских ветров.

Самоуверенность хозяев города поразила воинов Вариара: они искали взглядами крепостную стену, но так и не нашли ее. Городок был открыт всем ветрам. Даже порт никак не защищался, позволяя крутобоким торговым кораблям рядами стоять у далеко убегавших в море пристаней. Такое пренебрежение безопасностью не встречало сопротивления со стороны горожан.

– Похоже, они ничего не боятся. Так беспечно приглашают всех к себе, – ни к кому конкретно не обращаясь, пробормотал Вариар. – Очень зря. Очень-очень зря. Те, кто приходит, идут с разными намерениями.

– Они вывели свои войска в поле, которого нам никак не миновать, – отозвался командир пехоты Эльди. – Разведка докладывает о трех тысячах воинов. Из них примерно половина – конница, остальные – легковооруженные пехотинцы.

– Все это не страшно. Наш главный удар будет с моря. К тому же, неужели мы боимся боя?

– Потери будут большими.

– Мы постараемся их сократить, Эльди. Будем работать на дистанции. Сегодня главными будут лучники, и две-три илы конницы, не больше, которые будут налетать, бить и отступать. А мы... Наши основные силы будут стоять на приличном расстоянии, защищать лучников и в атаку не пойдут. Наша задача – удержать горячие головы от того, чтобы броситься в гущу сражения.

– Погоди, мы же готовили другой план битвы, – Эльди был очень удивлен, услышав подобное от своего предводителя.

– Готовили, – кивнул Вариар. – Но возможно, в нашем лагере есть шпионы, ведь в Арис пришло много людей за последний год, потому план был один, а подготовлен заранее другой. Лично мною.

– Мудрое решение.

– Главное, чтобы оно помогло нам выиграть эту битву. А это мы вскоре узнаем.

– Мы победим. Это неизбежно. Смерти нет!

– Смерти нет! – подхватили войска девиз Вариара.

Тот улыбнулся, присоединяясь к своим воинам. Пять тысяч мужчин в едином порыве скандировали девиз своего полководца, словно он придавал им сил и уверенности в неминуемой победе. Вариар чувствовал, как каждое выкрикнутое им слово прибавляет ему сил, словно девиз имеет магическую силу, укрепляющую кости и мышцы. И они не боялись, что их услышит противник, наоборот, надеялись, что их боевой клич заставит поджилки защитников Аркуса мелко трястись, кого-то – и бежать, побросав оружие. С моря налетел бриз, несущий в себе запах свежести и соли, смешиваясь с терпким ароматом неизвестных цветов. В бессиль-

ных попытках охладить разгоряченных перед боем воинов, он снова и снова врывался в их ряды, овеивая открытые лица. Словно невидимый защитник города, он пытался сделать хоть что-то, но не мог. Ему не суждено было стать ураганом, что сметет врагов одним порывом, а легкого бриза они не боялись.

Взгляд Вариара был прикован к сверкающим на ярком южном солнце водам моря и к границе бухты, ограниченной двумя выдающимися в море скалами. Из-за мыса должен был показаться флот с десантом на борту, которому отводилась главная роль в начинавшемся спектакле. Четыре гордых и грозных корабля: два были захвачены вместе с Саматой, и еще два быстро построены Сёреном. В отличие от первого визита в Арис, их паруса были натянуты, а на флагах красовался атакующий золотой единорог на красном поле. Все попытки Вариара отстоять серебро, которое украшало его ножны, увенчались неудачей. Главный жрец и Хлауд заявили, что цвет королей – золото, а спорить с ними было пустой тратой времени. Эти двое могли бы кого угодно убедить даже в том, что солнце зеленое.

Кони нетерпеливо переступали с ноги на ногу. Вариар погладил своего жеребца по шее, сдерживая его желание ринуться в бой. Но долго ждать не пришлось. С очередным порывом соленого ветра из-за мыса, ограничивавшего гавань, вышли четыре боевых судна со свернутыми парусами. Они гордо летели на мелких волнах, которые были увенчаны белыми барашками. Вариар прищурился, ожидая условного сигнала. И вот, подойдя к сонному городу на самое небольшое расстояние из возможных, корабли развернули паруса, и единорог гордо полыхнул на солнце, ослепляя своим великолепием. В городе их заметили: тут же взревели сигнальные трубы, поднимая остатки городского гарнизона по тревоге. Поздно.

– Теперь наше время! – произнес Вариар, стараясь скрыть довольную усмешку.

Его армия выехала из леса как раз тогда, когда защитники Аркуса разворачивали свои ряды и собирались ринуться на помощь своему городу. Но их планы нарушили три илы тяжелооруженных всадников, что врезались в их правый фланг, смешав и без того находящиеся в беспорядке ряды. Всадники нанесли мощный и быстрый удар, и тут же отошли, оставив за собой несколько десятков убитых. Следом в дело вступили лучники, окончательно посеяв беспорядок в рядах противника. Армия Аркуса запаниковала, что не вызвало удивления у Вариара. Городское ополчение, облаченное в плохие, выдавшие виды доспехи, а то и вовсе без них, и вооруженное по большей части дубинами, ничего не могло противопоставить обученному войску Ариса, чью основу составляли воины клана Сал, пришедшие под руку Вариара. Особенно в тот момент, когда свистящие стрелы черной тучей закрывали небо, выкашивая ряды, а на смену этим больно жалящим, убивающим снарядам, приходили закованные в тяжелую броню всадники, нанося болезненный удар и уходя прежде, чем им успевали нанести хоть один удар в ответ. Защитники Аркуса быстро стали похожи на обычную толпу горожан в базарный день, которая бестолково металась по кромке широкой поляны, ища защиты под кронами деревьев, но не находя ее и там. Стрелы доставали всех.

Примерно через хору все было кончено: потеряв около четверти своих бойцов, ополченцы Аркуса побросали свое незамысловатое оружие на землю и опустили на колени, признавая свое поражение перед этим грозным противником. Их быстро разоружили и сняли с них ремни. Это был скоротечный бой, почти без потерь со стороны нападавших, и Вариар был доволен таким финалом, к тому же его небольшой флот успел к тому моменту захватить город, который не ожидал удара с моря и сдался почти без боя. Моряки действовали быстро и слаженно: лихо подвели свои корабли к причалам, сминая утлые лодки, что болтались на воде. Десант мгновенно сбежал по сходням и ворвался в город, подавляя любое сопротивление на своем пути. Аркус пал даже быстрее, чем сдались ополченцы, что противостояли силе армии Вариара.

Подавив жалкое подобие сопротивления, воины Ариса выстроились вдоль улиц, контролируя каждый взгляд со стороны местного населения, который они могли кинуть на их командиров. Мародерство было запрещено под страхом смертной казни, потому никто даже

не помышлял зайти в дом и взять даже жалкую монетку или кусок хлеба. Строгая дисциплина отличала армию Ариса.

Жители Аркуса сначала испуганно жались к стенам своих домов и прятались внутри, наглухо закрыв все окна и двери в ожидании погромов, грабежей, насилия и расправы над своим гарнизоном – всего того, что сопровождает войну и вступление неприятеля в город. Но завоеватели продолжали стоять, вытянувшись по струнке, сияя в солнечных лучах начищенными до блеска доспехами. Остатки гарнизона сбили в кучу и удерживали на месте стеной щитов. Впрочем, их состояние не требовало такого жесткого контроля. Воины были растеряны и явно не знали, что делать. Среди них не было героев, готовых броситься на врага, и погибнуть, так и не причинив ему особого вреда. Это был бы изощренный способ самоубийства.

Когда появилась тяжелая конница Вариара во главе с самим правителем Ариса и Саматы, воины местного гарнизона и горожане поняли, что любые попытки сопротивления были бессмысленны, даже лелеемые в мечтах. В каждом движении этой закованной в металл массы людей и лошадей сквозила мощь, способная смести с ног даже великана, который имел бы неосторожность встать у них на пути. В их глазах читалась невероятная гордость своим господином. Над головами всадников развевалось красное полотнище знамени, украшенное золотым единорогом. Никто из военачальников и офицеров Вариара не взял свои личные штандарты в этот бой. Они посчитали это ненужным, ведь главным был штандарт Вариара.

– У вас есть выбор, – возвестил Вариар, останавливаясь перед пленниками, и голос его был подобен грому, что разносится над волнами перед штормом. – Рудники или служба в моей армии.

– Твоей армии? – раздался голос из толпы. – Это мы должны служить тебе после того, как ты пройдешься по нашему городу огнем и изнасилуешь наших женщин?

Вариар нахмурился. Ему не понравились эти пустые обвинения, но тем не менее он остановил своего воина, который уже занес свое копьё над головой несчастного.

– Я не терплю пустых слов. Докажи свои слова, воин. Кто причинил вред твоей женщине и твоему дому?

– А чего мне доказывать? Так всегда бывает. Захватчики с Серых островов и из Саргоссы уже несколько раз приходили к нам, а мы потом отстраивали город заново.

– Я отвечу на твои пустые обвинения, – Вариар впился взглядом в обвинителя. – Я не грабитель. Я пришел сюда, чтобы присоединить вас к двум своим городам. Вы будете под моей защитой. Вы станете моими людьми. Вы станете частью моих владений.

– И что нам это даст?

– Спроси у тех, кто жил в Самате. Они расскажут тебе.

– Самата? Они наши враги, – упрямо выпятил подбородок воин.

– Теперь они будут вашими соплеменниками. Их... Мой флот будет вас охранять от грабителей с Серых островов. Моя армия защитит вас от налетчиков из Саргоссы. И это настоящая армия, а не вооруженные дубьем мужики, которые никогда никого не убивали, кроме рыб.

– Всего четыре корабля? – спорщик презрительно скривился.

– У вас и того нет, – усмехнулся Вариар. – А несколько месяцев назад было два.

– Что с ним спорить, Вариар. Позволь мне нанести милосердный удар, – возмутился Сёрен, стоявший рядом с конем предводителя.

Не расходясь со своими словами, он сомкнул пальцы на рукояти меча и потянул его из ножен.

– погоди, друг, – произнес Вариар, делая успокаивающий жест рукой. – Он имеет право задавать вопросы.

– Но почему ты должен оправдываться, если твои люди не совершили ни одного преступления, забрав у них только оружие, если эти дубины вообще можно назвать оружием.

– Сёрен, дай ему ответить. А мы слушаем.

Правитель Саматы отступил на шаг, продолжая напряженно сжимать рукоять меча, готовый в любой момент пустить его в ход. Воин, кидавший до этого обвинения в лицо Вариара, молчал. На его лице теперь читалось не упрямство, а какая-то растерянность, почти детская обида. Но на что или на кого – понять было сложно.

– Что же ты молчишь, воин?

– Я уже все сказал, что хотел.

– И каков твой выбор?

– Я не знаю. Ваши слова красивы. Вы обещаете заботиться о нас, но я не уверен, что так и будет. Но если вы говорите правду, я приму вас, как правителя Аркуса. Ради этих людей, ради своей семьи.

– Ты бывал в Самате?

– Да. Однажды. Грязный город, где никто не заботится о жителях, лишь о своем брюхе.

– Вот если бы я не знал, что он про давние времена говорит, я бы оскорбился, – заявил Сёрен.

– Ты можешь отправиться с моим другом в качестве почетного гостя, затем он отвезет тебя в Арис...

– В эту деревню? – перебил Вариара воин, скривившись.

– Теперь впору оскорбиться мне, – усмехнулся правитель Ариса.

– Ты будешь сильно удивлен, приятель, когда увидишь эту деревню, – усмехнулся Сёрен.

– Как тебя зовут, воин? – соизволил, наконец, спросить Вариар.

– Эгат.

– Что ж, Эгат, можешь грузиться на корабль. Остальные пусть сообщат о своем решении моим офицерам. Они будут заниматься этим делом, – с этими словами Вариар посмотрел по сторонам, затем обратился к Эльди. – Надо бы найти место для отдыха.

Военачальник кивнул и что-то прошептал всаднику, что замер рядом с ним, тот тут же развернул лошадь и куда-то помчался, насколько позволяли узкие улочки Аркуса. «Даже, если это против военной безопасности, надо их расширить. Перестроить город. Сделаю его торговым центром мира», – подумал Вариар, наблюдая затем, как гонец Эльди лавирует среди прижавшихся друг другу домиков.

Третий месяц лета милрар. Начало.

1 год до рождения империи.

Храм устремлялся в ночное небо, словно мог дотянуться до богов, чьим домом в мире смертных являлся. Даже еще недостроенный, он был величествен. Оставалось только установить великолепную крышу, увенчанную скульптурами самих богов. Грандиозное детище амбициозного эльфийского зодчего. Его черный мраморный свод должны были пронизывать белые молнии, в которых будет отражаться полуденное солнце, оживляя их. Хлауд смотрел на это монументальное сооружение и чувствовал спокойствие, которое окутывало его, словно теплые объятия матери. Тревога за Вариара и его поход на Аркус ушла, вместо нее пришла радость от победы, которую они одержали в Аркусе, и тот триумф, который поселился в их душах. Неумолимо приближалось оговоренное с ним время, когда Вариар возложит на себя корону и объявит о своем решении. Хлауд улыбнулся. Рождение империи Мирэй будет величайшим событием в истории Подлунного мира.

Бесшумно он подошел к храму и положил руки на гладкие и теплые стены, что показалось бы странным, если бы не жаркий день, тепло которого впитал мрамор. Хлауд закрыл глаза и что-то быстро зашептал. Стена стала горячей, почти обжигающей. Он едва устоял, чтобы

не отдернуть руки. Жар рванулся от кончиков его пальцев вверх и в стороны, полностью покрывая храм. На мгновение ночь вспыхнула ярким белым светом. Змеящиеся лучики пробежали по стене недостроенного храма. Хлауд убрал руки и открыл глаза. Не успел он развернуться, чтобы так же тихо вернуться домой и забыться в тяжелом сне, как его взгляд уперся в недовольную физиономию эльфийского зодчего, застывшего перед ним.

– Что вы тут делаете, позвольте узнать? – недовольным тоном спросил тот, явно испытывая неудовольствие от общения с человеком.

– Тут никого нет, Лоэналь, – усмехнулся в ответ Хлауд, шагнув вперед. – Можешь сбросить свою маску, старый друг.

Великий эльфийский зодчий Лоэналь Аминирах Вират скривился, окинул стоявшего перед ним человека презрительным взглядом, как пыль под своими ногами, затем вздохнул, будто смирившись с безрассудством последнего, и маска высокомерного презрения слетела с его лица, уступив искренней радости встречи с другом.

– Так что ты тут делаешь, друг мой Хлауд? – повторил эльф свой вопрос уже теплее.

– Ничего особенного. Теперь твоё прекрасное творение простоит вечно. Ему даже время не страшно.

– Храм еще не достроен. Остается установить крышу. Мое великое творение, – Лоэналь с каким-то благоговением посмотрел на творение рук своих.

– Моя защитная сеть опутает и его, как только он коснется стен.

– Ты снова творишь заклятье? – эльф недовольно нахмурился.

– Простенькое. Оно не стоит дорого.

– Ты же знаешь цену, мой друг. Ты расплатился еще одной частичкой своей жизни только для того, чтобы мраморный дом стоял вечно? Это безумие, старый друг. К тому же это мог сделать я.

– Ничего, Лоэналь, это всего лишь один день из отпущенных мне лет.

– День там, день здесь и сколько их набегает всего, Хлауд?

– Не так много, как ты думаешь.

– Это я мог бы сказать «не так много». Что значит десяток-другой лет в бесконечной жизни эльфа, но для человека этот десяток стоит вечно.

– Она у вас не бесконечна, – проворчал Хлауд.

– Для вас, мой друг, для вас она выглядит бесконечной. Но не уводи меня с нити нашей беседы, друг. Для меня этот день ничего не значит, а для тебя это большая плата за столь бессмысленное заклинание, действие которого ты не ощутишь. Я бы и сам наложил такую сеть.

– Я не хотел тебя просить, Лоэналь, – покачал головой Хлауд. – Ты и так сделал для нас бесконечно много.

– Я бы не отказал тебе, как не отказался приехать сюда и сотворить храм для твоего правителя.

– Я не хочу тебя утруждать, старый друг, – упрямо повторил Хлауд.

– Как пожелаешь, – со вздохом сдался эльф, понимая бессмысленность этого спора с упрямым человеком.

Хлауд с довольной улыбкой кивнул, признавая это шутовское поражение друга.

– Не расстраивайся, друг мой. Моя жизнь не столь ценна, главное – закончить то, что я начал. Империя станет и моим памятником.

– Я не одобряю твоих действий, но я ничего не могу поделать. Я останусь тут, мой друг, и буду строить город, а еще приглядывать за тобой, чтобы ты не сгорел в службе своей.

– Вот и прекрасно. Отстроишь нам столицу, – радостно заявил Хлауд. – А там и другие города могут тебя заинтересовать.

– Вы все-таки решили поспорить с эльфийским королем в великолепии столицы? – Лоэналь нахмурился.

– Наши интересы не пересекаются с интересами твоего народа, друг. Мы молимся другим богам, мы живем далеко от них. Мы строим свой мир.

– Но Вариар завоевывает город за городом.

– Даже если он дойдет до границы Элеана, он ее не переступит. Мы идем по землям людей, объединяя их вместе под одной рукой.

– Пусть будет так. Лучше вам никогда не пересекать наших границ. В Элеане сгинул не один человеческий воин. А твоему племяннику я такой участи не желаю.

– Ну, я-то не сгинул, – хитро прищурился Хлауд, пнув на ходу какой-то камень.

– Не сгинул, – согласился эльф, улыбнувшись.

Селера ярко освещала улицы Ариса, по которым шли старые друзья, заливая их расплавленным серебром. Город безмятежно спал, только редкие патрули городской стражи вышагивали вдоль улиц, храня покой граждан. От обычных солдат их отличали темно-красные плащи, украшенные золотым единорогом на плече, и красно-золотые ленты, повязанные на руку. Офицер патруля ходил в шлеме с красным гребнем, что позволяло быстро определить главного, и заставлял уважительно вести себя с ним. Один из таких патрулей, выруливший на них из-за угла, схватился было за оружие, неожиданно встретив двух поздних прохожих, но офицер узнал в лунном свете приближенного к правителю человека и эльфийского зодчего, подал своим людям знак убрать оружие, поклонился Хлауду, и патруль поспешил дальше, охранять покой горожан.

Эльф усмехнулся, пряча лицо в тени капюшона и с интересом наблюдая за этой картиной. Ни командир патруля, ни Хлауд не произнесли ни слова, но в их действиях чувствовалось уважение друг к другу, хоть они и не были знакомы, и определенная связь, которая была не понятна Лоэналю. В его родном городе офицер и аристократ окатили бы друг друга презрительно-ледяными взглядами и только потом разошлись, тут же в глазах людей читалось уважение, теплота и уверенность в себе. Эльф не хотел признаваться, но ему нравилось в Арисе, и он всеми силами пытался найти непреодолимый для себя предлог для того, чтобы остаться здесь до конца своей долгой жизни.

– Знаешь, друг мой, я бы перестроил дворец вашего правителя, – задумчиво произнес Лоэналь, когда они уже сидели за столом в чистой и просторной таверне. – Не достойно такого воина, как Вариар, жить в такой ужасной постройке, которую он зовет домом. Кто его строил? И эту таверну я тоже, пожалуй, перестрою, – добавил он, оглядевшись по сторонам.

– Чем тебе не угодила эта таверна? – усмехнулся Хлауд.

– Оглядишься, друг мой, – предложил эльф, что так и не снял капюшон плаща. Со стороны казалось, что Хлауд беседует со шпионом или призраком. Лоэналь презрительно обвел широким жестом зал. – Какая безвкусица. Деревянные балки, эти держатели для факелов, такой массивный, давящий потолок из этих жутких досок, а эти ужасные полы из... Что это? Дуб? Так еще и воском натерли. Ты посмотри на эти стены, зачем там этот серый камень, в зале от него неуютно. А эта мебель. Ужасные столы, они такие массивные, что, кажется, сейчас придавят меня к полу. А эти жуткие коричневые полки за не менее жуткой стойкой. Нет, друг мой, тут не то что пить и есть не хочется, тут и банально посидеть нет желания. Это таверна не достойна столь богатой столицы, как Арис. Ее непременно надо перестроить.

Хлауд усмехнулся, согласно кивнув другу. Таверна, хоть и была лучшей в городе, производила удручающее впечатление. Впрочем, решение эльфа переделать это заведение, где посетителям подавали прекрасное вино, привезенное из самой Дамии, славившейся своими виноградниками, обрадовало Хлауда. Дамийское было очень дорогим, и мало кто мог его себе позволить, потому эту таверну облюбовали только представители высшего света Ариса, желавшие насладиться уникальным букетом. Темно-рубиновая жидкость мерно покачивалась в его латунном кубке, отражая свет факелов, закрепленных на стенах. Хлауд потянул воздух, вдыхая его аромат, наполненный оттенками красных и черных фруктов, со щедрыми нотами специй

и черешни. Затем он сделал глоток, и все это великолепие перешло в неповторимый букет дамийского красного. Чистый, многослойный, гармоничный вкус с пикантными оттенками тех самых специй, что слышались в его аромате и засахаренных черных фруктах, ощущался на языке бархатистой текстурой, которая заставляла голову кружиться.

– Хороший напиток, – одобрительно кивнул Лоэналь. – Но все же ему не сравниться с Лунным вином из Элеана.

– Лоэналь, ты сейчас совершаешь непростительную ошибку, – улыбнулся Хлауд.

– Какую?

– Сравниваешь белое и красное вина. Так нельзя. Дамийское красное вне зависимости от винодельни, которая его произвела, великолепно, я бы даже сказал, что оно лучшее в нашем мире, элеанское Лунное вино лучшее среди белых вин. Хотя Черная кровь из Дамии намного лучше.

– Допустим. Знаешь, старый друг, иногда я удивляюсь, как из варвара, что вырос в клане Сал, получился столь сведущий в тонкостях мира и его удовольствиях человек.

– Элеанские учителя довольно строгие, а я хороший ученик, – усмехнулся Хлауд, признавая комплимент Лоэналя. – Да я и не совсем варвар. Моя кузина была женой вождя, так что я, можно сказать, из высшей аристократии.

– Хорошая шутка, – улыбка эльфа стала шире. Он отсалютовал другу бокалом и тут же сделал глоток вина, словно только что произнес тост.

– Действительно, – согласился человек, салютуя ему в ответ.

За стенами таверны царила теплая летняя ночь, освещенная светом яркой полной луны, который придавал городу нереальные очертания, превращая его в странное, дорогое украшение. Из-за горизонта медленно выплывала малая красная луна Серпий. Город спал, не подозревая о грандиозных планах эльфийского зодчего, которого призвали из Элеана лишь для того, чтобы построить главный храм города.

– Знаешь, чем я займусь сразу, как установлю крышу на храм? – разглядывая блики желтого света факелов на вине у себя в бокале, спросил Лоэналь.

– Займешься перестройкой этой таверны? – пожал плечами Хлауд.

– Нет. Это потом. Сначала я построю мраморный канал с прекрасными мостами и статуями, соединю Кивар с его притоком.

– Ты... что?! – человек вскочил на ноги и в изумлении уставился на эльфа.

Посетители таверны недовольно посмотрели в сторону шумного посетителя. Тот огляделся по сторонам и, пробормотав себе под нос извинения, сел на место.

– Что ты собираешься сделать? – уже тише спросил Хлауд.

– Соединю Кивар и его приток, – спокойно пояснил Лоэналь.

– Как? Зачем?

– На который из твоих вопросов ответить первым? – усмехаясь спросил эльф.

– На оба.

– Хорошо, я выберу порядок ответов сам. Зачем? Река со всех сторон – это стратегически важно, она защитит город в случае нападения.

– Ты думаешь, на нас нападут? – перебил Хлауд.

– Никто не может ведать этого. Даже боги. А как? Все очень просто: вырою канал и выложу его мрамором, – Лоэналь явно забавлялся.

– Иногда я поражаюсь тебе, Лоэналь.

– Не стоит, – отхлебнул вина эльф. – А еще я зачарую канал и мосты, чтобы исключить твои попытки использовать магию. Это теперь будет моей обязанностью, не допускать тебя до этого искусства.

– Лоэналь, я всегда знал, что ты старый пройдоха, но теперь я в этом лишний раз убедился.

Хлауд расхохотался и отсалютовал другу кубком. Тот загадочно улыбнулся в ответ, отвечая на этот странный и, казалось, оскорбительный тост. Но эльф прекрасно знал, что Хлауд ценит их дружбу и дорожит ею.

ГЛАВА четвертая

*Первый месяц лета лисар. Первый день месяца.
Год рождения империи.*

Утопающий в золоте Арис замер в ожидании чего-то невиданного. Золото лилось с неба, отражаясь от белых мраморных стен, текло по мощным белым камнем улицам, замирало на черном куполе главного храма, словно попадая в ловушку. Арис гудел фанфарами и людскими голосами, звенел топотом копыт, полнился щебетанием птиц и религиозных песнопений. Боги благословили город прекрасной погодой: прозрачный воздух пропитался приятным теплом, высокое небо глубокого синего цвета могло похвастаться первозданной чистотой и отсутствием облаков. Оно служило прекрасным фоном для яркого солнца, дарующего городу свет и тепло. Даже ветер в это утро был в точности таким, чтобы заставить флаги трепетать и не испортить ни единой прически у горожан.

Никто из жителей Ариса не догадывался, зачем патрули городской стражи обходят дома в богатых районах и настоятельно приглашают горожан в главный храм города. Толпа на площади перед ним постепенно росла: пестрая, разноголосая, недоуменно перешептывающаяся. Постепенно люди заполнили площадь, затем заволокли прилегающие к ней улицы, кто-то особенно смелый вскарабкался на крыши домов, выходящих окнами на главный собор, рискуя упасть и свернуть себе шею или попасть в руки стражников. Те требовали от отчаянных смельчаков спуститься вниз и не нарушать порядок.

Все ждали чего-то очень важного и не могли предположить, что же именно произойдет в этот солнечный день. Представители начавшей формироваться в этих землях знати из трех городов, находящихся под властью Вариара, заполнили сам храм. Их наряды поражали богатством и тонкостью работы, споря друг с другом великолепием. Солнечные лучи скользили по их знаменам, украшенным различными фигурами животных, боевых кораблей, ключей, деревьев и много чего еще, на что только хватало фантазии владельцев. Это был позаимствованный у Элеана обычай, который эльфы называли геральдической традицией, а сами фигуры, как и у этого народа, звались гербами. И теперь больше не было необходимости знать в лицо каждого представителя аристократического рода, достаточно было помнить его герб. А это было очень полезно: ведь число жителей в подчиненных Вариару городах все время росло, и знати тоже становилось все больше и больше.

Наконец взревели фанфары, грянул гул барабанной дроби. Толпе, заполонившей площадь, пришлось расступиться, пропуская роскошную и длинную процессию. Во главе ее медленно шествовали жрецы всех пяти богов, что составляли пантеон Ариса, за ними десять гвардейцев в украшенных фиолетовыми гребнями шлемах и в того же цвета плащах с неизменным золотым единорогом на плече. Следом за ними ехал Вариар на огромном вороном жеребце, на чьей лоснящейся черной шкуре буквально горела украшенная золотом и драгоценными камнями сбруя. Сам правитель был в великолепных белых одеждах, украшенных замысловатым бежевым узором, который буквально сливался с его одеянием, поражая удивительной резной глубиной, когда солнечные лучи падали на него, а все это великолепие прикрывал пурпурный плащ. За своим вождем следовали его ближние друзья, разодетые в пух и прах. От великолепия их ярких одежд хотелось зажмуриться, но толпящиеся на площади люди продолжали смотреть во все глаза, буквально впитывая, каждую деталь, стараясь запомнить этот момент в деталях. За всадниками шестеро сильных рабов несли богато украшенный паланкин, в котором восседала Лейв, а за ней следовали, одетые ярче своих мужей, жены и наложницы ближайших воинов Вариара. Замыкали процессию двадцать знаменосцев, шедших в колонне по два, в руках у каждого гордо реяло кроваво-красное знамя с золотым единорогом.

Жрецы, возглавлявшие шествие, поднялись по ступенькам и замерли у входа в величественное строение – главный храм Ариса. Гвардейцы развернули своих коней и выстроились вдоль широкого подножия лестницы, затем как по команде вынули из ножен свои мечи и в торжественном салюте направили их в небо. Возле лестницы спешился и Вариар, замер на мгновение, словно не решаясь сделать первый или, скорее, последний шаг к короне. Жрецы запели гимн, восхваляющий Ура и отдающий дань мудрости его, верховный жрец Эскур незаметно кивнул мужчине, занесшему ногу над первой ступенькой, и тот сделал первый и столь важный шаг. С каждым шагом, который делал Вариар к финалу своего маленького восхождения, гимн становился все громче. Он был уже на середине восхождения к своей судьбе, когда свой шаг ко входу в храм сделала Лейв, следуя за своим любимым супругом. Гимн уже буквально гремел над Арисом и его правителем Вариаром, благословляя и наставляя его.

Когда Вариар достиг последней ступени своего восхождения, жрецы расступились в стороны, оставляя перед ним только одетого в красные с серебром одежды Эскура, тот взял правителя за руку и увлек за собой в храм. Служившая Уте жрица, закутанная в положенные ее сану зеленые с серебром одежды, взяла за руку Лейв и повела ее следом за мужем. Собравшаяся в стенах храма знать трех городов, находящихся под властью Вариара, замерла, дружно вдохнув благоухавший ароматом цветов воздух, и затаила дыхание. В звенящей тишине, что наступила, стоило только смолкнуть гимну, четыре человека шли к статуе Ура. Перед полуобнаженным богом с копьем и виноградной кистью в руках стоял высокий стол из слоновой кости, на котором на синих бархатных подушках лежали две короны. Массивная золотая с резкими, похожими на наконечники копий зубцами, которые были украшены рубинами, что отливало кровью в пробивавшихся через окна лучах солнца, предназначалась Вариару. Вторая, тоже золотая, была легка и изящна в своей ажурности, и вместо рубинов ее украшали синие сапфиры.

Жрец и жрица остановились около этого одинокого стола, служившего сейчас алтарем, и Вариар с Лейв тут же опустились на колени, смиренно принимая бремя своей власти, которое вручили им боги в мудрости своей. Жрец и жрица вновь затянули хвалебный гимн Уру и Уте, который подхватили все собравшиеся. Из-за статуи Ура вышли двое послушников: юноша и девушка в красных и зеленых одеждах, их опоясывали черные пояса, украшенные серебряным ажурным литьем. Они передали своим наставникам плащи кроваво-красного цвета с вышитыми на них золотой нитью единорогами, которыми те, возвысив свои голоса в гимне еще больше, накрыли плечи Вариара и Лейв. Внезапно гимн, достигнув своего апогея, смолк, и, подняв глаза от пола, Вариар увидел, как жрец и жрица взяли в руки короны и вознесли их к статуе Ура.

– О, мудрый Ур, ты в величии своем, благослови корону сию, – произнес Эскур.

– О, милостивая Ута, ты в величии своем, благослови корону сию, – повторила за ним жрица, поворачиваясь вслед за ним к статуе прекрасной женщины с колокольчиком в руках.

Оба склонили на миг свои головы, принимая молчаливую милость богов. Затем тяжелая золотая корона оказалась в руках Вариара, тот вопросительно посмотрел на Эскура, дождался его кивка и произнес:

– Я принимаю корону сию от тебя, милостивый Ур. Я смиренно водружаю ее себе на голову, дабы править землями, что ты даровал и даруешь мне. И да будет корона сия знаком власти, дарованной мне твоей милостью и мудростью. И да буду я отныне императором Вариаром, что правит милостиво и мудро Великой империей Мирэй. Отныне и навсегда.

Вариар водрузил корону себе на голову и поднялся на ноги. Затем, следуя разработанной ими церемонии коронации первых императора и императрицы, он принял из рук жрицы корону, украшенную сапфирами, и возложил ее на склоненную голову Лейв.

– Я дарую тебе корону сию, чтобы правила ты вместе со мной. Милостиво и со строгостью, ласково и с любовью. Отныне и навсегда ты императрица Лейв, дарованная мне богами и судьбой.

После этих слов Лейв поднялась на ноги, и они рука об руку встали лицом к лицу со своими новоиспеченными подданными. Собравшиеся в храме ликовали, заполнив гулкие внутренности его своими криками радости и поддержки. Так же рука об руку первые властители империи Мирэй прошли к дверям храма и под ликующие крики толпы замерли на вершине лестницы.

– Дорогие мои подданные, – произнес Вариар, и толпа тут же затихла. – Отныне вы не просто жители трех объединенных в один союз городов: Ариса, Саматы и Аркуса. Отныне и навсегда вы – подданные Великой империи Мирэй, что будет простираться от моря до моря, и которой не будет преград ни на земле, ни на небе. Отныне и навсегда.

Толпа буквально взревела, приветствуя своего императора и свою империю. Сначала это был просто гул, затем кто-то крикнул: «Да здравствует император!» и все как один подхватили этот возглас.

– Да здравствует император! – неслось над Арисом, отныне столицей империи Мирэй.

Вариар и не подозревал, насколько приятно купаться в этой искренней людской любви, в этой их уверенности. Они с Лейв стояли на вершине лестницы, ведущей в храм, а от плескавшегося внизу моря любви их отделяло всего двадцать пять мраморных ступенек.

*Первый месяц лета лисар. Первый день месяца.
Год рождения империи*

В лучшей таверне Ариса, единственной в городе, где подавали дамийское вино, в этот вечер было шумно и многолюдно. Посетители с большим воодушевлением пили за здоровье своего первого императора, желая ему долгих лет жизни и благополучного и щедрого правления им на удачу. Обычно в таверне было тихо и чинно, но сегодня там царил безудержное веселье, слышались громкие крики, звенели кубки. Вино лилось рекой, громко провозглашались тосты за империю от моря до моря, за наследников, за самого императора и за его императрицу, которой неизменно желали плодовитости. Подданные новой империи удивительным образом были в курсе происходящего в семье своего правителя. Каждый тут знал, что императрица Лейв не могла понести ребенка целых три года, да и то, что после смерти отца у нее случилось нарушение цикла обновления крови, отчего никто не мог правильно предположить срок рождения принца Миалла. И горожане даже готовы были предложить Вариару плодовитую наложницу, как принято было в его родных краях, и простить открытую измену их обожаемой императрице Лейв, они готовы были признать его детей от наложницы законными наследниками и повиноваться им так же, как и законным детям от императрицы. Но все это обсуждали шепотом, подальше от чужих ушей, чтобы не обижать Лейв. А сейчас императрице желали много детей во имя процветания империи.

Только за одним столиком вместо разудалого веселья царил тихая, усталая радость и удовлетворенность собственной работой. Хлауд не произносил тостов вслух, они звучали в его мыслях. Они звучали за здоровье Вариара и его верной императрицы Лейв, и Хлауд салютовал бокалом невидимому собеседнику, а затем одним глотком осушал его. «Ты, главное, не подведи меня, племянник. Главное, не подведи», – в очередной раз произносил Хлауд беззвучно обращаясь к Вариару, наполняя кубок темно-рубиновой жидкостью.

Дверь питейного заведения в очередной раз открылась, пропуская в переполненную уже таверну гостя, закутанного в тяжелый серый плащ. Прислужник шагнул было к нему, чтобы заступить дорогу, но тот покачал головой, что-то едва слышно произнес и бросил юноше монетку. Тот тут же отступил в сторону. Гость окинул взглядом таверну и собравшихся в ней посетителей, и уверенным шагом направился к столику Хлауда, легко лавируя между подвы-

пивших людей, норовящих поймать его за руку и заставить выпить за императора и его благословенное правление.

– Твои усилия возымели успех, старый друг, – тихим голосом произнес Лоэналь, добравшись до своей цели. – Теперь вы живете в империи, и Вариар отныне император, а королевства всех трех континентов нашего мира отныне будут считаться с вами, хотя вы пока и страна-младенец, только-только покинувшая чрево матери. Так почему же ты сидишь тут и пьешь в одиночестве и с грустным видом, а не веселишься на праздничном пиру в том, что они называют дворцом?

– Здравствуй, Лоэналь. Где ты был последние две недели? – в голосе Хлауда, как и во взгляде, сквозила смертельная усталость.

– Заканчивал с храмом ваших богов и приступал к соединению Кивара и Смыра, но какое это имеет значения сегодня, в столь радостный день? – эльф присел за столик и взмахом руки подозвал порядком взмыленного служку.

– Я соскучился по высокоинтеллектуальным беседам с тобой, Лоэналь, и по твоему ироничному отношению к нашим делам и мечтам. – Хлауд разлил дамийское по бокалам, поднял свой и отсалютовал им эльфу.

– И о чем ты желаешь поговорить на этот раз, старый друг? Можем обсудить, какую накидку носит Антаэль – красную или голубую? Это любимый спор жрецов нашей прекрасной богини озер и рек. Или, например, можем поговорить о том, что лучше высаживать в ее садах: ивы или персики? Что больше любит прекрасная дева-богиня?

– Я бы выбрал персики. Они красиво цветут, приятно пахнут и не так вгоняют в тоску. Да еще и плоды вкусные приносят, – заглядывая себе в кубок, пробормотал Хлауд.

– Я тоже всегда выступал за персиковые рощи. Но не уводи тему в сторону. Расскажи мне, почему ты тут, а не во дворце, – Лоэналь явно споткнулся на последнем слове.

– Я всего лишь устал за последние два года. Даже не так, я смертельно устал, друг мой Лоэналь, хоть ложись спать месяцев так на пять, – Хлауд откинулся на спинку удобного кресла, что стояли в этой таверне в нишах для особых посетителей. – И больше всего я устал от сборища всей этой толпы, внезапно превратившейся в имперскую знать.

– Похоже, и у вас аристократия заставляет чувствовать себя усталым путником, – усмехнулся эльф. – Ты знал, что они имели наглость просить меня построить им собственные дворцы в городах?

– Тебя это удивляет? Ты же великий эльфийский зодчий, который способен сотворить шедевр из соломы.

– Чтобы я работал с таким материалом, как солома? Никогда и не за какие деньги, друг мой.

– Так что нечему удивляться, что твой талант ценят, Лоэналь. Можешь ссылаться на работы для императорской семьи, и отказываться от их предложений. А уж заказами император тебя обеспечит.

– Спасибо, старый друг, я этим беззастенчиво пользуюсь.

– Прекрасно.

– Так, почему же ты здесь? – усмехнулся эльф.

– Думал, что возможно ты придешь сюда, и поделишь со мной успех. Я очень устал за эти два года, да боюсь, и дальше мне покоя не будет и отдохнуть душой и телом не получится. Вариар назначил меня главой Имперского совета. Можно сказать, что это мой последний денечек, когда я еще могу отдохнуть в этой таверне, наслаждаясь прекрасным вином, среди людей, которым до меня нет никакого дела. Впрочем, я уже стар и мне пора повесить меч на гвоздь и в самом деле заняться строительством государства и направлением племянника на путь истинный.

– Это ты стар, друг? Если я тебя зову старым другом, то только потому, что мы с тобой знаем друг друга целую вечность.

– Всего лишь пятнадцать лет. Для эльфа это лишь мгновение, когда он моргнет. А мне уже сорок пять лет, что для человека почтенный возраст.

– И при этом ты тратишь драгоценные дни на магию. Не понимаю я тебя, Хлауд. Зачем столь беззаботно относиться к отпущенным тебе годам?

– А что тут понимать? Я уже стар, у меня нет детей и даже жены, которая может их мне родить, нет, мое детище – эта империя. Так пусть моя жизнь сделает империю сильнее, заложит прочный фундамент ее существования. Считаю, что это мой онес.

– Ты и правда сошел с ума, друг мой. Ты не можешь принести онес. Ты не эльф. К тому же никто не позволит тебе заплатить жизнью за глупый обет. Вот мой тебе совет, как представителя народа, который придумал этот пресловутый онес, на который ты так легкомысленно ссылаешься. Служи империи полностью, в том числе и принеся ей парочку-другую новых подданных. Женись, мой друг. Ты не так уж и стар, даже по меркам людей, да и ни одна молоденькая дама не откажется от брака с дядей императора, будь он хоть трижды старым развратником. Да если он еще и глава Имперского совета империи Мирэй. Я почему-то уверен, что тебе вручат какой-нибудь громкий титул и много земель, которые принесут тебе значительный доход. Хотя меня печалит, что в такой небольшой стране будет так много аристократии. Пусть амбиции у Мирэй и велики, но сегодняшней день не предоставляет ей возможностей утолить жажду всех.

– Ты не прав, Лоэналь. Знатных родов будет только тридцать. Во всяком случае, пока. Двадцать тех, кто пришел с Вариаром из клана Сал, двое представителей Ариса и по четыре от Аркуса и Саматы. А земель мы еще завоюем. К тому же знать – это не обязательно обширные земли и громкий титул, знать можно посадить охранять границу.

– Кровь... – эльф поморщился. – Завоюем. Я, конечно, уважаю Вариара за его отношение к завоеванным городам, но не все завоевания пройдут столь гладко. Кого-то придется брать большой кровью, в том числе и нашей.

– Завоевывать можно не только воинской доблестью и бесстрашием. Кого-то можно купить, присоединить брачными узами, а кто-то придет сам, когда им потребуется помощь и защита столь сильной армии. Вариар не просто так два портовых города завоевал. В Самате расположится военный флот, а вот в Аркусе будет торговый порт. И побережье большое. Если их станет мало, всегда можно заложить новый город.

– Аркус... Беззащитный перед пиратами и морскими захватчиками?

– Это ты зря. Там удобная для обороны бухта, которую можно перекрыть довольно быстро. Они не посмеют.

– Но вас же это не остановило, – лукаво подмигнул Лоэналь.

– Армией Аркуса, да и самим городом командовали идиоты, потому они не додумались до того, до чего додумался Вариар. Четыре быстроходных боевых корабля, два мощных военных судна, и по крепости на каждой скале, что венчает вход в бухту. Я уже зачаровал орудия для них, они будут бить без промаха.

– Ты же обещал не пользоваться магией, старый друг, – эльф печально покачал головой. – Тебе следовало позвать меня.

– Но ты же не можешь сделать для нашей империи больше, чем ты делаешь. Мы не смеем тебя просить об этом.

– А что, если я тебе скажу, что подал императору прошение на принесение верноподданнической клятвы, а он мне еще и должность Великого зодчего в Имперском совете всучил пожизненно.

– И чем ты недоволен? – усмехнулся Хлауд, раскачивая кубок. – Тебе отдают на откуп всю империю, как бы она ни разрослась.

– В этом есть какая-то неуловимая прелесть. А возможность облегчить сокровищницу императора...

– Скорее сокровищницу империи, ведь платить тебе будут из казны, но обещаю, что потрошить ее будет очень сложно, – самодовольно ухмыльнулся Хлауд.

– А еще друг называется, – звонко рассмеялся Лоэналь. – А потом... на склоне моих лет я хочу отправиться в путешествие. Долгое путешествие.

– Уж не в подземный мир при жизни? – усмехнулся Хлауд.

– Нет, – покачал головой эльф. – На запад, через таинственный Туманный океан к тем берегам, с которых мы, эльфы, пришли сюда, на Пандагирей. Я хочу найти ту великую землю эльфов, Элин.

– Это сумасшествие, старый друг, – Хлауд буквально ахнул. – Это же мифические земли.

– Ну, чем ближе смерть, тем безразличнее мне будет результат. Я хочу доказать, что Элин существует, и не сгинул в лапах чудовищ, а все так же прекрасен, каким его помним мы.

– Выпьем за успех твоей безумной идеи, Лоэналь, – провозгласил Хлауд, улыбнувшись.

Друзья сдвинули кубки так, что вино перетекло из одного в другой, и выпили в который раз, но теперь не за здоровье императора и императрицы. Новая жизнь вселяла в них светлые надежды.

Первый месяц лета листар. Первый день месяца.

Год рождения империи

Дом Вариара и его двор буквально купались в теплом желтом свете факелов и светильников. Он отражался в драгоценностях, украшавших гостей, что собрались тут. Золото мелодично позвякивало, порой заглушая даже голоса людей. А голоса были громкими. Собравшиеся новоиспеченные придворные и знать во весь голос желали долгих лет своему императору, расширения границ их империи, дюжину наследников и много другого. Лейв встречала каждый такой тост легкой улыбкой, понимая, что на самом деле никто и не думает об этом. Буквально пару хор назад в умах некоторых аристократов появились мысли о ее смерти родами, о гибели Миалла. Тогда бы это расчистило дорогу к трону их дочерям. Эти мысли легко читались в их уже довольно осоловелых от выпитого взглядах. Вариар не замечал этого, впрочем, и Лейв решила не обращать внимания на мечтания аристократов, более того, она решила не доставлять им такого удовольствия, а родить мужу еще несколько наследников, и при этом прожить еще лет сто, если позволят боги.

Скромный императорский сад в старом дворце, который занимала чета правителей города Ариса, обретшая ныне высочайшие титулы, утопал в свете, голосах, украшениях и запахах различных яств, что иногда неприятно переплетались с ароматами масел, которыми были обильно намажены тела собравшихся тут дам. Управляющий дворцом совершил невероятное: центральный фонтан в саду, который изображал прекрасного мраморного единорога, вставшего на дыбы в белой чаше, пронзая рогом темно-синее небо, теперь замер под струями красного, как кровь вина, змеившегося по его телу. Гости охотно окунали в чашу свои кубки и наслаждались благородным напитком.

Императорская чета восседала на изящных тронах, вырезанных из огромных кусков янтаря, добытого на далеком севере, и благодушно принимала поздравления от своих подданных. Время от времени Лейв не глядя брала с чеканного золотого блюда фрукты, заключенные в янтарный карамельный панцирь. Это была изысканная закуска для белого вина из Таренты, особо любимшегося Лейв, как только в Арис прибыли первые торговые караваны из этой страны.

Взгляд молодой императрицы то и дело мимолетно касался мужа, больше похожего на статую на троне, на чьей голове в свете факелов сверкала рубинами массивная золотая корона, по недосмотру забытая скульптором. Он снисходительно принимал поздравления присутствующих, из которых большая часть к рождению империи Мирэй не имела никакого отношения, но поспешила на поклон к своему правителю в надежде получить теплое местечко при императорском дворе. Лейв видела, как Вариар разрывается меж двух желаний: разогнать эту пеструю, надушенную толпу, от основной части которой не было прока его империи, и сообщить какую-то новость. Наконец, второе желание смогло одолеть его. Вариар поднял бокал, привлекая к себе внимания, но гости продолжили болтать, не замечая этого жеста. Тогда вперед выступил Сёрен и, возвысив и без того похожий на походный горн голос, провозгласил:

– Его величество желает тишины.

Все разговоры резко прервались, и гости во все глаза уставились на новоиспеченного монарха.

– Дорогие подданные, – начал Вариар, сделав милостивый жест рукой, как его учил Хлауд. – Я безмерно благодарен вам за то, что вы пришли разделить со мной радость, но позвольте мне сделать, что я считаю нужным. Эгат, подойди сюда.

Недавний ополченец, защитник Аркуса, осторожно выступил вперед, с опаской оглядываясь по сторонам.

– За твою честность и верность, а также за то, что ты дал нам шанс, дарую тебе титул герцога этой империи, владей Аркусом и окрестными землями под сенью моей короны, и служи верой и правдой империи Мирэй и ее императорам, Эгат. Так же как и твои дети, и дети их детей.

Тот опустил на колено, принимая от Сёрена, взявшего на себя обязанности церемониймейстера, золотую цепь и небольшой щит. Опустив его, он удивленно моргнул: на лазоревом поле расчесывала волосы серебряная морская дева с рыбьим хвостом.

– Но...

– Мы взяли на себя смелость придумать герб новому герцогу, считай это моим личным подарком тебе, Эгат.

– Благодарю, Ваше Величество.

– Властвуй над Аркусом мне на славу.

– Будет исполнено, Ваше величество. Моя императрица.

Не поднимаясь с колена, Эгат поклонился Лейв, та ответила ему теплой улыбкой.

– А теперь продолжим веселиться, – взмахнул рукой Вариар. – Завтра нас ждет кропотливое строительство империи от моря до моря.

Толпа радостно и одобрительно взревела, принимая этот замысловатый тост. Вино потекло рекой. Эгат быстро оказался в компании тех, кто первыми пришел с опальным Вариаром в Арис. Они добродушно поздравляли новоиспеченного аристократа и землевладельца, предлагая выпить за процветание его края. Лейв и Вариару предстояло скучать на своих тронах до конца этого разудалого пира. Впрочем, у многих из тех, кто присутствовал и не присутствовал на пиру в честь коронации, заканчивались их свободные и беззаботные деньки.

ГЛАВА пятая

*Третий месяц осени амлар. Десятый день месяца.
2 год от рождения империи*

На мостовых Ариса, вычищенных до блеска квартальными служащими, весело резвились стайки мальчишек. То и дело подбегая к фонтанам, коих в Арисе было много и которые еще не замерзли по причине теплой осени, дети принимались брызгаться водой друг в друга, отчего в холодных уже лучах солнца появлялись маленькие радуги. Матери и соседи одергивали шалунов, боясь, что обманчивое осеннее тепло приведет к тяжелой лихорадке, с которой не смогут справиться лучшие лекари молодой империи. Но дети не обращали внимания на окрики взрослых, продолжая резвиться с водой. В детстве жизнь порой кажется легкой прогулкой.

Топот копыт настиг мальчишек, когда они как раз делали очередной заход в огромную мраморную чашу центрального фонтана, украшавшего главную площадь столицы. На площадь выехал небольшой отряд всадников во главе с толстым мужчиной, закутанным в яркую ткань контрастных цветов. Его тонконогая серая лошадка часто мотала головой и всхрапывала, пританцовывая на ходу. Мужчина то и дело перехватывал повод одной рукой и вытирал пот со лба, пытаясь захватить и редкие черные волосы, что пока еще прикрывали наметившуюся на голове лысину. Заплывшие жиром глаза слезились, и он пытался вытирать их белым полупрозрачным платком, который постепенно становился серым. Следом за толстяком на тонконогой серой лошадке ехали суровые воины, явно повидавшие немало битв, и любой из здешних мальчишек мог поклясться, что это настоящие наемники. Об этом говорили их удобные доспехи, прикрывавшие наиболее уязвимые места, и простые без изысков шлемы, мало походившие друг на друга. Эти десять воинов могли легко причинить неприятности императорской гвардии, но каждый житель столицы верил в своих гвардейцев и считал, что, если потребуется, те легко справятся с этими гостями.

Подковы лошадей высекали искры из булыжной мостовой, а дети забыли о своих забавах, во все глаза разглядывая интересных незнакомцев. В то же мгновение, как они выехали на площадь, из боковой улицы вышел усиленный патруль городской стражи. Но не успели мальчишки восхищенно посмотреть на них, как со стороны временного дворца императорской семьи на площадь лихо вылетела личная гвардия императора. Фиолетовые плащи и суровые лица придавали гвардейцам таинственности и мрачности. Детвора радостно взвизгнула и бросилась под копыта коней. Громко выругавшись, всадники натянули поводья, заставив коней в последний момент взвиться на дыбы и заплясать на месте. Матери возникли буквально из воздуха и, отвешивая оплеухи, потащили детей домой под громкую тираду командира гвардейцев, в которой он помянул дураков, сломанные шеи и невозможность вернуться из подземного мира. Успокоив своего коня, он подъехал к гостям, и приветственно кивнул.

– Я Айлех. Командир гвардии императора. С кем имею честь?

– Я глава города Ирид, – пропыхтел толстяк гнусавым голосом. – Меня зовут Фелет, – добавил он, заметив нетерпеливое ожидание в глазах Айлеха.

– Зачем вы здесь?

– Мне надо говорить с императором, – Фелет постарался приосаниться, но у него это не получилось.

– Император не говорит с каждым, кто этого пожелает. Следуй за мной. Глава имперского совета Хлауд решит, что с вами делать.

Айлех и еще двое гвардейцев возглавили небольшую кавалькаду, еще десять гвардейцев заняли позиции в ее хвосте, чтобы в случае нападения наемников быстро разделаться с ними. Прибывшие из Ирида не уставали вертеть головами, рассматривая красоты молодой столицы.

Аристократический район был жемчужиной не только зодчества, но и скульптуры. Свидетельством этого были прекрасные сады богатых поместий, что располагались вдоль реки и примыкали к императорскому дворцу, поражая своим величием. На гостей из Ирида смотрели мраморные лошади, орлы, русалки, львы, девы и герои. В каждом поместье сверкало на солнце водяными брызгами фонтан, а то и целый десяток, разнообразие центральных фигур которых ограничивалось только средствами и фантазией владельцев.

Фелет с разинутым ртом разглядывал богатства имперской столицы, особенно его привлекла эльфийская дева в одном из садов. Мраморная эльфийка в тонких, летящих одеждах и с лирой в руках, смотрящая в небо, казалась живой. Казалось, что она вот-вот встанет с мраморной скамейки и, перебирая струны и напевая грустную балладу, пойдет прогуливаться по саду. Правитель Ирида до последнего выворачивал шею, стараясь не упустить из виду эту мраморную эльфийку. Но она скрылась за поворотом улицы, не оставляя гостю надежды. Раздался горестный вздох.

Айлех специально петлял по широким улицам аристократического района, не воспользовавшись главной, прямой как стрела дорогой, ведущей ко дворцу. Командир императорской гвардии производил впечатление на Фелета и его наемников, показывая всю красоту, богатство и мощь империи Мирэй. Их путь повернул еще несколько раз и, наконец, вывел к цели этой долгой прогулки.

– Ваши воины отправятся в казармы, где их накормят, – нарушил благоговейное молчание Айлех. – А вас прошу за мной.

Было заметно, как не хочет Фелет расставаться со своей охраной, опасаясь за свою жизнь, хоть он и понимал, что мало будет проку от десятка воинов в полном гвардейцев дворце. Выражение его лица было похоже на то, с каким дрессировщики боевых животных входят в клетку к хищникам: невероятная сосредоточенность, глаза смотрят, казалось, за спину. Фелет то и дело облизывал губы, пока они шагом ехали под сенью раскидистых деревьев. Откуда-то из глубины сада доносились звуки стройки: стучали молотки, звучали голоса, отдающие распоряжения, визжали пилы. Эта какофония казалась странной и чужеродной в тихом саду, где едва слышно журчали фонтаны и шелестела при встрече с ветром листва.

Айлех решил, что Фелету будет полезно пройтись по тропинкам и дорожкам обширного императорского парка, потому тот увидел и розовую аллею, собравшую цветы всех оттенков, правда, осенняя пора дала о себе знать: темно-зеленая листва уже не казалась такой упругой и свежей, а цветы доживали свои последние дни и не источали тот неповторимый тонкий аромат, что заполнял все вокруг, заставляя забывать о житейских проблемах. Увидел Фелет и каскад фонтанов, которые Лоэналь называл имперским зоопарком. Их было двадцать два, и каждый из них изображал хищника, готовящегося к прыжку. Вода вырывалась пастей рыб, которых вокруг каждой фигуры было по четыре, высоко взмывала в небо, а затем сверкающей пылью оседала на мраморных телах животных, придавая им иллюзию жизни. Прошли они и через галерею скульптур, где лучший скульптор империи, под зорким взором Лоэналя, создал прекрасную иллюзию трех событий: охоты, войны и праздника. Каждая фигура, казалось, дышала жизнью, и вот-вот двинется, продолжит действие, во время которого ее остановили. Охотники помчатся за зверем, засыпая его стрелами, воины ринутся на врага, а девушки-танцовщицы закружатся в танце.

Шея у Фелета быстро затекла от попытки впитать в себя все это величие, запомнить каждую черточку и изгиб. Айлеху понравился полученный результат. Он едва заметно улыбнулся, понимая, какое впечатление произвела на этого человека красота Ариса. И особенно людей удивляло увиденное, когда они осознавали, что еще шесть лет назад тут была утопающая в грязи деревушка на берегу Кивара.

– Прошу сюда.

Айлех остановил коня перед входом в ажурный летний павильон, который великий зодчий Лоэналь построил шутки ради. Тем не менее, он продемонстрировал правдивость утверждения, что для этого эльфа нет ничего невозможного. Мрамор переплетался с деревом и янтарем, гармонично перетекая одно в другое, они создавали замысловатый узор, который откликался в мебели и внутреннем убранстве. Командиру императорской гвардии пришлось подождать несколько долгих мгновений, прежде чем Фелет смог сделать хотя бы шаг и переступить порог диковинного домика.

– Мои господа, – обратился Айлех к группе мужчин, сидящих за столом. – Правитель города Ирид испрашивает аудиенции у императора.

– Она ему будет предоставлена, если его вопрос будет интересен империи, – отозвался Хлауд, поднимаясь на ноги.

– Позвольте представить вам, глава совета, Фелета, правителя города Ирид. Он желает говорить, – продолжил Айлех.

– Имперский совет позволяет ему сделать это. Командующий Айлех, вы можете быть свободны, – кивнул Хлауд, отпуская того дальше исполнять свои обязанности.

Айлех развернулся и широким шагом покинул заседание совета, успев одарить грозным взглядом двух гвардейцев, охранявших двери. Те ответили удивленными взглядами, но вытянулись по струнке, крепче сжав рукояти мечей.

– Говорите, Фелет, – Хлауд устало потер переносицу. – Что вы желаете сказать империи Мирэй? Мы вас внимательно слушаем.

– Славный город Ирид – столица земледелия и коневодства в этих землях. У нас обширные поля и сады, мы кормим многих соседей своим хлебом и фруктами. Ирид культурный город, у нас построен театр и...

– Фелет, – Хлауд поднял руку, прерывая поток сей информации. – Вы решили рассказать нам обо всем, чем славен ваш город? Это очень интересно, но давайте ближе к делу.

– Простите, – правитель Ирида запнулся, скомкал шелковый платок в кулаке, лихорадочно вытер пот со лба, затем вздохнул.

– Ну же, – нетерпеливо притопнул ногой Лоэналь. – У имперского совета есть более важные дела, нежели выслушивать ваши восхваления городу, которым вы правите. Мы ждем от вас слов, которые относятся к вашему делу.

– П-простите, – Фелет еще больше стусевался, и принялся тереть кусок шелка, которым только что вытирал пот.

– Говорите уже, – Хлауд начал терять терпение.

– М-мы... Ир-рид...

– Что Ирид?

– Ир-рид хочет... х-хочет с-стать... х-хочет... – заикаясь промямлил Фелет, затем сглотнул комок, застрявший в горле, и выпалил, словно от этого зависела его жизнь: – Ирид желает стать частью великой империи Мирэй. Принести клятву императору Вариару Первому.

– Почему? – с легкой улыбкой спросил Хлауд.

– Мы богаты едой, но наши люди обычные землепашцы, а платить наемникам за защиту очень дорого, лучше мы найдем защиту под крылом сильной империи, став ее частью и отдавая малую часть своего урожая, чем будем платить полновесным серебром.

Страх Фелета прошел, когда он понял, что никто не собирается его убивать за сказанное. Даже эльф с этим презрительно-холодным взглядом, словно он смотрит на мерзкого червяка, не делает попыток уничтожить его прямо тут, на месте. Несмотря на все слухи, что бродили в разрозненных людских землях о жестокости империи и ее невероятной силе, которая все прирастала.

– Само имя империи Мирэй остановит тех жалких разбойников, что грабят наших крестьян, – осмелев, заявил Фелет. – А имперская армия отобьет охоту и у самых смелых из них.

– Ирид знает, что тогда он будет подчиняться законом империи без исключений? Что придется платить пятнадцатую часть всех доходов в казну империи? Что придется откликаться на сбор армии и защищать границы, если такое потребуется? Ваши горожане ведают, что вся власть будет принадлежать императору, и им придется подчиниться, даже если имперская власть решит заменить всю знать в вашей провинции?

– Да, мы знаем, – Фелет вздохнул. Его смелость вновь начала уползать куда-то на задворки души. – Но у нас нет выхода. Мы не хотим стать частью Саргоссы или попасть в лапы грабителям с севера. На городском сходе все единодушно решили идти под крыло империи, особенно после того, как увидели, что жизнь под вашей властью приносит процветание. Мы готовы и согласны на все условия, которые вы нам предложите. Да, и знати у нас нет. Мы обычные землепашцы.

Произнеся это, Фелет понял, что боится. И пугает его не перспектива немедленной гибели здесь и сейчас, а то, что ему откажут, что решат их недостойными называться частью империи. Что останется им, если империя Мирэй откажет им в их прошении? Что делать им, которые уже отогнали огромную армию разбойников, собиравшихся захватить небольшой, но богатый Ирид, заявив, что это имперский город, и нападение на него – это нападение на саму империю. Слава сильного и опасного государства, что появилось на лице мира, уже разнеслась по городам и весям. Люди начали бояться гнева империи Мирэй. Кто-то в ужасе ждал появления непобедимой армии у себя на границе, кто-то уже мечтал попасть под ее крыло. В числе последних оказался и незащищенный Ирид, у которого осталось не больше двух месяцев, и надежда на то, что император Вариар примет их, как полноправную часть его государства.

– Что ж, Империя услышала просьбу Ирида, – торжественно возвестил Хлауд. – Ответ Империя даст после полудня. А пока вас и ваших воинов наколят.

Он хлопнул в ладоши, и в дверь вошла служанка в светло-красных одеждах, украшенных латунной брошью в виде единорога. Хлауд кивнул на Фелета, девушка поклонилась и сделала приглашающий жест, предлагая следовать за ней. Тот неуверенно посмотрел на сидевших за столом членов совета, затем сглотнул и вышел.

– Что скажете? – дождавшись, когда Фелет и сопровождающая его служанка скроются за дверью, спросил Хлауд.

– А что тут скажешь? Надо брать! – бахнул по мраморной столешнице, инкрустированной яшмой, Великий полководец Эльди.

Лоэналь поморщился при виде того, как мощный кулак командующего армией встречается с его творением, а столешница издает жалобный стон.

– Согласен, их поля лишними не будут, – Великий распорядитель богатствами империи Мирэй Ларгель задумчиво поглаживал бороду. – А Ирид, и правда, знаменит своей пшеницей, да фруктовыми садами. И лошади у них хороши, очень подойдут нашим воинам.

– Я тоже согласен с тем, что Ирид стоит усилий. Богатые провинции – залог процветания, – кивнул Великий казначей империи Валигес.

Советники зашумели, обсуждая, какие это решение сулит выгоды и опасности. Никто не желал брать ответственность на себя, в случае если их молодой империи придется столкнуться с серьезными трудностями, а особенно с войной. Хлауд поморщился, пытаясь прислушиваться к тому, что говорят члены Совета, но у него не получалось. В голове звенело, голоса слились в общий гул, в котором никак не получалось различить отдельные слова и фразы. Наконец, не выдержав, Хлауд, подражая Эльди, бахнул по столу. Лоэналь вновь поморщился. Советники замолкли и устремили взгляды на главного в этой комнате.

– Господа, я понимаю, что вы все радуете за благо нашей империи, но без риска нашего государства не существовало бы. Что, если Вариар сидел бы дома, не желая воевать, а лишь доил бы серебряные рудники? Далеко бы мы ушли на этом? Я согласен с командующим, казна-

чеем и квартирмейстером, мы должны взять Ирид. Его поля и сады будут кормить нас. Это все. Килан, подготовь грамоту, утверждающую Ирид и прилегающие к нему земли как часть империи Мирэй, – обратился он к секретарю, замершему за его спиной. – Я подпишу ее у императора и поставлю печать. Уже сегодня мы получим без боя богатую провинцию.

– А я – поле для деятельности, – усмехнулся Лоэналь, уже прикидывая в голове, сколько людей и материалов ему потребуется на первое время.

Члены имперского совета проворчали что-то о сговоре Хлауда и эльфа, но никто не обратил внимания на эти беззлобные сетования. Все прекрасно понимали, что первый министр больше всех радеет за благо империи и императорской семьи, будучи по сути ее частью. На составление грамоты у Килана ушло не так много времени. Когда свиток лег перед Хлаудом, тот удовлетворенно хмыкнул.

– Командующий Эльди, сколько войск мы можем перебросить в Ирид безболезненно?

– Думаю, что полторы тысячи воинов вполне можно выделить прямо сейчас, – откашлявшись заявил генерал. – Только мне надо написать приказ для командира, что это, что это и правда наше решение.

– Хорошо, – кивнул Хлауд. – Сделайте это. Великий зодчий, что потребуется для строительства?

– Для этого мне придется самому осмотреть город, и только тогда я смогу дать вам ответ, первый министр. Я могу отправиться с... как его там... представителем Ирида прямо сейчас. Все равно предстоящая зима не позволит мне закончить с каналом.

– Я надеялся, что вы останетесь здесь и решите проблему, которую нам показало посольство Ирида, – вздохнул Хлауд.

– Какую? – Лоэналь встрепенулся.

– Как вы заметили, Фелет и его наемники легко проникли в город, а все потому, что у нас нет защиты.

– Я этим как раз и занимаюсь. Почему, вы думаете, я решил соединить две реки? – Лоэналь поморщился, скривив губы. – Но раз уж разговор зашел об этом... Арис будет окружен четырьмя кольцами стен. Аристократический квартал отгородим каналом, соединяющим Кивар и Смыр, – эльф жестом ярморочного фокусника достал карту и разложил ее на столе. – Первая стена будет располагаться далеко за пределами нынешней границы города, поскольку столица еще будет расти, а для этого надо время. Вторая стена пройдет по нынешним границам города, третья по границе ремесленного района, а четвертая защитит Белый район. Строительство я планирую начать весной, ибо снег не придаст кладке прочности.

– Хорошо, – Хлауд кивнул. – Четыре дня... – добавил он себе под нос едва слышно.

– Даже не думайте об этом, глава совета, – усмехнулся эльф, прекрасно понимая, о чем идет речь.

Остальные члены Имперского совета недоуменно переглядывались, не понимая, о чем именно говорят эти двое. Наконец, когда дуэль взглядов уже затянулась, главный казначей кашлянул, привлекая к себе внимание.

– Скажите, Великий зодчий, сколько денег потребуется на все эти защитные меры? – задал главный интересовавший его вопрос Валигес.

– Я предоставлю вам расчеты в течение трех дней, Великий казначей.

– Хорошо. Мне нужно знать, сколько из имеющихся у меня средств следует отложить в сторону для вас и забыть о них, как о потерянных навсегда.

– Я закончил, – внезапно возвестил Эльди, прерывая финансовые подсчеты.

– Прекрасно, – потер руки Хлауд. – Давайте сюда этот приказ, я пойду к императору, чтобы все завизировать.

– Думаете, он согласится? – с опаской уточнил Ларгель.

– Я уверен. Вари... Его величество мудрый человек, и он точно знает, когда добыча сама идет к нему в руки, от нее нельзя отказываться. А вот как это воспримут разбойничьи шайки, я не знаю. Впрочем, империю мелкие сошки волновать не должны. Простите, господа, я вас покину ненадолго.

В вечерних сумерках отряд из полутора тысяч всадников и пехотинцев под красным с золотом знаменем бодро пылил по дороге, стараясь успеть в Ирид до наступления зимы. За авангардом из ста всадников ехал Фелет и сиял, как начищенная серебряная монета. Отныне милостью императора Вариара он становился представителем имперской власти в Ириде, новой провинции империи Мирэй. С ним в город ехал новоиспеченный владелец всех земель вокруг Ирида, да и самого города тоже, молодой воин Кьель, один из двадцати ближних воинов Вариара, что покинули клан Сал вместе с ним. Вся кавалькада спешила преодолеть расстояние, разделявшее столицу империи и Ирид в кратчайшие сроки. Осень гналась за ними по пятам, а они рассчитывали попасть в город до того, как первые холода сорвут с деревьев листву. Впереди лежал путь длиной в три десятка дней.

ГЛАВА шестая

*Третий месяц лета милтар. Пятнадцатый день месяца.
4 год от рождения империи*

Лето перевалило за середину, когда вокруг Ариса выросла первая стена. Лоэналь изо всех сил старался окружить столицу защитными стенами в кратчайшие сроки. Он лично гонял работников, проверял раствор, которым соединяли крупные серые камни, едва ли не укладывал эти камни в ряды. Иногда казалось, что эльф бывал в трех местах одновременно. Вот он распекает каменщика, укладывавшего зубцы за неровную кладку, а в следующее мгновение он уже на башне читает кому-то из строителей лекцию, как правильно сделать амбразуру. Довольно невысокая и неприметная в начале строительства стена постепенно обрела свою мощь и силу, именно такую, какую хотел видеть эльфийский зодчий.

Стена казалась неприступной даже сейчас, когда некоторые ее участки еще не имели зубцов, а мощные, квадратные башни кое-где еще не были до конца достроены. Высотой в пятьдесят кабитусов, шириной в двадцать, она казалась неприступной. Строители спешили закончить ее как можно скорее, чтобы присоединиться к своим товарищам, что строили еще три кольца стен. Да и холода неумолимо приближались.

Лоэналь окинул взглядом почти готовое укрепление, и сам удивился тому, сколько людей нагнал на строительство Хлауд, понимая, что столица должна быть полностью защищена. И эльф был с ним совершенно согласен. Первые две декады жители Ариса ворчали, что теперь неудобно въезжать в город, но четверо широких, укрепленных ворот, смотрящих на все стороны света, заставили их передумать и отнестись снисходительно к тому, что, возможно, осложнило их жизнь, но при этом гарантировало их безопасность. Стража досматривала всех прибывающих, люди ворчали, но понимали, что все это на благо их самих. К тому же оставшиеся три кольца стен предполагали свободный проход, как для горожан, так и для гостей столицы.

Странный отряд из полусотни всадников, что подъехал к Синим воротам, не сразу привлек внимание Лоэналя. Подобных было немало. Вот уже второй год, как в столицу империи стекались толпы разных людей и не только: кто торговать, кто присмотреть место для жительства, кто поглазеть на красоты и чудеса столичного города молодой империи, а кто уже ехал с деньгами, чтобы прикупить дом. Лоэналь устал реагировать на каждую компанию или одиноких путников, что шли или ехали через ворота все то время, что они были открыты. И поток этот иссякал лишь ночью, когда створки намертво закрывались.

Всадники в странных одеждах остановились перед заступившим им путь командиром городской стражи, в чьи обязанности входила охрана ворот. Несколько долгих мгновений ничего не происходило, и эльф уже отвернулся, думая о том, насколько же скучное это занятие наблюдать за путешественниками, пытающимися пройти в столицу, как отряд пришел в движение. Послышались крики и отборная ругань, которую Лоэналь различал даже на изрядном расстоянии. Старший офицер стражи вынул меч из ножен, стражники выставили вперед копья, сомкнув ряды щитов, а всадники ярились, поливая их грязными ругательствами, которых в Мирэй даже не слышали, и обещая защитникам Ариса всевозможные кары. Через несколько мгновений они достали мечи. Похоже, что побоища уже было не избежать, и кто останется победителем, предсказать было трудно, но к воротам подлетел отряд императорской гвардии, сверкая в солнечном свете великолепными доспехами и фиолетовыми плащами. Крики усилились. Казалось, еще мгновение – и вооруженные до зубов люди бросятся друг на друга, и тут уже перевес был у мирэйцев.

– Остаешься тут, чтобы управлять стройкой. Я во дворец, – заявил Лоэналь одному из своих помощников. – Когда вернусь – не знаю.

А сам буквально в мгновение ока скатился по лестнице с широкими, низкими ступенями, ведущей на стену, и тут же оказался в седле. Его рыжая лошадь сорвалась с места в галоп, и понеслась к Красным воротам второго кольца стен, ибо они были самыми ближними к императорскому дворцу, а проехав по внешнему кольцу стен, можно было значительно сэкономить время, и даже обогнать незваных гостей императора. Что-то было с этим отрядом не так, и он не мог понять, что именно его насторожило в них. И это пугало Лоэналя. Чуть ли не впервые в жизни он испытал всепоглощающее чувство страха. И этот страх подгонял его не хуже, чем плеть гонит вперед ленивую лошадь. Уже через несколько минут он спешил к павильону, где до наступления холодов заседал Имперский совет, в ожидании постоянного здания, которое предстояло построить именно ему, Лоэналю.

– У нас трудности, – возвестил он с порога, даже не удосужившись поздороваться с присутствовавшими в зале советниками. – Большие трудности.

– Что за трудности, Великий зодчий? У вас закончился камень? – не поднимая глаз от каких-то документов, спросил Хлауд. – Господин Ларгель, думаю, вы сможете найти несколько караванов с камнем для строительства городской стены, господин Валигес обеспечит вас серебром.

– Вы меня совсем не слушаете, Глава совета? – в голосе Лоэналя зазвучали нотки гнева.

Хлауд в изумлении поднял на него взгляд: он никогда прежде не видел, чтобы эльф выходил из себя. И уж тем более показывал свой гнев людям.

– Так расскажите, что там произошло, анс Лоэналь.

– Там полсотни всадников. Непривычно одетых. Рвутся во дворец к императору. Их еле сдерживает отряд стражи у ворот и подоспевшая гвардия, но похоже, что они вот-вот вцепятся друг другу в глотки и устроят побоище. Те всадники очень похожи на членов клана Сал. Во всяком случае, одеты они так же, как и вы, глава Совета, когда прибыли в Эстрию.

Хлауд вскочил на ноги, опрокинув стул, и бахнул кулаком по столу.

– Я этого опасался.

– Чего именно?

– Потом. Все потом, Великий зодчий, все потом. Эльди, поднимай войска! А я пойду к его величеству. Его надо предупредить. Заодно подумаю, как быть дальше?

Великий полководец империи Мирэй, вскочивший на ноги одновременно с Хлаудом и игравший желваками, сорвался с места, как шквалистый порыв ветра, пронесся мимо Лоэналя, словно заметивший врага бык, и исчез в направлении казарм городского гарнизона, призывая на ходу своих офицеров. Хлауд рассеянно собрал бумаги, которые слетели со стола от его резкого жеста, и, не отдавая себе отчета, что делает, сложил их в аккуратную стопку на краю. Затем с таким же рассеянным видом направился в сторону временной резиденции императора Вариара, где тот жил, пока его дворец достраивался.

Лоэналь пошел следом за ним, в полной уверенности, что он понадобится своему другу в назревающей довольно сложной и опасной ситуации. О ее непростоном характере можно было судить по глубокой складке, пролеглай через лоб Хлауда. Тот напряженно думал, скорее всего, ища выход из паутины, которая норовила их связать по рукам и ногам. По его виду становилось понятно, что решения не находилось.

Императорская чета как раз наслаждалась дамийским вином. Черная кровь подавалась к фруктам и сладостям, приготовленным дворцовой кухаркой. Вариар и Лейв любовались прекрасными видами огромного сада и могучей реки, что катила свои воды к океану, с комфортом расположившись на обдуваемой легким ветром террасе. Миалл сидел у ног матери и радостно смеялся, играя в магические игрушки, изображавшие животных, подаренные Великим зодчим. Императорская чета мило беседовала, то и дело наклоняясь друг к другу и шепча на ухо

какие-то глупости. Как раз в такой момент Вариар и заметил Хлауда и Лоэналя, нерешительно замерших на пороге и не решавшихся нарушить эту семейную идиллию.

– Что-то случилось, глава совета? – император выпрямился и озабочено посмотрел на хмурое лицо своего соратника.

Тот произнес только одно имя:

– Ээн.

Вариар тут же оказался на ногах, а взгляд его потемнел от заструившейся по венам ярости. Казалось, что он способен им поджечь и испепелить все вокруг.

– Он здесь?! – в его голосе послышалась открытая угроза тому, о ком они говорили.

– Да, Ваше величество. Великий зодчий видел его у Синих ворот внешней стены.

– Оставь церемонии, Хлауд. Здесь все свои, – рыкнул Вариар. – Сейчас не до формальностей.

– Что случилось, дорогой? – Лейв обеспокоенно положила руку на его локоть.

– Все в порядке, любимая, – Вариар постарался улыбнуться, но это было больше похоже на оскал полного ярости зверя, почуявшего свежую кровь. – Подожди нас здесь, мы скоро вернемся.

Он взял ее руку и поцеловал кончики пальцев, затем кивнул Хлауду и Лоэналю и широким шагом пошел в направлении тронной залы, где стояли великолепные янтарные троны, символ власти империи Мирэй и ее богатства. Солнечные лучи пронизывали камень, и казалось, что правители сидят в золотом сиянии.

– Если это действительно Ээн, пусть его проводят в тронный зал и пусть гвардия будет начеку. Этот вопрос надо решить раз и навсегда.

– Да, Вариар. Эльди уже поднимает гарнизон по тревоге. Нужно быть готовым ко всему. Вдруг они что-то задумали.

– Задумали? – Вариар резко остановился и, усмехнувшись, обернулся к Хлауду. – Само собой. Этот идиот пришел сюда с определенными целями. И ты знаешь, с какими.

– Тогда, может, отдать приказ Эльди...

– Не стоит. Я хочу посмотреть на своего братца и на то, насколько далеко он готов зайти в своей глупости и самоуверенности.

Хлауд как-то обреченно вздохнул, принимая это решение, и уже развернулся отдать распоряжение провести воинов клана Сал во главе с их вождем в тронный зал, как Вариар остановил его.

– Впрочем, думаю, стоит устроить небольшое представление, чтобы они не вздумали мстить нам. Вынесите трон в сад перед дворцом и велите пустить всех жителей столицы, кто изъявит желание увидеть то, что будет происходить здесь. Каждый имеет право узреть силу империи.

– Да, Ваше величество, – обреченно пробормотал Хлауд, поклонившись.

Эльф немало удивился тому, что сейчас услышал, он никогда не видел императора в такой сильной, едва контролируемой ярости, но он чувствовал, что сегодня ему придется удивляться еще много раз. Пока Лоэналь размышлял над тем, что же задумал Вариар, слуги вынесли тяжелый янтарный трон на мраморную лестницу и поставили его на верхней площадке. Императору предстояло взирать на своих подданных и непрошенных гостей свысока, как и положено великому правителю мощной державы. Вдоль лестницы с обеих сторон выстроились гвардейцы, по одному через каждые две ступеньки. Широкие дорожки, ограниченные подстриженными в форме конусов и кубов кустарниками, быстро заполнялись местной знатью, торговцами и ремесленниками, кто-то расселся даже на мраморном бортике фонтана, не обращая внимания на гвардейцев, что выстроились дугой, освобождая место для гостей, которых должны были сопроводить к императору.

Непрошенные гости не заставили себя долго ждать. Они явились в сопровождении гвардейцев. Это был тот самый отряд, который встретил их у ворот города. Представителей клана Сал заставили спешиться, и им стало не по себе под всеми этими недоброжелательными взглядами горожан и вооруженных до зубов воинов в одинаковых доспехах и плащах, словно они шли босиком по битому стеклу. Опасались все, кроме их предводителя. Тот нацепил наглую ухмылку на губы и развязной походкой направился к лестнице, ведущей во дворец. Его маслянисто-черные глаза скользили по саду и зданиям, по людям, словно прицениваясь к ним. Темно-русые волосы мужчины были грязны и висели сосульками, казалось, он никогда не знал, что такое вода, то и дело улыбка с его лица сползала, и он презрительно поджимал тонкие губы, что придавало его и без того не очень приятному лицу сходство с крысой. Лоэналь отметил, как напряглись мышцы императора, как заходили его желваки.

– Давно не виделись, братец, – голос незваного гостя был скрипуч, и иногда в нем проскакивали визгливые нотки. – Очень давно. И еще столько бы тебя не видеть.

– С какой целью вы прибыли в империю Мирэй, вождь клана Сал? – величественно поинтересовался Вариар, с трудом беря себя в руки.

Каких усилий ему это стоило, Лоэналь видел по побелевшим костяшкам пальцев императора, вцепившихся в кресло.

– Забрать свое, братец, только и всего, – Ээн ослабился, и даже позволил себе смахнуть пыль с грязного рукава своего одеяния. – Ты, кажется, позабыл, братец, что, проиграв поединок, ты лишился прав на все. Твой удел быть наемником и зарабатывать монетку, чтобы на корм, выпивку и шлюх хватало. Большого ты иметь не можешь, оно все мое. Таков обычай.

– Я не ослышался? – Вариар подался вперед, и окатил брата ледяным взглядом.

– В какой части моего слова ты не расслышал? Наш обычай гласит, что все это, – Ээн широким жестом обвел дворец, парк и Арис, – мое. Твоя баба, твой дом, и этот блестящий стул, хотя мне и не нравится этот цвет.

– Я правильно расслышал, что вы требуете корону императора, вождь?

– Ты оглох? Еще раз повторить?

– Хорошо. Значит, я услышал верно. Командир Айлех, арестуйте этого человека, – процедил сквозь зубы Вариар. – Его ждет казнь за преступление против империи и императора. Завтра на рассвете, он будет лишен жизни по закону империи.

– Наш обычай... – заверещал было, срываясь на визг, Ээн.

– Здесь действуют законы, а не обычаи и так называемая воля богов, что приснилась вашим жрецам в пьяном угаре. По закону империи за посягательство на власть императора – смерть. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит. Вы, – теперь Вариар обращался к воинам клана Сал, – имеете простой выбор: признать власть империи или умереть. Впрочем, умрете вы в любом случае, помилование не предусмотрено.

В то же мгновение гвардейцы подняли щиты и сделали шаг вперед, сжимая кольцо вокруг незваных гостей. Те на одно долгое мгновение, заполненное визгом их предводителя, звучащем на одной бесконечной ноте, замерли, сжимая рукояти мечей. По знаку Айлеха гвардейцы сделали еще один шаг вперед, надвигаясь на воинов клана Сал. Послышался звук мечей, покидающих ножны. Воины Ээна перевели взгляды с угрозы своей жизни на императора Вариара, который по сути был одной с ними крови и, если бы не жрецы бога Солнца, и не явно подстроенное поражение в поединке права, был бы их вождем, а они его людьми. Первым со звоном на землю упал меч самого старшего из пришедших в столицу Мирэй, на его висках уже проступили серебряные пряди, а руки и лицо были темны от постоянного знакомства с ветром. Затем полетело оружие и всех остальных. Гвардейцы моментально отступили на шаг назад, опуская мечи и щиты.

– Что ты с нами сотворишь, Вариар? – выступил вперед старший.

– Ваше величество, – тихо произнес Айлех.

– Что? – недоуменно переспросил воин.

– К императору следует обращаться «Ваше величество».

– Оставьте, командир. Задавай свой вопрос, Леддир, – милостиво разрешил Вариар.

– Что будет с нами?

– Ничего. Вы можете выбрать: вернуться домой или стать частью моей армии и жить по законам империи. Что бы вы ни выбрали, от империи Мирэй вам не убежать. Империя будет владеть этим миром.

– Дай нам время подумать, Вари... – Леддир осекся, заметив, как дернулся командир императорской гвардии. – Ваше величество.

– Даю вам два дня. Решайте. О принятом решении сообщите первому министру Хлауду.

С этими словами Вариар поднялся и величественно удалился во дворец, сопровождаемый Главой Имперского совета и Великим зодчим империи Мирэй, под ликующие крики толпы, восхищающейся своим правителем. Воины клана Сал смотрели ему вслед, оглушенные этой народной любовью, которая приливной волной накрыла их. Они не могли видеть, как покачнулся император, стоило ему только переступить порог своего дворца, как взмахнул рукой в поисках опоры, как подставили ему свои плечи эльф и человек, а он благодарно улыбнулся им.

– Кто это был? И о чем он толковал? – решился, наконец, задать мучивший его вопрос Лоэналь. – Вы обещали мне все объяснить, Глава совета.

– Все просто и одновременно сложно, Лоэналь, – вздохнул Хлауд, дождавшись разрешающего кивка от Вариара. – Ээн – брат нашего императора. Младший брат. Отец у них один, а матери разные. Мать Ээна – вторая жена, которую наш вождь взял себе после смерти моей сестры Мирэй. Энией была глупой, трусливой, но коварной женщиной, я бы сказал, очень коварной и ядовитой, как змея. Ей не нравилось, что Вариар станет вождем, ведь у нее был свой сын, потому она воспитывала его в ненависти к старшему брату. Ээн был хорошим учеником. Когда наш вождь умер, они с Энией подговорили жрецов, и те воззвали к обычаям предков и назначили поединок права. Никто не сомневался, что Ээн проиграет: ведь ты видел его, он не воин, он жалкое подобие воина. Он подлый и глупый юноша, который с трудом может сделать два взмаха мечом.

– Другими словами, его величество проиграл этот поединок, – подытожил эльф, внимательно посмотрев на императора.

– Да. И согласно нашим обычаям мы покинули земли клана. Отныне его величество мог только продавать свой меч за самую малую цену.

– Но вы пошли иным путем, – Лоэналь хмыкнул. – Мудрым путем.

– Без ложной скромности, ваш покорный слуга вовремя вернулся из Орлиного глаза, чтобы защитить завоевания императора законами.

– Очень вовремя, – кивнул Вариар, улыбаясь.

Его лицо обрело ровный цвет, бледность ушла.

– Законы очень выгодная вещь. Благодаря им такие негодяи, как Ээн, не смогут ничего сделать против страны, а если попытаются – им придется заплатить большую цену. Завтра он лишится жизни за попытку захвата императорской власти, – Хлауд явно был доволен собой.

– Ваше величество, а вы не будете жалеть? Он все-таки ваш брат, пусть и негодяй редкостный, – эльф внезапно нахмурился.

– Не знаю, Лоэналь. Я ни в чем не могу быть уверен, но мои чувства не важны, важна империя, – покачал головой император. – И знаешь... Может, завтра мне будет плохо, но сейчас я чувствую глубочайшее удовлетворение. Знаешь, такое же, наверное, заполняет души тех, кто отомстил.

– Я вас понимаю, Ваше величество.

Они рядом сидели на широкой ступеньке, одной из пяти ведущих к возвышению с императорскими тронами. Трое суровых мужчин, которые многое прошли в своей жизни. Самым старшим из них был эльф, который что прожил вдвое больше, чем сидевшие рядом с ним люди вместе взятые, хотя выглядел он молодо. Правильные чеканные черты лица, глаза цвета индиго, золотые волосы и натренированное тело воина, каковым он был, несмотря на свою профессию. Только в этих синих глазах читалась мудрость всех прожитых эльфом лет.

– Я помогу вам в вопросе взаимоотношений с Элеаном. Эльфийские правители будут рады мощной стране людей, которая приструнит всех этих гиен, что угрожают их границам, – задумчиво произнес Лоэналь. – Ведь сильной империи нет дела до королевства эльфов.

– Спасибо, дорогой друг, – отозвался Вариар.

– Я знал, что ты мудрейший из эльфов, – усмехнулся Хлауд.

– Я тебе потом скажу, сколько будет стоить моя помощь, – на губах Лоэналя появилась коварная усмешка.

– Вот ведь зараза. А я-то поверил тебе, что ты мне друг.

– Ничего сложного. У меня есть сестра, которую мой отец нагулял с человеческой женщиной. В мире эльфов у нее нет шансов, а потому, старый друг, ты на ней женишься.

– Но...

– Хлауд, это императорское повеление, – вклинился в разговор Вариар, не оставляя своему дяде шансов на побег Вариар.

– Эх... Ну что с вами сделаешь. Привози свою сестру, Лоэналь. Сыграем с ней свадьбу.

Эльф остался собой доволен. Он действительно любил свою сестру Театлин, которой, несмотря на всю ее необычайную красоту, в Элеане была уготована роль в лучшем случае любовницы какого-нибудь аристократа. Это было неприемлемо для девушки из знатного рода, дочери герцога, но и иного варианта у нее не было. Будучи получеловеком, она не могла стать полноправным членом эльфийского общества. Потому, Театлин было уготовано всю жизнь провести в их родовом поместье, никуда не выезжая, никого не встречая. К тому же существовала опасность, что ее могут принести в жертву, если жрицы какой-либо из многочисленных эльфийских богинь обратят на нее свой взор. Она была бесправна, как и ее мать – рабыня-наложница. И поддерживали ее только любовь отца и слепое обожание брата.

– Я пошлю за ней. Она очень хорошая девушка, и ей понравится здесь.

– То, что она твоя сестра, уже говорит в ее пользу, – хмыкнул Хлауд. – Потому я уже чувствую любовь к ней.

– Не говори пока, зачем ее сюда вызывают. Пусть едет сюда, чтобы стать придворной дамой моей супруги, – внезапно предложил Вариар. – Мы не знаем, как отреагирует общество Элеана на то, что пусть и полуэльфийка, но из знатного рода эльфов, станет женой человека. К тому же, императрице нужны друзья, а не льстецы.

– Вы правы, Ваше величество.

Лоэналь поднялся, поклонился императору и направился к себе, дабы написать письма королевским советникам, королю Кириалу и Театлин.

*Третий месяц лета милтар. Шестнадцатый день месяца.
4 год от рождения империи*

Солнце едва показало свой край из-за горизонта, словно не очень хотело начинать новый день. Это был жуткий рассвет, таких жители имперской столицы не могли припомнить. Крыши домов и улицы заливало красным светом, словно кто-то щедрой рукой плеснул из ведра свежей кровью. Да и Кивар, казалось, нес к океану не чистую холодную воду, а самую настоящую

кровь, еще мгновение назад бежавшую по жилам живого существа. А полупрозрачный туман, опустившийся на город добавлял зловещих ноток в рассвет.

В душах людей поселился панический страх. Кто-то тихо молился у себя дома, кто-то побежал в храмы испрашивать ответа на этот вопрос у жрецов. Верховный жрец империи Эскур, что носил кроваво-красные одежды Ура, спешил во дворец к императору, чтобы рассказать тому о своем сне, в котором боги поведали ему истину этого рассвета. Эскур очень торопился, и потому не замечал горожан, которые попадались ему навстречу, протянув руки для получения благословения, он буквально распахивал с дороги городских стражников.

У дворцовых ворот сонно вглядывались в рассветный туман, опустившийся на столицу, гвардейцы, они не сразу поняли, что это за странная красная тень приближается ко дворцу, и даже направили на нее свои копья в своем рвении защитить императора. Эскур не обратил на них никакого внимания, лишь бросив на ходу:

– Мне нужно к его величеству. Немедля.

– Но... – один из гвардейцев попытался остановить жреца.

– Никаких но.

Эскур просочился через створки ворот и понесся по аллеям императорского сада с такой скоростью, словно за ним гнались все демоны подземного мира во главе с эльфийской богиней смерти разом. Взлетев по ступенькам, что вели уже в жилые помещения дворца, он резко остановился, пытаясь перевести дыхание. Уперевшись ладонями в колени, он со свистом вдыхал и выдыхал воздух, пытаясь стараясь в себя, чтобы иметь возможность говорить.

– Молящийся за нас, что вы тут делаете столь рано? – прозвучал над его головой баритон командира императорской гвардии Айлеха.

Эскур поднял руку, прося несколько мгновений для того, чтобы восстановить дыхание.

– Я... – его голос звучал сипло и постоянно прерывался. – Мне... нужно... к императору.

– Его величество только что изволил проснуться и готовится к казни преступника из клана Сал. Вам тоже следует готовиться к ней.

– Вот именно... мне немедленно нужно. Командир Айлех, отведите меня к его величеству. И не спрашивайте, зачем? Мне дышать-то больно, не то что говорить.

– Как скажете, Молящийся за нас.

Гвардеец помог Эскуру выпрямиться и, поддерживая под локоть, повел к дверям. Жрец к тому моменту уже успел выровнять дыхание.

– Стар я уже для таких утренних прогулок, – пробормотал он себе под нос, но Айлех его услышал.

– Что вы, Молящийся за нас, вы еще лет сто проживете, чтобы молиться за нас богам. Не то что мы.

– Лыстец, – беззлобно припечатал его Эскур, уже переступая порог.

Вариар наградил обоих изумленным взглядом, когда главный гвардеец и жрец буквально ввалились в покои императорской четы. Верховный жрец оттолкнул руку Айлеха, стараясь держаться прямо и не клонить носом, и шагнул вперед, навстречу императору. Тот продолжал взирать на него наполовину одетый, но с гордым видом.

– Айлех, что все это значит? – наконец, придя в себя, спросил правитель империи Мирэй.

Гвардеец пожал плечами и для пущей убедительности еще и развел руками.

– Простите командира Айлеха, Ваше величество, это все я, – твердо заявил Эскур, перехватывая инициативу. – Но это не терпит отлагательств, мне очень надо поговорить с вами. Немедля надо.

– Что же такого произошло, что вы ворвались в мою опочивальню, Молящийся за нас, сметая все на своем пути?

– Дело серьезное. И очень необычное. Впервые боги явили свою волю, – начал было Эскур, но, заметив, как темнеет от гнева взгляд Вариара, тут же поспешил успокоить. – Но она не обязательна к исполнению, просто боги недовольны и обеспокоены. Вы видели, что творится в столице, Ваше величество?

– И что же там творится? – голос императора был полон едва сдерживаемой холодной ярости.

– Люди в страхе сидят по домам или бегут к жрецам, ища ответов. Но служители богов не могут ответить на этот вопрос горожанам. Город залит кровью, как и Кивар.

– Что? – Вариар буквально дернулся, его глаза удивленно раскрылись. – Что это значит, Молящийся за нас? Кто посмел устроить резню в городе? Где городская стража? Куда смотрит гвардия, Айлех?

– Погодите, Ваше величество, – шагнул вперед Эскур. – Это не следствие резни. Так кто-то из богов показал свое неудовольствие. На город падает красный свет солнца, с реки пришел густой туман. Соединившись вместе, они погрузили город в кровавые потоки, отчего в душах людей поселился холодный ужас. Но это только знак. Боги прислали мне сон. Они не желают, чтобы в городе пролилась кровь.

– Ты хочешь, чтобы я отменил казнь преступника? – взгляд Вариара стал опасным, в нем появилась решимость убить жреца на месте, если он посмеет диктовать ему предполагаемую волю богов.

– Ни я, ни боги, ни кто-либо еще в этом городе или во всей империи не хотят этого, ваше величество. Боги лишь хотят, чтобы кровь и смерть этого человека не осквернили улицы и площади Ариса. Перенесите казнь за стены.

Император задумался. Со стороны было видно, каких усилий ему стоит сдержать свой гнев и не убить жрецов, воинов клана Сал и своего брата. Боги, или те, кто смел говорить от их имени, снова встревали в его жизнь, требуя, чтобы он подчинился их воле. С другой стороны, Эскур не был категоричен.

– Что именно ты предлагаешь, Молящийся за нас? – наконец, взяв себя в руки, спросил Вариар.

– Надо вынести место казни за пределы стен, – спокойно пояснил верховный жрец, заглядывая в пасть дракону. – Там есть прекрасный холм. Все увидят эту казнь, и кровь вашего брата не осквернит улицы этого города, ваше величество. Вы же знаете, что кровь имеет свойство вонять.

– Холм говоришь? – гнев во взгляде Вариара погас, уступив место размышлениям.

Император вышел на небольшой балкон и взгляделся в кровавый туман, что окутал Арис. Было заметно, как он против своей воли вздрогнул от заползшего в его душу страха. Их боги были мудры, но исполнения своей воли требовали жесточайшими методами. Вариар мог себе представить, какая паника воцарилась в городе, когда жители увидели все эти божественные происки.

– Да, Ваше величество, он недалеко от городских стен.

– Хорошо, пусть Ээна доставят туда.

– Слушаюсь, Ваше величество, – чуть ли не рывкнул Айлех и исчез за дверью.

Император не обернулся, продолжая вглядываться в кровавый рассвет, что разгорался над Арисом. Даже он, не терпящий богов, даже презиравший их после того, как их именем был лишен того, что принадлежало ему по праву рождения, не признававший жрецов, что пытаются говорить от имени тех самых богов, почувствовал, как внутри все сжимается и липкие щупальца страха опутывают его сердце. Он прекрасно понимал своих подданных, напуганных этим явлением, которое и, правда, леденило душу.

– Ты хотел что-то еще сказать мне? Ты хотел бы, чтобы я простил его?

– Нет, Ваше величество, – Эскур покачал головой. – Его преступление карается смертью согласно законам империи. И он должен быть лишен жизни. Просто кровь не должна осквернить улиц Ариса. В этом я согласен с богами. Кровь преступника не должна касаться земли, по которой ходят ваши подданные. Я пойду. Мне надо напутствовать своих собратьев. Мы вымолим для него прощение у богов, и благословим в путешествие в подземный мир.

Вариар кивнул, даже не оборачиваясь. Его взгляд все еще был прикован к городу и кроваво-красному отблеску в густом тумане, который натягивало с реки. Эскур быстрым шагом покинул императорские покои. Он выполнил волю богов и предостерег повелителя от кровавой расправы над собственным братом в границах великой столицы империи Мирэй, которую Вариар построил их милостью в кратчайшие сроки. Улицы все еще заливало кровавым светом, боги все еще показывали свое предостережение. Эскур был уверен, что странное явление закончится сразу же, как умрет Ээн, и умрет не в кольце городских стен, а на том холме, на который он указал повелителю. Император с трудом, но согласился с волей богов, что несказанно радовало верховного жреца, ибо он прекрасно знал отношение Вариара к любым богам, а в особенности к жрецам, которые начинали говорить от их имени, не имея на то права, и выдавали свои желания за их волю. Эскур серьезно рисковал, исполняя волю своих богов, которую они впервые явили своему служителю. Но он не мог поступить иначе. Принимая жрецское звание, он поклялся жизнью и смертью служить своему богу, милостивому и справедливому Уру.

Главные жрецы четырех богов замерли на ступеньках лестницы, ведущей в главный храм, ожидая Эскура, на их лицах застыло напряжение и нескрываемая тревога. Они смотрели на своего верховного жреца, как на последнюю надежду.

– Что сказал его величество о воле богов, которую явили они в величии своем? – выступил вперед жрец в черных одеждах.

– Все в полном порядке, Гуэль. Император принял волю богов. Казнь пройдет вне города, – устало произнес Эскур.

– Почему тогда до сих пор кровавый рассвет? – поежился жрец Ула. – Боги не верят ему?

– Он уйдет, когда умрет Ээн. И умрет не в городе. Почему я должен объяснять тебе эти простые истины, Гуэль? – в голосе верховного жреца прозвучало раздражение. – И император согласился с мудростью этого решения, ведь никому не хочется заливать кровью негодя свой дом. Но хватит об этом. Давайте соберемся и отправимся к месту казни. Нам предстоит провести ритуалы очищения и напутствия в путешествие к вратам подземного мира.

– Я не уверена, что жрицам Уты и Уйи следует присутствовать при казни, – проговорила жрица в желтом.

– Не говори глупостей, Аанор, – покачал головой Эскур. – Ты же знаешь, как проводятся эти ритуалы. При их проведении должны присутствовать жрецы всех богов. И не надо бояться. Это законы империи, а мы приняли их, когда прибыли сюда и решили стать главными жрецами Мирэй и вести людей к мудрости и свету. Их законы, они как наши правила. Даже если они претят тебе, их следует неукоснительно соблюдать.

– Да, верховный жрец, прости мне слабость мою, – выдохнула жрица Уйи. – Вся эта кровь, что заливает Арис, заставляет меня нервничать.

Она даже провела по стене храма пальцами, в опасении, что они окрасятся красным. Но руки Аанор остались чисты, ведь потоки крови были лишь оптической иллюзией.

– Давайте приготовимся. Солнце взойдет очень скоро, а мы должны быть на месте казни задолго до прибытия императора и осужденного, иначе его величество может поторопиться и выпустить жизнь из преступника до ритуала.

– Тогда давайте отправляться, – предложил Гуэль, поежившись. – Мне слишком неуютно в Арисе сейчас, даже стены храма не спасают от этого навязчивого чувства. Кажется, что кровь стекает по стенам и внутри него.

– К тому же для обрядов нам ничего и не надо, – подхватила Аанор.

– Нам потребуются еще жрецы, – Эскур нахмурился. – Вы же знаете порядок. Отправьте посыльных в храмы, а сами мы пойдем уже.

– Да, верховный жрец, – хором отозвались все четверо.

Эскур отмахнулся от них и направился вниз по лестнице, поправляя свои и без того безупречные одеяния. Он казался частью этого странного пугающего тумана в своих кроваво-красных одеяниях. Горожане, направлявшиеся к месту казни, даже испуганно шарахались от этой призрачной красной фигуры, что выплывала на них из тумана, потом узнавали верховного жреца и складывали руки в просьбе благословить их и защитить. Эскур не отказывал. Он никогда не отказывал тем, кто веровал в Ура в его милости. Он благословлял и успокаивал, и испуганные жители столицы успокаивались, их взгляды вновь становились ясными, их них уходила тревога. К месту, выбранному богами, чтобы лишить жизни нарушившего законы империи человека, верховный жрец империи пришел уже в сопровождении сотен горожан, что вызвало немалое удивление у командира городской стражи. Ее немалый отряд обеспечивал порядок на месте казни

– Молящийся за нас, благословите нас в нелегком ратном труде милостью Ура, – старший офицер снял шлем и склонил голову.

– Пусть Ур хранит тебя в твоём нелегком деле, – привычно произнес Эскур, затем помрачнев, спросил: – Кто исполнит приговор, командир?

– Пришлось выбрать палача из горожан, – пожал плечами командир, вновь водружая шлем на голову. – Но дело свое он знает, скот забивать рука набитая нужна. Надеюсь, он нам будет очень редко требоваться.

– Я тоже надеюсь на это, командир. Но сегодня ему придется потрудиться.

– Молящийся за нас, этот человек нарушил закон. А закон следует соблюдать, а коли нарушил его – безропотно принимать кару, – согласно кивнул офицер. – Идите к вершине, Молящийся за нас, император скоро прибудет и тогда приведут осужденного.

– Благодарю, командир.

Эскур побрел к вершине. Его согбенная фигура всем своим видом кричала о том, что на плечах верховного жреца империи лежит целая гора. Время потекло очень медленно, словно попало в ловушку из вязкой патоки. Каждый шаг, который делал жрец, был словно по раскаленным углям или острым гвоздям. Эскуру, казалось, что кровь обильно течет из его израненных ступней. Он не думал, что это будет настолько тяжело.

Когда он все же ступил на вершину холма, где в спешном порядке возвели грубо сколоченный помост, которому предстояло стать эшафотом, из Красных ворот показалась императорская процессия. Вариар возглавлял отряд собственной гвардии и соратников, когда-то пришедших в Арис вместе с ним, а теперь изъявивших желание присутствовать на казни. У них, выходцев из клана Сал, имелось на то больше прав, чем у всех подданных империи вместе взятых. Эскур был уверен: будь в городе все двадцать человек, с которых началась империя Мирэй, они бы сейчас следовали за Вариаром, чтобы своими глазами увидеть последние мгновения жизни Ээна. Но в столице их осталось всего шестеро. И все они сейчас приближались к месту казни. Следом за конной процессией из ворот вышел пеший отряд из пятидесяти разоруженных гвардией воинов клана Сал, которым предстояло смотреть на то, как судьба настигает их вождя.

Император въехал на холм на коне, и не произнес ни слова, остановил его рядом с верховным жрецом, замершим рядом с помостом. Эскур бросил быстрый взгляд на своего правителя и сглотнул резко вставший в горле комок: лицо Вариара стало похоже на страшную застывшую маску. Такие, Эскур слышал об этом, используют выходцы из Кси, для нападения на врагов, чтобы вселять ужас в их души.

Не успел верховный жрец обдумать пугающий взгляд императора, как из Серых ворот показалась жреческая процессия, возглавляемая четырьмя высшими жрецами. За ними следовала телега с установленной в ней железной клеткой, в которой бесновался осужденный на смерть Ээн. Он лютым зверем кидался на прутья, стараясь вырвать их из пазов. Казалось, еще мгновение – и он вцепится в них зубами. Осужденный изрыгал какие-то страшные проклятья, грозил всем мирэйцам карами, которые найдет на них Бог-Солнце, которому поклонялись члены клана, ведь они нарушили древние обычаи Сал. Но чем ближе становился эшафот, тем быстрее силы покидали его. Наконец он осел на пол клетки и принялся выть, как волки воют на луну, оплакивая свою жизнь.

Телега тяжело остановилась у подножия холма, и двое стражников попытались вытащить Ээна наружу. С первого раза это им не удалось. Осужденный вжался в дальний угол клетки, не желая выходить. Они провозились несколько долгих мгновений, вызывая недовольный взгляд Вариара. Затем один из стоявших в оцеплении стражников додумался ткнуть осужденного копьём, и тот буквально вылетел из клетки на руки двум его незадачливым товарищам. Стражники потащили свою сопротивляющуюся добычу вверх по склону, стараясь не обращать внимания на ее истошные крики и тщетные попытки вырваться. В конце концов Ээн рухнул на деревянный настил под ноги императорскому коню, направленный сильными руками своих конвоиров.

– Ты... – зашипел вождь клана Сал, когда поднял глаза на брата. – Божественное солнце покарает тебя, подлый ублюдок.

– Я не верю в него и его власть над моими людьми, – ледяным тоном ответил Вариар.

– А, где твоя баба, братец? – Ээн резко переменялся, когда увидел эшафот, на который ему предстояло взойти. Весь животный страх куда-то улетучился, уступив место наглой самоуверенности. – Я хочу посмотреть на свою собственность, а то, может, она не достойна постели вождя.

Вариар пропустил шпильку мимо ушей, кивнув Хлауду. Тот выступил вперед и развернул довольно толстый свиток.

– Самозванный вождь клана Сал Ээн, – зачитал он. – Вы обвиняетесь в предательстве своего брата, старшего сына вождя клана Сал, Вариара. Вы обвиняетесь в нарушении законов империи и посягательстве на императорскую корону без права на нее. Что вы можете сказать в свое оправдание?

– Обычай гласит, что это все мое. Все здесь мое! – прокричал Ээн.

– Значит, вам, самозванный вождь, нечего сказать. Тогда выслушайте приговор, вынесенный вам императором великой Империи Мирэй Вариаром Первым: согласно законам Империи Мирэй вы проговариваетесь к смертной казни. Приговор будет приведен в исполнение немедленно.

– Вы не посмеете! Вы не посмеете забрать мою жизнь! – взвыл осужденный, когда все те же двое стражников дернули его за цепи и быстрыми движениями прибили их к помосту. – Моя жизнь священна! Клан Сал отомстит!

– Клан Сал твоими стараниями теперь часть империи Мирэй, – Хлауд наклонился вперед и быстро зашептал на ухо Ээну. – Той самой Мирэй, которую извела ядовитая змеюка, твоя жалкая мамаша, чтобы попасть на ложе вождя и выплюнуть из своей пропитанной ядом утробы такого недоноска, как ты, – он распрямылся и кивнул императору.

– Командующий Эльди, приказываю вам отправиться в земли клана Сал и установить там законы империи Мирэй. Любого, кто будет сопротивляться – убейте. Мать этого человека заковать в цепи и притащить сюда. Мы будем судить ее, – велел Вариар.

– Слушаюсь, Ваше величество.

– И пусть весь путь эта змея идет пешком.

– Слушаюсь.

Вариар кивнул Хлауду.

– Можете приступать к исполнению приговора, – велел тот палачу.

Никто не обратил внимание на то, как завыл и забился в истерике Ээн. Никто не обратил внимания на изрыгаемые им проклятья. Палач – сухонький мужичок с сильными руками – совершенно равнодушно посмотрел на приговоренного, достал длинный мясницкий нож и посмотрел на Хлауда.

– Согласно закону, казнь свершится путем обескровливания приговоренного, – возвестил тот и отступил назад.

Палач тут же наклонился над бесновавшимся Ээном и не без труда нанес два длинных пореза вдоль вен на руках. Приговоренный дернулся, выгибаясь дугой, насколько позволяли ему цепи. По рукам потекла темно-красная кровь, капая на помост и постепенно собираясь в лужи и впитываясь в дерево.

– Будь ты проклят, Вариар! Жаль, что я не прикончил тебя тогда! Ты...

Он не успел закончить, палач нанес еще один короткий удар, и Ээн захрипел, оседая на помост с перерезанным горлом. Вариар с ледяным спокойствием смотрел в глаза брата, в которых угасала жизнь. Жрецы затянули гимн, призывающий владыку подземного царства мертвых сжалиться над заблудшей душой, совершившей смертный грех: предательство родного брата. Воины клана Сал с угрюмой обреченностью смотрели на смерть своего вождя, ни один из них не испытывал сожаления по поводу страданий все более вяло сопротивлявшегося смерти человека. С каждой каплей красной жидкости, покидавшей его тело, взгляд Ээна становился все более пустым и тусклым. Кровь стекала по его рукам и шее, тяжелыми каплями падая на деревянный настил, пузырясь в ране на горле. Приговоренный хрипел, пытаясь что-то сказать, но лишь кровь булькала на его губах. Собираясь в большие багровые лужи, она просачивалась между досок, падая на землю. Казалось, что вместе с кровью из тела осужденного на смерть Ээна, уходит и кровавый туман из города. Солнце полностью встало над горизонтом и осветило последние мгновения его жизни. Голоса жрецов взлетели к небу, прося для заблудшей души спасения. Ээн несколько раз дернулся и, наконец, затих, глядя черным пустым взглядом в ярко-голубое небо.

Вариар молча развернул коня и поехал обратно в город, даже не взглянув на то, как тело его брата попытались отстегнуть от помоста.

– Оставьте его, – приказал Вариар, придержав коня. – Пусть лежит тут. Он не достоин быть погребенным. Ээн тот, кто пытался говорить от имени богов, не имея на то права. Пусть теперь смотрит на бога, чьим именем он прикрывался. Эльди, я хочу, чтобы все жрецы клана Сал были доставлены в Арис в цепях, как и мать этого чудовища.

– Слушаюсь, Ваше величество, – гаркнул командующий армией, развернул коня и погнал его галопом в расположение армейского гарнизона.

Им предстояла непростая задача: сломить сопротивление клана Сал и справиться с бешеной женщиной, которую, как точно знал Эскур, сразу же обвинят в убийстве матери императора. Он не верил, что кто-то может быть настолько подлым, что лишит жизни благородную женщину, которая способна была воспитать столь благородного и мудрого сына. Если бы не эта женщина, не было бы и империи ее имени. Эскур вздохнул, подумав, что все хорошо начиналось, а закончилось такими неприятностями. Но он сам выбрал себе правителя, а значит, будет следовать за ним и в мудрости его и в заблуждениях. Верховный жрец, сделал знак всем остальным жрецам замолчать. Гимн – молитва о спасении – стих. Эскур пошел в сторону города, стараясь не думать об ошибках Вариара. В конце концов это было его обязанностью – не дать тому ошибиться, или вымолить для него прощение у богов.

*Третий месяц осени амлар. Двадцать восьмой день месяца.
4 год от рождения империи*

Хлауд смотрел в воды Кивара, который откликнулся на стихию, захватившую Арис. Его воды почернели, налились гневом и набрасывались на пристани с особой яростью. Свинцовые тучи нависли над городом, давя на него своим весом. То и дело небо вспыхивало от рассекавших его молний, на миг заливая мертвенно-бледным светом городские улицы. Все горожане сидели по домам, стараясь не высовывать нос наружу. Не работали даже вечно открытые в столице таверны. Хлауд с сожалением посмотрел на бокал дамийской Черной крови у себя в руке: приходилось опустошать собственный винный погреб, вместо того чтобы спокойно посидеть за столиком в прекрасной таверне в компании старых друзей, обсудить последние новости.

С казни Ээна прошло четыре месяца, и вот-вот должен был вернуться Эльди с пленниками. Эшафот так и не разобрали, впрочем, тело самого Ээна тоже не убрали. Его растащили вороны и бродячие собаки, оставив одни лишь жалкие останки, закованные в тяжелые цепи. Теперь эшафот был готов принять следующего преступника, приговоренного к смерти заранее, и его ждала такая же жуткая смерть, как и Ээна. Хлауд поежился, вспоминая конвульсии осужденного. Тот все пытался дотянуться до горла, остановить неудержимо уходящую кровь, но не мог этого сделать. Короткие цепи, удерживавшие его, не позволяли поднести руки к широкой ране на шее, в которой булькала и пенилась кровь. Но даже если бы у него получилось дотянуться, это не помогло бы. Палач оказался мастером, он быстро и надежно вскрыл вены Ээну, позволяя крови стекать на помост, собираясь в большую, пахнущую металлом, темно-красную лужу. Даже горло было перерезано особым образом, делая смерть жертвы мучительной и, насколько это возможно при таком способе, долгой. Насколько Хлауд знал, главным имперским палачом стал бывший забойщик скота, который ловко умерщвлявший животных, которые потом отправлялись на прилавки мясных лавочек, и он хорошо знал, как убить человека. Несмотря на свой щуплый вид, он оказался сильным, даже мощным, и был вполне способен отрубить бычку голову одним ударом. Чего уж говорить о человеке. Многие воины имперской армии и гвардии императора изумлялись его умению, ведь они не понаслышке знали, что значит рубить кости. Но способ казни за измену был более прощсе, но страшнее, нежели банальное обезглавливание. Хлауд даже не мог представить, каково это лежать и чувствовать, как капля за каплей из тебя утекает жизнь.

Глава Имперского совета сделал еще один глоток вина, продолжая задумчиво взирать на ярящуюся реку. Накануне прибыла его невеста, прекрасная полуэльфийка Театлин, единокровная сестра Лоэналя, дева без права на семейное имя. Хлауд улыбнулся уголками губ, вспоминая их первую встречу. Девушка обладала не только прекрасной эльфийской внешностью, но и сильным характером, она не опустила взгляд, как это было принято в эльфийском обществе, а внимательно и твердо посмотрела на Хлауда своими фиалковыми очами и заявила брату: «Подходит». Это вызвало у Лоэналя приступ неудержимого хохота, что эльфу обычно не было свойственно. Он вообще как-то расцвел рядом с сестрой, стал открытым и светлым, исчезла его обычная презрительная складка у губ, из взгляда ушла надменность, они лишь лучились любовью к сестре. И в глубине взгляда появилась искорка, какая может быть у хищника, защищающего свое логово. Эта искорка удерживала на расстоянии мужчин, окидывавших Театлин полными вождедения взглядами.

Приятные мысли главы Имперского совета о том, что теперь в его постели будет красивая и сильная женщина, прервал звук открывшейся двери и осторожное покашливание. Хлауд

обернулся, с трудом оторвав взгляд от реки, и внимательно посмотрел на слугу, посмеявшегося прервать его размышления.

– Ваша милость, прибыл гонец из дворца, – равнодушным тоном возвестил тот. – Сообщил, что армия возвращается и вам надлежит прибыть к императору.

– Спасибо, Тихоня.

Раб поклонился и тут же исчез за дверью. «Что ж, утро обещает быть не столь томным, как хотелось бы», – подумал Хлауд, оставляя недопитый бокал на низком столике из черного дерева с агатовыми вставками и направляясь к выходу из своей резиденции. Его уже ждала лошадь, на которой он довольно быстро добрался до дворца, несмотря на запруженные народом улицы. Все желали посмотреть на суд императора над этими странными людьми, которых проволочили по улицам столицы. Жители Ариса были любопытны, и потому площадь перед входом во дворцовые сады была заполнена под завязку. Конь Хлауда с трудом прокладывал себе дорогу, распахивая людей грудью. Они было начинали возмущаться, но тут же замолкали, узнавая герб главы Имперского совета на конской сбруе, и склоняли головы в почтительном приветствии.

Когда он, наконец, добрался до ворот, к нему присоединились Лоэналь и Театлин, вырвавшиеся из объятий толпы. Им повезло меньше. Великого зодчего империи Мирэй узнавали с трудом: слишком сложны были гербы эльфийских аристократов, в том числе и Лоэналя; листовидное деление герба на два поля серебряное и зеленое с летящей серебряной птицей на зеленом поле и зеленой на серебряном. Но узнав самого эльфа, люди пропускали его без разговоров, расступаясь на удивление быстро для такой плотной толпы. Хлауд приветственно кивнул другу и своей невесте, та в ответ улыбнулась. И эта улыбка была настолько теплой, что глава совета даже задохнулся от внезапно нахлынувших чувств: откуда-то из глубины души поднялась радость и захлестнула его потоком счастья, сметавшего все на своем пути. «Наверное, это и есть любовь, старик», – улыбнулся он про себя.

За последние полтора месяца, что Лоэналь активно трудился над тронным залом, тот преобразился. Он стал более величественным: стены из бело-розового мрамора имели вставки из того же материала только черного цвета, которые были выложены в форме фигур на гербе Вариара; вдоль стен шли колонны, образующие ниши, в которых стояли статуи отважных воинов и прекрасных дам. Любому, ступившему на бело-черный пол, плиты которого складывались в звездчатый узор, казалось, что он попадает в обитель богов и они сами вот-вот сойдут с пьедесталов и преклонят колена перед императором. На небольшом возвышении, куда вели пять ступенек, стояли два трона, светящиеся в лучах солнца, падающего через витражи под потолком тронного зала, высота которых была в два обычных этажа. Троны были вырезаны из цельных кусков янтаря, и представляли собой настоящие произведения искусства. Талантливый резчик по камню изобразил двух вздыбленных единорогов, поддерживающих спинку кресла, подлокотники тоже были сделаны в виде этих животных, и казалось, что император и императрица глядят их спины. Хлауд усмехнулся, наблюдая за тем, как Театлин изучает царившее тут великолепие. Ее глаза буквально светились, впитывая каждую частичку красоты и изящества тронного зала.

– Твое творение, брат мой? – с восхищением рассматривая резные виноградные лозы, увивающие мраморные колонны, спросила Театлин у Лоэналя.

– Конечно, дорогая, – улыбнулся тот. – Люди слишком грубы, чтобы создавать столь тонкие и изящные вещи. Но они учатся.

– Конечно, так они не могут, – хмыкнул Хлауд. – Нам никогда не достичь уровня эльфийских мастеров. Ведь у нас почти нет времени, чтобы совершенствовать свое мастерство.

– Я вам давно об этом говорю, старый друг, – едва заметно поклонился Лоэналь.

– Вы меня разыгрываете, – притопнула ножкой Театлин. – Я так и знала.

Мужчины усмехнулись, глядя на прекрасную девушку, что недовольно нахмурилась и явно собиралась им высказать все, что она думает по этому поводу, но не успела. В залу вошел император, и все приветственно склонились пред ним. Вариар был облачен в красно-золотые одеяния, на голове его была корона, лицо же выражало суровую решимость, и больше напоминало маску.

– Пусть введут обвиняемых в преступлениях против короны, – голос императора был суров, а каждое слово было словно тяжелая мраморная плита, что падала на головы придворных.

Высокие резные двери распахнулись, и двое гвардейцев с трудом втащили в залу визжащее и машущее руками и ногами нечто. Следом зашли десять человек в грязных жреческих одеждах слугителей божественного Солнца. Их охраняли два десятка императорских гвардейцев. Последним в залу вошел Эльди в полном боевом доспехе со шлемом в руке, за его спиной замер юный знаменосец пятого лохоса имперской армии: на черном поле реяла серебряная чайка. Медленно, словно сквозь сгустившийся, плотный воздух, странная процессия достигла подножия трона. Возглавлявшие ее гвардейцы с огромным трудом поставили на колени женщину, которую они тащили. Она продолжала сопротивляться, тряся длинными сальными космами черного цвета и гремя цепями, которые сковывали ее руки и ноги. Ее, пожалуй, можно было назвать красивой, если бы не неопрятный вид и безумный блеск темных глаз. Со жрецами все получилось проще, каждого ударили под колено, и они тут же свалились ниц. Эльди прошел вдоль них и подошел к возвышению, опустился на одно колено и склонил голову.

– Поднимитесь, командующий лохосами, – милостиво разрешил император. – Вы точно и верно исполнили мой приказ.

– Я дышу, чтобы служить империи Мирэй и моему императору, – отозвался ставшей традиционной фразой Эльди, поднимаясь на ноги.

– Глава Имперского совета Хлауд, огласите этой женщине обвинения против нее, – теперь голос Вариара безжалостно бил по нервам.

Хлауд выступил вперед и поклонился своему правителю, затем бросил презрительный взгляд на женщину, беснующуюся у его ног.

– Недостойная Эниай, ты обвиняешься в убийстве жены вождя клана Сал, матери нашего императора Вариара Первого, в издевательствах над наследником клана и убийстве самого вождя, – монотонным, безэмоциональным голосом зачитал обвинения глава совета империи Мирэй, брат погибшей жены того самого вождя, чье место и заняла эта женщина.

– Вы убили моего сына! – завизжала она. – Вы посмели убить вождя клана Сал!

– Жрецы клана Сал, вы обвиняетесь в сговоре с Эниай с целью возведения в вожди клана ее сына. Вы обвиняетесь в обмане богов и людей, в подмешивании в ритуальный напиток ослабляющего эликсира, что повлияло на поединок благосклонности богов. Вы обвиняетесь в высказывании своей воли от имени богов, – продолжил обвинять Хлауд.

Коленопреклоненные люди завывали в голос.

– У тебя нет доказательств, Хлауд! – взвилась Эниай, указав на главу совета империи пальцем. – А доказательств того, что вы нарушили обычаи и убили моего сына – много. Вы нарушили волю богов.

– Твой сын нарушил закон, – жестко произнес Хлауд. – И по этому закону он был казнен. Что же касается доказательств... – он шагнул к женщине и резким движением сорвал с ее шеи круглый амулет. – У нас есть свидетель.

Лоэналь шагнул вперед, понимая, что именно собирается сделать Хлауд.

– Если эта вещь была с тобой, обвиняемая Эниай, я могу всем показать то, что ты и этот амулет видели, но не только это. Мы услышим и слова, сказанные рядом с этой вещью, – с легкой ноткой презрения к нечесаной женщине произнес эльф.

– Это невозможно! – взвизгнула Эниай.

– Посмотри на меня внимательно, обвиняемая Эниай, – твердо велел Лоэналь и, дождавшись, когда полный ненависти и злобы черный взгляд упрется в его лицо, продолжил: – Я эльф. Моему народу подвластна магия. Очень сильная магия. Мы видим то, что недоступно людям.

Эльф подбросил амулет Эниай в воздух и, прежде чем тот упал, произнес едва слышно: «Кинатис», и побрякушка зависла в воздухе, мягко светясь синим цветом. Лоэналь пошевелил пальцами, и амулет начал быстро вращаться, все сильнее разгораясь. Наконец пятно света стало размером с крупного человека в высоту и примерно в трех в ширину. Все собравшиеся затаили дыхание, даже Эниай умолкла, когда в этом световом окне появился силуэт какого-то странного человека, закутанного в дерюгу.

– Это точно сработает и меня не привяжут к смерти этой убогой стервы? – раздался голос женщины, молча сидевшей на полу в тронном зале, отчего та вздрогнула и забилась в цепях, стараясь схватить амулет.

– Конечно, Эниай. Никто и не подумает, что хозяйку клана Мирэй отравили. Она лишь не проснется, померев во сне, – тем временем проскрежетал человек в дерюге.

– Сколько у меня будет времени, чтобы добраться до своего дома прежде, чем она сдохнет?

– Я же говорю, а ты меня по ходу не слушаешь совсем. Она помрет во сне, значит, у тебя вся ночь будет. Ее смерть обнаружат лишь поутру.

– И что они решат?

– Ну, какие мысли будут в их головах копошиться, я не знаю, и куда они их выведут – тоже, но на отраву вряд ли подумают. Нет у этого яда признаков. Жертва просто умирает.

– Ладно, убедил. Держи свою плату, заслужил.

Было видно, как та, на чьей груди висел амулет, что-то швырнула своему собеседнику, но тут картинка затуманилась и сменилась. Теперь было понятно, что Эниай крадучись идет к покоям своего вождя, а вернее, к небольшой комнатке рядом, где стояли лакомства, которые любила жена вождя Мирэй. В поле зрения амулета появились руки, и все увидели, как они что-то высыпали из пузырька на засахаренные фрукты, затем Эниай быстро покинула дом вождя. Хлауд непроизвольно сжал кулак, краем глаза отметив, как подался вперед Вариар, явно готовый выхватить меч у Эльди и нанести один роковой удар.

– Обвинение в убийстве жены вождя клана Сал – доказано, – опасно спокойным голосом объявил Хлауд, не обращая внимания на шипение Эниай. – Обвинение в кознях против наследника вождя ждет своего подтверждения.

Лоэналь шевельнул пальцами, и в световом поле снова появилась картинка: перед владельцем амулета сидел маленький мальчик лет трех и самозабвенно бил руками по шкуре волка, брошенной на кровать. Сразу стало понятно, что это и есть Ээн.

– погоди, милый, я придумаю, как избавиться от этого несносного недоноска Вариара. Ты еще будешь вождем, мой дорогой. И молодым вождем. Я об этом позабочусь. Верь мне, – затем женщина взяла ребенка на руки, и радостно рассмеялась, несмотря на то, что тот ударил ее ногой в лицо.

Картинка затуманилась и сменилась другой. Теперь перед Эниай с понурой головой стоял Вариар, а она с упоением лупцевала его ладонью, отвешивая одну оплеуху за другой. Мальчик молча стоял и терпел, только время от времени бросая на нее полные ярости взгляды исподлобья.

– Как ты смеешь! Как ты смеешь, сучье отродье? – иступлено повторяла Эниай с каждым ударом, и голос ее походил на шипенье.

В этот момент дверь комнаты открылась и в помещение вошел мужчина, напоминавший чем-то нынешнего Вариара, такой же сильный и ловкий.

– Эниай, что ты делаешь? – в его мягком баритоне, проникавшем в душу, сквозила угроза.

– Он меня оскорбил, мой господин, – тут же изобразив несчастную, забитую женщину, каковой ее все считали, заявила Энией.

Ее голос тут же превратился в жалкое блеяние, амулет оказался чуть ниже, чем в начале видения: женщина явно сторбилась, словно провинившаяся собака перед строгим хозяином.

– Как он тебя оскорбил?

– Он... он... – всем слушавшим этот разговор было понятно, что Энией искала оправдания своим издевательствам над пасынком. – Он назвал меня шлюхой и сказал, что лучше бы я сдохла под забором, чем заняла твою постель, муж мой.

– Это правда?

Вариар молчал. Он лишь сопел, стараясь сдержать слезы, что было нелегко для десятилетнего мальчишки.

– Раз ты молчишь, значит признаешь свой проступок. Отправляйся к конюхам, и будешь ухаживать за лошадьми до тех пор, пока я не увижу кровавые мозоли на твоих руках, – грозно повелел вождь.

– Да, отец, – отозвался мальчик и вышел из комнаты.

Энией опустилась на колени.

– Спасибо, муж мой.

Мужчина ничего не ответил, со вздохом сел на кровать, и принялся смотреть вслед сыну.

– Доказано, – сказал Хлауд, глядя на Энией.

Та уже поняла, что ничего не может возразить тому, что показывал ее верный амулет. Она с дикой ненавистью взирала на эльфа из-под свалывшихся черных волос, и даже уже не выла, а едва слышно скулила, как побитый щенок. Но Лозналь безжалостно шевельнул пальцами, и картинка изменилась. Теперь перед Энией снова сидел человек в черной дерюге и внимал ее тираде:

– Я устала. Мне надоело изображать дуру и безвольную идиотку. Но если я стану сама собой и не буду испугано падать на колени, зажиматься в углу, заглядывать ему в глаза снизу вверх, он меня изгонит. А я так больше не могу, он мне надоел. Меня уже тошнит одной мысли о том, что надо разделять с ним ложе. Его прикосновения выворачивают меня наизнанку.

– Ты сама хотела этого, Энией, – устало проскрежетал ее собеседник.

– Хотела. Но мне надоело. Хочу получить власть над кланом.

– Это невозможно. Ты всего лишь жена вождя, даже не его дочь. Клан достанется Вариару.

– Предоставь это мне. Клан окажется в моих руках. А пока... Я хочу избавиться от мужа.

– Ты ходишь по тонкому льду, Энией.

– Меня это не пугает. Я стану хозяйкой этого клана, и никто больше не посмеет мне приказывать.

В руки Энией переключал уже знакомый всем флакончик с ядом. Женщина быстро покинула старика в дерюге, и поспешила в дом вождя. Она почти не таилась, почти в открытую высыпала яд в брагу, которую чуть позже выпил вождь клана Сал.

– Что ж, – уже как-то устало возвестил Хлауд. – Это обвинение тоже доказано. Продолжайте, Великий зодчий.

Перед высшим судом империи Мирэй предстал храм, представлявший собой кольцо из камней, в центре которого стоял алтарь. Десяток жрецов расселись на каменной лавке за ним, и взирали на Энией. Молчание повисло над храмом.

– Вы догадываетесь, зачем мы пришли? – наконец, нарушила тишину вдова вождя клана Сал.

– Догадываемся, – заявил ей сидевший во главе собрания.

– Тогда вы знаете, что вас ждет, если вы не согласитесь помочь.

– Даже если мы явим волю бога на поединок права, твоему сыну не победить Вариара, – в голосе жреца послышалась насмешка.

– Ты выльешь в его ритуальный напиток вот это, – на алтаре встала бутылочка с каким-то варевом. – Он станет вялым и проиграет моему Ээну. А я дам вам власть над кланом, когда все произойдет и Вариар отправится в наемники без права на имя.

– Хорошо, я явлю волю бога клану. Вариар получит вызов на поединок права.

– Я сдержу свое слово.

Хлауд собрался с силами и произнес:

– Доказано. Воля одной женщины явлена, как воля бога. В ритуальный напиток добавлено зелье, что лишила императора сил во время поединка. Доказано манипулирование волей богов.

Лоэналь погасил амулет, отчего все в тронной зале выдохнули. Никто не ожидал таких разоблачающих видений, кто-то непроизвольно ахнул, наверное, вспоминая свои грехи против империи и какие вещи могли бы рассказать о них. Но Вариара не интересовали секреты его аристократов, он сейчас сверлил взглядом группу своих пленников, которым предстояло в скором времени умереть мучительной смертью.

– Все преступления женщины Эниай доказаны совершенно незаинтересованным в этом деле свидетелем, – провозгласил Вариар. – Она признается виновной и приговаривается к смерти. Приговор будет приведен в исполнение немедленно. Жрецы клана Сал обвиняются в присвоении себе права говорить от имени богов то, что те им не внушали, во вмешательстве в волю бога и присвоения себе этого права, а также в алчности и честолюбии. Вина доказана, и все жрецы клана Сал приговариваются к смерти. Приговор будет приведен в исполнение немедленно. Доставьте приговоренных к месту казни.

Гвардейцы потащили всех приговоренных к выходу, Эниай сыпала на голову Вариара всеми известными ей проклятиями. Только никто не обратил внимания на ее слова. Тем временем, главный воин клана Сал вышел вперед. Гвардейца было положили руки на мечи, собираясь остановить его, но император сделал им знак отступить. Крупный мужчина с пышными усами, который командовал воинами клана Сал в отсутствие его вождя опустился на колени перед Вариаром и произнес:

– Я дышу, чтобы служить империи Мирэй и моему императору.

– Отныне земли клана Сал – это владения империи Мирэй, и я принимаю твое обещание. Служи верно, а империя защитит тебя и всех людей клана, установит главенство закона и справедливости.

– Да, будет так, – произнес Хлауд церемониальную фразу. – А теперь, Ваше величество, нам пора к месту казни. Жрецы уже отправились туда.

– Верно, глава Имперского совета. Мы уже отправляемся.

Императорская процессия была великолепной, несмотря на страшный повод, по которому она отправлялась в путь. Императорская гвардия строго контролировала дорогу, по которой они должны были проехать, дабы фанатичные члены клана, преданные Эниай, не попытались напасть на Вариара. Но, что бы не воображала себе эта женщина, таковых не нашлось. Ей служили, скрипя зубами, и только потому, что того требовал обычай. Клан Сал погряз во множестве обычаев, и те сыграли с ними злую шутку.

Холм, где казнили Ээна, немного изменился. В эшафот были вбиты столбики с цепями, чуть поодаль стояли десять крестов. Жрецы клана Сал вздрогнули, когда поняли для чего все это. Их втащили на эшафот, а вперед выступил глашатай, который зачитал заранее подготовленный указ.

– Женщина клана Сал Эниай, а также жрецы того же клана, который отныне под властью империи Мирэй, за свои преступления приговариваются к смерти. Жрецы будут распяты,

а женщина прикована к эшафоту и оставлена на смерть от голода и жажды и растаскивание трупа дикими животными и птицами. Приговор следует привести в исполнение немедленно.

Палач и его подручные принялись приготавливать осужденных к казни, жрецы привычно затянули гимн всепрощения и проводов в подземный мир. Вариар наклонился к Эскуру:

– Думаю, нам следует оставить этот холм для казней, он уже осквернен кровью двух предателей.

– Вторую же казнят без крови, император.

– Я символически.

– Но я с вами согласен. Стоит оставить это место непристойной смерти и запретить строить тут что-либо.

– Я велю написать указ.

Пока они вели этот деловой разговор, все приготовления были закончены. Эниай извивалась, гремела цепями и изрыгала самые страшные проклятья. Жрецы были молчаливы и покорны судьбе. Они знали, что однажды божественное правосудие нагонит их и отберет их ничемные жизни. Они были готовы к этому, но не ожидали, что у возмездия богов будет лицо Вариара. Вопли Эниай стихли, превратившись в подобие воя и скулежа одновременно. Тогда Вариар шагнул вперед, наклонился и посмотрел в ее полные ненависти к нему глаза.

– Ты посмела покуситься на моих мать и отца, забрав их жизни. За это ты и умрешь. Но я тебе благодарен за фокус с напитком. Если бы не он, я бы сидел в той деревеньке клана Сал и не стал бы властителем империи, а теперь мои дети будут владеть миром от моря до моря. Наслаждайся пейзажами, Эниай.

Император уходил в сторону своей столицы, чтобы продолжить править миром и укреплять империю, а на холме на цепях выла обезумевшая от ненависти ко всему миру женщина.

Часть вторая. Опасный путь

ГЛАВА седьмая

*Второй месяц весны картар. Десятый день месяца.
142 год от рождения империи*

Корабль летел по водной глади, обгоняя ветер, наполняющий его паруса. Стая дельфинов сопровождала судно, сверкая мокрыми спинами каждый раз, когда они выпрыгивали из воды. Соленые брызги летели навстречу, превращаясь в свете яркого полуденного солнца в искорки горного хрусталя, чистого и прозрачного. Они еще больше усиливали тот неповторимый соленый запах моря, который въелся в палубу, мачты, снасти, сам корпус корабля, и, казалось, что и людей. Тонкая, едва заметная соляная пыль покрывала их волосы, руки, лица. Но экипаж не обращал на это никакого внимания. Опытные моряки были привычны к вечно покрытой белым налетом одежде, к пахнущим солью волосам и горькому привкусу на губах.

Корабль спешил добраться до пристаней Аркуса до заката. Экипаж уже смертельно устал от этого, казалось, бесконечного путешествия, сопровождавшегося штормами и внезапной сменой курса из-за налетевшего шквала. Но самой опасной для них стала встреча с морскими змееголовами. «Окрыленная богиня» едва успела изменить курс, прежде чем врезаться в стаю этих опасных тварей, устроивших пир на глубоководье. Впередсмотрящий вовремя заметил опасность, и капитан совершил, казалось, невозможное. Корабль развернулся практически на месте. Им повезло, змееголовы не погнались за ними предпочитая гарантированное мясо огромного кита кучке людей на деревянной лодке. Это были опасные хищники, легко справлявшиеся с большими кораблями, буквально разбиравшими их на щепки. Огромное ящероподобное тело, короткие крылья, длинный хвост и голова змеи – сильные и опасные животные, жившие стаями в пару десятков особей. Это были опасные хищники, которые легко справлялись с большими кораблями, буквально разбирая их на щепки. Нет, они были не одиночками, как драконы, а стайными чудовищами, и могли охотиться почти бесконечно. И потому были гораздо опаснее драконов. Вот почему все моряки напряженно и четко выполняли команды капитана, хотя корабль отклонялся при этом далеко к востоку от проложенного маршрута. Никто не роптал. Все думали только об одном: убраться подальше от неистовой смертельно опасной стаи, способной в одно мгновение растерзать и корабль, и команду. А поблуждать в океане несколько дней, выбираясь на прежний курс – это меньшее из зол.

На палубу «Окрыленной богини» вышли двое молодых людей в шикарных, насколько это можно было сохранить в столь долгом путешествии, одеждах и при мечях. Пассажиры прошли к носу корабля, вглядываясь в лазурную гладь воды, стараясь рассмотреть очертания земли, но той пока не было видно на горизонте. Они явно находились в нетерпении, желая поскорее добраться до места назначения. Затянувшееся плаванье им наскучило.

– Капитан, мы доберемся до порта к закату? Хочу ступить на сушу сегодня, – поинтересовался один из пассажиров, бросив быстрый взгляд на капитана.

– Конечно, Ваше высочество. «Окрыленная богиня» идет на всех парусах, а ветер попутный, – отозвался бородатый человек, командовавший судном.

– Прекрасно. Я уже устал от качающегося мира.

Наследный принц империи Мирэй Маэль ар Вариар бросил еще один взгляд на горизонт, прежде чем повернуться к своему другу детства Линарту ан Эльди Вираю. Тот все еще сверлил взглядом убегавшие вдаль волны. Линарт был чем-то похож на своего знаменитого предка, что

командовал армией первого императора. Так же широк в плечах, ладно скроен, обладал густой черной шевелюрой и пронзительными ярко-голубыми глазами.

– Как думаете, Ваше высочество, нас будут встречать с фанфарами или нам можно будет спокойно проехать по вашей империи? – Линарт был обладателем низкого голоса, почти баса, когда он говорил, казалось, что в его груди что-то вибрирует.

– Пока не моей, Линарт. Да живет император Маглор вечно, – с этими словами Маэль усмехнулся. – Я радуюсь тому, что возвращаюсь к родным берегам, и скоро увижу матушку-императрицу. Ты сам знаешь, что мой отец-император был науськан советом, и мы с тобой отправились в почетную ссылку. К Улу этот Лаонг. Там было безумно скучно и серо. Вопрос: зачем нас туда отправили, если мы сохранили свои титулы и должности?

– Ну тебя могут лишит титула, у тебя брат есть, а вот меня вряд ли. Я в семье один наследник, и это удобно. Все для меня. Кузены не в счет, – Линарт усмехнулся.

– Очень смешно. Вот прямо обхохочешься.

– Так я серьезно. Меня лишит титула не могут, тогда род Эльди прервется, а твой предок Вариар Первый и Единственный четко прописал в законе, что лишит титула и прав на наследство единственного представителя рода мужского пола можно только из-за самых серьезных преступлений, и приложил к закону список тех самых преступлений. Самодурство императоров в него не входит.

– Линарт, ты когда-нибудь договоришься, – пообещал другу Маэль. – До ритуального обезглавливания.

– За измену у нас выпускают кровь. Но я же знаю, что и где можно сказать без последствий.

– Я наследный принц. А у тебя есть кузены.

– Так ты же меня не выдашь. Ты сам вон говоришь, как портовый гуляка какой, никакого этикета и велеречивости, принятой при дворе.

– До портового гуляки мне еще далеко. Таких поэтичных выражений, как они, я не сплету воедино, даже если напьюсь и буду не способен идти на двух ногах.

Друзья весело рассмеялись. Они действительно устали от серой и унылой поездки в Лаонг по надуманному поручению императора. Она на самом деле была короткой замаскированной ссылкой императорского отпрыска, который своей прямолинейностью и стремлением проникнуться делами империи раздражал Имперский совет, а, вернее, главу этого самого совета. Маэль не поддавался внушению и манипуляциям. Наследный принц пытался во всем разобраться сам, принять правильное и справедливое решение. Такое, что привело бы к улучшению доли простого народа, и, главное, всегда бы соответствовало строгим законам империи.

Мирэй была богатой и сильной. За сто сорок лет она выросла из одной деревушки, что получил Вариар в качестве приданого, выросла до самого большого государства на Пандагирее. Она простиралась от моря северного до южных вод. Какие-то города были присоединены к ней силой, а какие-то пришли сами, были и те, что основывались императорами или их приближенными, но за последние двадцать пять лет границы Мирэй не сдвинулись ни на дигит. Замерла она и в своем развитии, постепенно утрачивая свои позиции. Как бы это ни прискорбно звучало, но Маэль прекрасно знал, что виной всему – его отец император Маглор. Безвольный и глупый человек, чьи советники и министры буквально рвали империю на части. Его жена, императрица Эмрия, вместе со своей прабабкой Театлин анэ Вират Мирэсель пытались удерживать, расплзавшиеся по швам провинции, пытались противостоять козням и интригам главы Имперского совета и примкнувших к нему, но не могли с этим справиться. Противники нанесли неожиданные и болезненные удары, а у императрицы было недостаточно власти, чтобы обороняться и предотвращать их.

– Земля! – раздалось откуда-то сверху.

– Ну вот мы и добрались до родных мест, – улыбнулся Линарт, облакачиваясь на борт.

– Пока еще не добрались, но осталось немного. Скоро мы уже войдем в гавань Аркуса. Надо было плыть через Самату, так получилось бы быстрее.

– Ты забыл, что мы встретились со змееголовами и были вынуждены бежать?

– Не бежать, а тактически отступить, – возразил другу Маэль.

– Как пожелаете, Ваше высочество, – насмешливо поклонился Линарт.

– А знаешь... Самата, Аркус... Неважно, главное – ступить на берег и смыть с себя всю эту соль.

– Согласен. Мне кажется, что она въелась мне в такие места, о которых в приличном обществе и говорить-то не стоит.

Маэль усмехнулся, положив руку на борт и до рези в глазах вглядываясь в голубую морскую даль, где неясным призраком замаячил берег. В половине хоры пути от них быстро шел навстречу небольшой корабль, в чьи обязанности входило выискивать и ловить контрабандистов и пиратов до того, как они сойдут на берег и смогут принести ущерб империи. Владевшие этим городом и всей провинцией герцоги Анскитель из рода ан Эгат Мастарель честно исполняли свой долг, приводя свои земли к процветанию и охраняя морские рубежи империи, как они клялись делать еще самому Вариару Первому.

Корабль подлетел к «Окрыленной богине», затем лег на параллельный курс, и Маэль с удивлением увидел, что их почтительно приветствуют. Линарт хлопнул его по плечу и указал куда-то вверх. Подняв глаза к мачте, Маэль выругался: его прибытие в Аркус инкогнито отменялось. Над кораблем гордо развевался штандарт с императорским единорогом, коронованным зубчатой короной – эмблемой и символом наследника престола. Теперь даже последняя собака в городе была в курсе, что в Аркус прибыл принц Маэль, который ранее пребывал в долгом путешествии. Отвлекаясь от кипевшего в душе негодования и желания придушить капитана, принц вспомнил, сколько же его не было в родных землях. Получалось, что около двух лет. Его, наверное, и забыли все. Хотя его штандарт все еще вызывает уважение.

– Остановимся в городе на пару дней или на рассвете отправимся в столицу? – вырвал Маэля из его размышлений голос Линарта.

– Пока не знаю. Давай решим это уже на берегу. Если Аркус окажется веселым городком, тогда мы остаемся тут на неделю, и мне плевать на тот разнос, который мне устроит отец, если он вообще способен их устраивать. Так вот, о чем это я? Ах, да. Если в Аркусе будет хотя бы нескучно, мы задержимся. Если городишко меня разочарует – уедем на рассвете. Столица к нам будет благосклоннее.

– В столице тебя знает каждая собака, потому с тобой там скучно. А вот в Аркусе... – Линарт мечтательно закатил глаза. – Есть тут один прекрасный дом наслаждений, называется Солнечный бриз. Он прекрасен. Там обитают настоящие нимфы, и даже пара полуэльфик. Тебе они особенно понравятся.

– Так бы и сказал, что тут восхитительный бордель, а то дом наслаждений, дом наслаждений, – хмыкнул Маэль. – Надеюсь, он стоит твоих отзывов.

– Еще как стоит, Ваше высочество.

Охотник за контрабандистами шел с ними параллельным курсом, то ли конвоируя, то ли сопровождая почетным эскортом, в этом было трудно разобраться. Впрочем, Маэль и Линарт решили не обращать на них внимания, размышляя о том, как бы незаметно проскользнуть в первую попавшуюся городскую гостиницу. Иначе все их планы пойдут прахом.

Аркус постепенно вырастал на горизонте. Сначала появились неясные серые очертания, больше похожие на горную гряду, постепенно они росли и приобретали четкость, а потом появились звуки. Пристани были еще далеко, но уже слышался голос портового города, где царили торговые корабли и склады. Кричали чайки, отдавали распоряжения старосты грузчиков, а их подчиненные, не стесняясь в выражениях, отвечали, капитаны кораблей приказывали своим экипажем, и во всю эту портовую мелодию гармонично вписывались голоса торговцев

и шлюх, зазывавших клиентов, пьяные песни свободных от вахты матросов. Следом за голосом порта пришел его запах, и он заставил поморщиться Маэля и Линарта. От пристаней несло тухлой рыбой, помоями, какими-то благовониями с вкраплениями пряностей: видно, в порту на разгрузке стояли корабли с этими товарами. Но, вплетаясь в общий запах торговых причалов, они создавали невероятную композицию, то сбивала с ног даже взрослых мужчин.

Торговый порт находился чуть вдалеке от основного города, который выходил к причалам боевых кораблей имперского флота Мирэй. Аккуратные деревянные пирсы, начищенные до слепящего блеска бронзовые тараны, моряки все как на подбор в опрятных черных одеждах. От порта вглубь Аркуса убегали аккуратные вымощенные булыжником улицы, с красивыми белыми домами, окруженными парками и садами. Из-за особенностей архитектуры Аркус, казалось, светился в солнечных лучах. На улицах были заметны респектабельные торговцы, ремесленники, горничные, опрятные дворники и богатые горожане. Возле боевых кораблей, охранявших эту часть моря, пристроились богатые прогулочные кораблики, которые все как один имели навесы, увитые цветочными гирляндами и столы с креслами на палубах. «Видно, новая мода на расфуфыренность», – пронеслось в голове у Линарта.

Эти два причала создавали удивительный контраст, но при этом так соответствовали реальной жизни в империи, где пропасть между богатыми и бедными была бесконечна, и ее было не перепрыгнуть одним прыжком. «Но при всей строгости нашей иерархии у любого подзаборного есть шанс стать человеком. Главное поступить на службу в армию и получить гражданство без ограничений», – подумал Линарт, разглядывая торговый порт. – «Все так просто, и одновременно сложно. Гражданство без ограничений прав, возможность заработать деньги, а то и получить незначительный титул за проявленную храбрость. А на деле... а на деле все давно уже застыло, никто не даст неизвестному вояке привилегий, их получит сынок какого-нибудь местного барончика. Наверное, поэтому все эти возможности не работают. Надо что-то менять. Но для этого нужно заменить хотя бы командующего и казначея в совете. Великий зодчий всегда поддержит Маэля. Ох, что-то я ударился в политику. Никакой политики в ближайшую неделю, меня ждет бордель и пара горячих девочек».

«Окрыленная богиня» слегка накренилась, ложась на новый курс: теперь она направлялась к военному порту, огибая боевые корабли на рейде.

– Похоже, капитан решил лишит нас борделя, – усмехнулся Маэль.

– Сбежать из-под опеки герцога Анскителя будет сложно, но не невозможно. Я придумаю план, – усмехнулся Линарт, прикрыв глаза ладонью от слепящего солнца и вглядываясь в пристань и корабли, выстроившиеся вдоль нее.

– Не сомневаюсь, Линарт. Ты по этим делам спец, особенно, когда они касаются девиц из борделей и не только. Знаешь, как тебя называли в столице?

– И как же?

– Любовник-тень.

– Чем я заслужил такое прозвище?

– Появляешься из ниоткуда – исчезаешь в никуда, – с большой долей пафоса произнес Маэль.

– Главное, что ни одна дама не осталась неудовлетворенной, – самодовольно заявил Линарт.

– В том то и дело, что ты тащил в постель всех подряд. Думаешь, почему я взял тебя с собой? Не хочу, чтобы рогатые мужья и содержатели растерзали тебя на кусочки, пока меня нет в столице. А они могли бы. Скольких ты одарил ветвистым украшением головы?

– Да я разве считал... – вздохнул Линарт, вспоминая, что и в Лаонге осталось немало обладателей рогов.

Тем временем «Окрыленная богиня» уже подошла к причалу и готовилась пришвартоваться. Команда носилась по палубе, выполняя приказы капитана с поразительной точностью.

Маэль заметил одну вещь, которая его несказанно обрадовала – на причале никого не было. А это значило, что они могли успеть покинуть корабль до того, как тут появятся представители городской власти, а то и сам герцог из рода ан Эгат Мастарель. Если им удастся уйти незаметно, то все гостиницы и бордели Аркуса окажутся в их распоряжении. «Если бы я хотел торжественного возвращения в Арис с сотней-другой гвардейцев, я бы пошел в Самату. А это значит, что? А это значит, я должен как можно быстрее сбежать из порта и затеряться в толпе. Потом мы купим лошадей и доберемся до форта имперской гвардии, возьму там сотню человек и тогда въеду в столицу. А сейчас у меня есть неделя на кутеж и отдых от скукоты Лаонга, а еще на создание должной репутации в глазах главы совета», – подумал Маэль, знаком призывая слугу и приказывая тому принести их с Линартом вещи.

Они покинули корабль стремительно, «Окрыленная богиня» едва успела бросить трап, как принц и его друг детства исчезли. Растворились в воздухе, как утренний туман. Капитан в изумлении озирался по сторонам, стараясь увидеть хоть край одежды наследника престола, но не смог этого сделать. Кроме моряков флота империи на причале никого не было. Капитан сделал пару вялых попыток выяснить все у дежурного офицера, но успеха не добился. Наследник пропал, словно его и не было.

А Маэль и Линарт спешили по улицам, поворачивая на перекрестках, ныряя в переулки. Наследник рода ан Эльди Вирай вел наследного принца только ему известным маршрутом, в одну, как он ее назвал «прекрасную гостиницу, где не задают лишних вопросов». Маэль не сопротивлялся, в отличие от Линарта, он никогда не бывал в Аркусе, ограничиваясь поездками в Самату. Его друг же считал, что Аркус – это рай для аристократа, желающего остаться неизвестным и покутить в свое удовольствие. Множество кабаков и борделей в Цветочном районе города добавляло Аркусу веса в глазах Линарта. Повернув еще трижды, они, наконец, оказались в красивом саду.

Вопреки опасениям Маэля, гостиница оказалась приличным заведением. Привычно белое здание в четыре этажа, широкие окна, ухоженный сад с аккуратными дорожками в количестве двух штук, заставили наследного принца выдохнуть. Линарт не обманул. Он подошел к стене, присмотрелся, затем хмыкнул. Теперь ему стало понятно, почему город сияет на солнце словно большой кусок горного хрусталя: стены были покрыты крупными битого стекла и слюды, которое сверкало в лучах дневного светила и таинственно мерцало при свете ночного. Когда взгляд Маэля упал на цветастую вывеску, он рассмеялся.

– Лесная красавица и волк, – последнее слово он насмешливо растянул. – Линарт, ты себе не изменяешь.

– Изменить самому себе невозможно, поверь мне, мой друг, – вздохнул Линарт. – Иначе я бы еще больше веселился.

– У меня один вопрос: почему Лесная?

– Меня самого мучал этот вопрос, но я так и не узнал ответ. У меня одно предположение, это отчаянная попытка не затеряться в толпе морских девиц, которые наводняют город. Так мы войдем или будем торчать здесь, ожидая, пока нас сцапают люди герцога и испортят все веселье?

– Заходим. Конечно, заходим. Благопристойных обедов с обсуждением достоинств флейты над арфой мне хватило и в Лаонге, – наследник престола нырнул в залитый светом вестибюль гостиницы.

Внутреннее убранство так же так же говорило о респектабельности данного заведения и отличалось сдержанным вкусом. Из мебели тут был только массивный стол из недорогого серого мрамора, три массивных кресла, пара низких деревянных столиков и десяток резных стульев. На красном полу с выложенной мозаикой вывеской гостиницы вдоль стен стояли вазоны с благоухающими цветами.

– Чем могу вам помочь, господа? – красивая женщина средних лет подняла взгляд от огромной амбарной книги.

– Нам нужно две комнаты. Лучших в вашей гостинице, – Маэль кинул на стол кошель с монетами.

– Могу я узнать ваши имена? – невозмутимо поинтересовалась женщина.

– Нет. Мы желаем не называть их.

– Хорошо. Следуйте за мной.

Она поднялась из-за стола и буквально поплыла к лестнице, ведущей наверх. Поднявшись на третий этаж, она открыла сначала одну дверь, потом дверь напротив нее и приглашающим жестом предложила им войти. Номера оказались просторными, хорошо обставленными и уютными. В каждом даже имелась небольшая ниша, закрытая ширмой, а в ней приютилась длинная и глубокая мраморная ванная. На улицу выходил небольшой балкончик с видом на ухоженный парк. Маэль был доволен.

– На какое время господа хотят остановиться? – выдернула его из созерцания владелица гостиницы.

– На семь дней. Может, потом еще на несколько дней останемся. Все будет зависеть от этого города, – хмыкнул наследный принц, довольный, что его не узнали.

Впрочем, долгое отсутствие в империи вполне могло привести к тому, что для своих будущих подданных он стал обычным аристократом, скучающим от богатства и вседозволенности, а потому находящимся в постоянном поиске удовольствий и развлечений. Да и вряд ли обычные подданные знали его в лицо.

– Хорошо. У вас будут какие-то пожелания?

– Ванна. Это сейчас все, что я хочу. Смыть с себя всю эту соль.

– Господину достаточно дотронуться до рыбки на бортике ванной. Мы нанмали мага, и он создал нам это. Ванна заполнится горячей водой. Мыльный порошок и полотенца вы найдете в нише.

– Мага? Не знал, что в Аркусе есть такая редкость.

– Прежнему хозяину повезло. Этот маг остановился в гостинице, дожидаясь корабля в Марен. Денег у него было мало, и он расплатился с хозяином маленькой услугой. Нам удобно, ему не затратно, – женщина пожала плечами. – Если это все, тогда я вас оставляю.

Она вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь.

– Не было больших затрат, – пробормотал Линарт. – Знала бы она, чего ему это стоило.

– Десяти дней жизни? – предположил Маэль.

– Почему десяти?

– А сколько тут может быть ванн? Хотя даже один день жизни – это дорого за комнату в гостинице.

– Непомерно дорого. Видно, ему очень надо было именно в Марен, что он не подумал о другом месте, куда отплыть.

– Интересно, что там в Марене такого? – задумчиво спросил в никуда Маэль, затем усмехнулся. – Так что мы сегодня будем делать? Просто спать на нормальных кроватях без вечной качки или сразу в твой бордель?

– Ты не поэтичен, друг мой. Дом наслаждений. Это дом наслаждений, – с придыханием сказал Линарт.

– Хорошо-хорошо, дом наслаждений, – согласился наследный принц. – Ты не ответил на мой вопрос.

– Если ты спрашиваешь меня, то я бы и поселился там. Представь: ешь, спишь, занимаешься любовью, снова спишь, ешь, и снова удовлетворяешь желание. Не жизнь, а рай.

– Линарт, со мной можешь не притворяться. Я прекрасно знаю, что ты хоть и повеса, который не пропустит ни одной юбки, но не настолько. Эту роль ты будешь перед Советом играть.

– А я только настроился, – опечалился Линарт. – Значит, смываем с себя соль и идем в бордель. Надо дать шпионам твоего отца и главы совета пищу для размышлений. Если мы будем серьезны и включимся в их смертельный танец за корону с умными лицами и хорошими перспективами, боюсь, наша новая ссылка затянется уже лет на десять.

Весело насвистывая себе под нос мелодию непристойной песенки, он вышел из комнаты наследного принца. Маэль с усмешкой покачал головой, проводив друга детства взглядом. Линарт играл на публику, но иногда и не играл. Он действительно любил женщин, не пропуская ни одной мало-мальски смазливой мордашки, и его не останавливал ни статус дамы, ни ее социальное положение. Но тем не менее, насколько знал Маэль, головы не терял. Никогда и ни при каких обстоятельствах.

Наследный принц запер дверь на засов, с радостью скинул пропитавшуюся солью одежду в белых разводах и шагнул в мраморную ванну, коснувшись головы рыбки на ее бортике. Из ее рта тут же полилась горячая, но не обжигающая вода, пахнувшая лавандой. Маэль удивился, но потом положил голову на бортик и расслабленно закрыл глаза, наслаждаясь теплыми ласкающими прикосновениями ароматной воды.

В голове вспыхнули и погасли воспоминания о ссылке в Лаонг. Им с Линартом удалось немного расшевелить это сонное королевство. Только хватило их активности ненадолго. Что ни говори, а глава Имперского совета Дарьенал Воста прекрасно знал, что может сломить дух наследного принца, не желавшего подчиняться Совету и играть во все эти грязные игры. «Интересно, как этот паук преодолел сопротивление двоюродного прадеда? Великий Зодчий не терпит глупости и наглости. А этого Дарьеналу не занимать. Дед будет бороться за детище Хлауда и Вариара до последнего. Хотя... Иногда его натура дает себя знать. Стану императором, сделаю его или бабку главой совета пожизненно. Чтобы такие как Воста больше не опутывали империю своей паутиной. Дело за малым – отвоевать у пауков империю», – размышлял Маэль, нежась в теплой воде, позволяя ей вытягивать соль, казалось вьезвующая в каждую клеточку его тела.

Маэлю показалось, что он отмокал целую вечность, а может он даже заснул, размышляя о таких скучных, но опасных вещах, как политика. Во всяком случае, к тому моменту, как он закрыл глаза, солнце уже клонилось к горизонту, цепляя краем крыши домов. Наследный принц подивился тому, что вода не переливалась через край бассейна, ведь рыбка все еще продолжала наполнять ванну, но ее уровень застыл на две ладони ниже края бортика. Маэль задумался, но потом почувствовал, что где-то за его спиной лишняя вода утекает в медные трубы, а дальше в канализацию. Хитроумная магия очень понравилась наследнику престола. Она позволяла принимать горячую ванну столько времени, сколько хотелось человеку, хоть целый день. «Надо попросить деда сделать такие же во дворце», – подумал Маэль.

Мыльная соль пахла так же, как и вода. Успокаивающим ароматом лаванды. Все в «Лесной красавице» было рассчитано на то, чтобы усталый путешественник отдохнул и выспался. И Маэль не отказывал себе в этом. Но предстояло идти в бордель, потому принц нехотя выбрался из горячей воды и отправился переодеваться. Заодно он напомнил себе, что следует выяснить у хозяйки гостиницы, смогут ли тут почистить его одежду и, избавить ее от соляных разводов и запаха. Как старший офицер, который провел в армии Мирэй, отличавшейся жесточайшей дисциплиной, всю сознательную жизнь, Маэль одевался быстро и аккуратно. Придирчиво оглядев себя в зеркало, он удовлетворенно кивнул. Темно-бордовая до колен куртка, расшитая серебряной нитью, и черные штаны, заправленные в высокие сапоги из тонко выделанной кожи, с вышитым по голенищу сложным узором из серебряных нитей, не должны были привлекать внимания, также никого не смутит и длинный меч, пристегнутый к поясу. В Мирэй

это было привычно, и обыденно для аристократа, но вот его примечательная внешность могла вызвать ненужные подозрения. Фамильные для Вариаров черты лица, точеные, словно вышедшие из-под пера искусного художника, могли с легкостью выдать в нем отпрыска императорской семьи, в которой причудливым образом соединились красота людей и великолепие эльфов. Пусть это и была лишь небольшая толика от сестры Великого зодчего империи. Добавляли ему шансов быть узнанным и бледно-золотые волосы и глаза цвета индиго под густыми черными, как беззвездная ночь ресницами. Маэль был красивым мужчиной от кончиков пальцев на ногах до последнего волоска на голове, и в определенные моменты это доставляло ему немало проблем. Бросив последний взгляд в зеркало, принц подхватил плащ того же цвета, что и бархатная куртка, в надежде укрыться под капюшоном. Впрочем, его статную и одновременно мощную фигуру не мог скрыть ни один плащ.

Линарт, одетый в простую, но богатую одежду темно-синего цвета, уже ожидал его внизу. Теперь он не выглядел бледной тенью себя самого, старавшимся не подавать виду, что сильно устал. Взгляд его буквально горел от предвкушения выхода в привычный ему мир.

– Готов окунуться в мир разврата? – с довольной ухмылкой спросил Линарт у Маэля.

– Ты еще спрашиваешь? Главное – не свалиться от усталости. Этот корабль вытянул из меня всю душу и закинул ее в подземный мир Ула.

– Ничего. Девочки быстро отнимут твою душу у Ула и вернут тебе ее обратно. Правда, за хорошую плату.

– Золото, серебро, драгоценные камни – все это такая ерунда, по сравнению с теплыми и нежными женскими руками, – возвестил Маэль, направляясь к выходу.

– Поверь мне, то, что у них есть между ног, гораздо лучше их шаловливых ручек.

– Иногда мне хочется тебя придушить, – с серьезным видом заявил Маэль.

– За что? – Линарт искренне удивился.

– За то, что ты считаешь меня юнцом, не пробовавшим женщины.

– Ты никогда не ходил со мной по борделям.

– Мне это без надобности. Во дворце полно служанок, которые выиграют у твоих шлюх соревнование, если мы его надумаем устроить.

– Хорошо быть принцем, – мечтательно вздохнул Линарт.

– С чего ты вдруг так решил?

– Меня служанки во дворце к себе не подпускали. Легче было придворных дам твоей матушки в постель затащить.

– Чем ты и занимался.

– Признаюсь. Так и было, – Линарт поднял вверх руки.

Они, не таясь шли по улицам Аркуса только Линарту известным маршрутом. Маэль отметил, что народу на улицах прибавилось: кто-то вытащил низкие столики и сидел в тени деревьев, попивая вино; кто-то прогуливался по улицам, ища себе развлечений. Вечер обещал стать не таким уж и скучным. И Маэля это устраивало.

Второй месяц весны картар. Десятый день месяца.

142 год от рождения империи

Дом наслаждений, как поэтично называл его Линарт, окутывал своих гостей яркими красками, сладкими и тяжелыми ароматами, возбуждавшими желание, веселым смехом. Переступив порог, посетители сразу погружались в удивительный мир страсти и наслаждений. Стены были обиты красным шелком, явно не самым дешевым, диванчики с черной обивкой, яркие пятна разных, как и девушки, цветов в бронзовых вазах и розовая драпировка.

Сразу же в переднем зале, где встречала гостей, одетая в строгое черное одеяние, не оставлявшая ни частички ее стройного тела обнаженной, владелица заведения, на будущего клиента смотрели картины, изображавшие моменты сладостного соития. Мягкий пол заглушал шаги, не давая посетителям или шлюхам возможность определить количество клиентов, которые входили в бордель. Как и бесшумно закрывшиеся за спинами Линарта и Маэля двери, возле которых с каменными лицами застыли охранники заведения.

– Господа желают развлечься? – голос у женщины оказался глубоким, с легкой хрипотцой. Он буквально обволакивал, затягивая в паутину его владелицы, заставляя желать ее и исполнять все ее прихоти.

– Конечно, дорогуша, – выступил вперед завсегдатай подобных заведений Линарт, на которого завораживающий голос хозяйки не действовал. – Зачем же еще мы сюда пришли?

– У господ есть особые предпочтения? – не поведя и бровью, поинтересовалась та. – Любые пожелания будут исполнены. За отдельную плату, разумеется.

– Хм... – Линарт задумался на мгновение. – Нам четырех полуэльфик, я знаю, они у вас есть, и одну комнату на ночь. И вина. Дамийского. Будем развлекаться, пока стоим на ногах. Или даже ползать. Главное, чтобы нужный орган работал.

– Согласен, друг мой, – поддержал его Маэль. – Что может быть лучше двух горячих полуэльфик и хорошего дамийского вина?

– Они стоят дороже, чем обычные девушки, – голос хозяйки дрогнул.

– Мы похожи на тех, кто считает каждый медяк? – хмыкнул Линарт. – Если вы так переживаете, дорогуша, мы заплатим вперед, а утром накинем пару золотых килартов. Но если нас хоть кто-то побеспокоит, неважно по какому вопросу, пусть хоть небо падает на город или разбойники его пытаются захватить, вы их не получите.

Глаза хозяйки после этих слов загорелись здоровой алчностью. Она уже видела эти золотые монеты у себя в тайнике, куда они попадут в обход расходных книг, потому больше вопросов она не задавала, предлагая клиентам проследовать за собой. Те не спорили, а послушно шли за женщиной в черном. Она провела их по широкой деревянной лестнице с фигурными перилами, изображавшими мифических сирен, что по легендам соблазняли моряков и заводили их на скалы, тут же морские девы восседали на морских конях, чья передняя половина тела была лошадиной, а задняя представляла собой рыбий хвост. Дальше они прошли длинный коридор с неизменным красным шелком на стенах и картинами с моментами соития, чередующимися с изображениями прекрасных обнаженных соблазнительниц во фривольных позах. Воздух, вернее аромат в коридоре, едва уловимо поменялся, став более тонким и не таким тяжелым, как в главной гостиной заведения. Линарт поймал себя на мысли, что не может думать ни о чем, кроме желания обладать женским телом и как можно дольше.

– Возбуждающие запахи, – прошептал он Маэлю, который тоже почувствовал странное воздействие.

– Да, – кивнула хозяйка борделя, услышав его шепот. – К нам приходят разные люди, и некоторым мужчинам нужна помощь, чтобы они могли как можно дольше наслаждаться обществом моих девочек.

– Нам это не требуется, – усмехнулся Маэль.

– Увы, мы не можем исключить действие вещества на отдельных клиентов. К тому же вам будет проще удовлетворить все свои желания с его помощью. Вы сможете совокупляться с нашими девочками намного чаще, чем обычно. Вам понравится. Но боюсь, времени на отдых у вас не будет.

Она усмехнулась и толкнула неприметную дверь из серого дерева, предлагая им войти внутрь. Комната оказалась просторной и, в отличие от коридоров, стены в ней были бежевыми. Но и красный цвет никуда не ушел, он теперь царил на огромной кровати, стоящей в центре комнаты, и нескольких диванчиках, предназначенных для приема пищи и возлия-

ний. Возле них стояли низкие столики, заставленные различными яствами, фруктами и кувшинами с вином. За ширмой из темно-зеленого бархата обнаружилась огромная бронзовая ванна, больше похожая на небольшой бассейн, ножками которой служили стилизованные львиные лапы. Там уже парила горячая вода с ароматическими солями. В отличие от гостиницы, они пахли цитрусами.

Больше в комнате ничего не было, чтобы не отвлекать клиентов от того, зачем они сюда пришли. Разве что четыре полубнаженных девицы, из одежды на которых были только полупрозрачные шаровары и курточки-болеро, едва прикрывавшие полные груди. Девушки были чем-то похожи друг на друга. Яркие, словно факел в беззвездную ночь. Черные как бездонная тьма волосы девиц были заплетены в тугие косы, а медовые с поволокой глаза смотрели на зашедших в комнату мужчин. Маэль окинул их оценивающим взглядом и понял, почему эльфийские лорды не оставили их для любовных утех в своих дворцах. Девы были слишком человеческими: взять хотя бы цвет их волос. Видно, какой-то эльфийский вояка оприходовал крестьянку из соседней людской деревни, и дочери взяли от матери все, почти ничего не получив от отца. Разве что слегка заостренные уши и сами черты лица: тонкие и изящные.

– Господа, жаждут сразу приступить к соитию, али сначала помыться? – как только одна из них открыла рот, Маэль поморщился, понимая, что не ошибся. Это был ужасный каркающий голос, растягивавший гласные.

– Господа желают, чтобы ты и твои сестры отныне говорили шепотом и с придыханием, остальное мы сейчас решим, – словно прочитав мысли принца, заявил Линарт. Затем он повернулся к хозяйке борделя и кинул ей увесистый кошель полный серебряных вронтов. – Держи. Остальное утром.

Женщина молча поймала кошель на лету и, улыбнувшись, исчезла за дверью, прикрыв ее за собой. Маэль оглядел столик, пересчитав кувшины с дамийским, их оказалось двадцать. Он кивнул Линарту, словно говоря, что этого количества хватит на первое время. Тот в свою очередь подошел к столику и принялся. От вина пахло легкими нотками клубники, вишни и малины, словно какой-то неизвестный художник перемешал их, но оставил узнаваемыми отдельные нотки аромата. Линарт наполнил бокал и с удовольствием посмотрел на просвет на розовый напиток, в котором отражались лучи закатного солнца, лившиеся через балконную дверь.

– Не обманула хозяйка. Не Черная кровь, но Летний рассвет из южной Дамии. Хорошее розовое вино, пьянит, но в меру, – с улыбкой произнес Линарт.

– Жаль, я хотел напиться до беспамьятства, – протянул принц, уже обнимающий двух льнущих к нему бордельных девиц.

– Тут его столько, что мы без труда напьемся, а пока... – Линарт залпом осушил свой бокал, подхватил первую попавшуюся девицу на руки и швырнул ее на кровать.

– Как грубо, – усмехнулся Маэль. – Мог бы и раздеться. Снимите с меня одежду, сирены мои сладкоголосые.

Девы с радостным хихиканьем принялись снимать с наследника престола одежду, одновременно покрывая поцелуями освобожденные от ткани участки кожи. Маэль с полуулыбкой рассеянно гладил их тела, куда могли достать его руки. Они разоблачали его очень медленно, другая девица занялась Линартом, также дразняще медленно снимая с него один предмет одежды за другим. Маэль незаметно кивнул на странную тень, вытянувшуюся вдоль балкона. Линарт кивнул.

– Давай заставим их кричать от наслаждения, дружище, – начиная таинственный танец с затаившимся на балконе человеком, предложил Линарт.

– С удовольствием, – согласился Маэль, подхватывая одну из своих девиц, и роняя на кровать рядом с Линартом.

С явным нетерпением Маэль скинул сапоги, уже порядком мешавшие штаны, и присоединился к своей проститутке. Та буквально заорала, когда наследный принц ворвался в нее. Линарт не отставал. И вскоре комната заполнилась стонами и криками, которые вырывались у шлюх и их клиентов, удовлетворивших свое желание. В какой-то момент могло показаться, что эти звуки проникли не только за звукоизолированные стены комнаты в другие номера борделя, но и заполнили собой весь квартал, что прилегал к дому наслаждений.

Расслабленно повалившись на красные простыни, Маэль вяло подумал о том, что первый акт представления для шпиона, следовавшего за ними от самого порта, состоялся. И прошел он вполне неплохо, осталось закрепить усвоенный соглядатаем материал. Наследник престола поднялся, попутно шлепнув ближайшую девицу по ягодицам, и гордо прошел к столику с вином. Наполнив бокал до краев, он даже не стал наслаждаться поистине тонким вкусом с ягодными нотами, а буквально залпом влил дорогой напиток себе в глотку, после чего снова направился к ближайшей девице и без особых прелюдий проник в нее. Та охнула сначала, было видно, что она едва сдержалась, чтобы не оттолкнуть его, но тут же вспомнила, что это клиент и что хозяйка ее накажет. Она расслабилась и огласила комнату громкими стонами, поудобнее поворачиваясь к Маэлю задом.

Они еще четыре раза заставили шлюх устроить концерт, после чего переместились на диванчики, чтобы насладиться вином. Девицы приходили в себя на кровати, забывшись быстрым, но глубоким сном. Маэль мазнул по ним взглядом, с наслаждением потягивая вино.

– Хороший материал, – внезапно нарушил тишину Маэль.

– Сыграли достойно. Думаю, наш друг на балконе остался доволен, – согласился его друг.

– Уверен?

– Он исчез уже после второго захода, – криво усмехнулся Линарт.

– Почему не сказал?

– А зачем? Мы с тобой знатно отдохнули, а он не обязательно ушел совсем, мог перебраться в соседнюю комнату, потому я и не останавливал тебя, да и сам наслаждался обществом этих девиц. Сейчас отдохнем, и надо будет еще разочка три-четыре, чтобы уж окончательно добить твоего папашу.

– Осторожно, ты говоришь об императоре, – хмыкнул Маэль.

– Он от этого перестал быть твоим отцом? – Линарт вопросительно поднял бровь. – Да, и вряд ли это соглядатай от императора. Скорее этот подарок нам глава совета сделал.

– Ладно, к Улу моего отца. Пока есть возможность, давай решим пару вопросов.

– Я весь внимание, Ваше высочество.

– Тише, болван. Никто не должен знать, кто я.

– А ты такой наивный, что думаешь, будто они не догадались, что перед ними наследник престола?

– Одно дело – догадаться о принце, что пытается сохранить инкогнито, а совсем другое – если ты об этом кричишь, как здешняя девица под клиентом.

– Сравнил тоже, – фыркнул Линарт. – Я не столь фальшивый, как они.

– Думаю, нам следует привлечь этих четырех кошечек к шпионажу в Аркусе, – пропустив слова друга мимо ушей, сменил тему Маэль. – В борделях часто говорят без стеснения.

– Согласен. Но будут ли наши, как ты их назвал, кошечки согласны с твоим предложением.

– Линарт, они шлюхи, а шлюхи продаются.

– Вот тут ты не прав, Маэль. Если их купить, тогда найдется кто-то, кто заплатит больше.

И в лучшем случае ты просто потеряешь своих шпионок, в худшем тебя начнут кормить фальшивой информацией, такой же как их любовь.

– В последнем ты не прав. Они не продают любовь, они не куртизанки или содержанки, они обычные портовые шлюхи, торгующие своим телом, чтобы ты мог удовлетворить физический голод, просто дорогие. Все честно.

– Я и не думал, что в этом столько нюансов. Но это не меняет дело, нужно что-то большее, чем деньги.

– Скажи мне, о чем мечтает каждая шлюха в этом борделе?

– Даже не знаю. Получить сотню золотых за ночь? Стать хозяйкой похожего борделя?

– Нет. Они все мечтают завязать с прошлым, стать обычными женщинами, выйти замуж.

– Погоди, ты...

– Да, я собираюсь пообещать им мужей и доброе имя, где-нибудь на востоке.

– Я и не знал, что ты такой знаток женщин. Что ж давай проверим твою теорию, когда наши сирены проснутся.

Маэль поднялся, лениво потягиваясь, и направился к ванной, которая благодаря хитроумному устройству из подогреваемых под ней плоских камней, оставалась до сих пор горячей. Щедрой рукой кинув в воду горсть мыльного песка, наследный принц залез в горячую воду, которая приятно расслабляла и без того уже расслабленные мышцы.

– Я предлагаю начать с вашей вотчины, – заявил он Линарту.

– О чем ты? – переспросил тот.

– С армии. Она всегда была главным поприщем твоего рода, исключая твоего отца, который ударился в торговлю пряностями.

– Это мудро. Армия – основа империи. Все эти земли были завоеваны ее мечами. Я слышал, что в войсках ропот по поводу порядков, установленных семейством Воста.

– Глава совета не дурак: поставив на должность командующего своего двоюродного брата, он контролирует армию, по крайней мере думает, что контролирует. И я уверен, что он передаст этот пост своему бестолковому сынку, как только тот дослужится хотя бы до звания капитана.

– И что ты хочешь сделать?

– Вернуть войска в руки ан Эльди Вирай.

Линарт поперхнулся вином и закашлялся. Одна из бордельных девиц беспокойно завозилась во сне. Маэль прижал палец к губам, требуя не будить их.

– Ты сошел с ума, – наконец, смог выдавить из себя Линарт.

– Почему?

– Мой отец больше смыслит в торговле, мой дядя работорговец и всю свою жизнь провел в Фарии, на ее невольничьих рынках. Кому ты собираешься возвращать контроль над армией?

– Ты всю жизнь служил в тринадцатом лохосе. Вспомни, когда нас выслали в Лаонг, ты как раз дослужился до заместителя лохата. Почему бы тебе не взять под командование все двадцать восемь лохосов?

– Ты сошел с ума, я в этом теперь точно уверен. Ты представляешь, что начнется, если ты так поступишь?

– Ты забыл, что на нашей стороне мой дед, бабка и матушка?

– Думаешь они помогут нам это сделать, сломав Совет?

– Нет. Я этого не думаю. Мы придумаем хитрый план. Но армия должна быть нашей. Еще надо заполучить гвардию и флот...

– Тут я могу посоветовать кандидатуры. Флот отдай ан Эгат Мастарелю. Не отцу, а сыну. Он талантливый капитан, его «Разящий» – самый опасный корабль во всем имперском флоте. А гвардией может командовать Элер ан Кьель да Скалэй. Насколько я знаю, он уже лейтенант и командует тем самым фортом, через который ты собрался возвращаться.

Маэль задумался, вспоминая тех, кого назвал Линарт. Первый был морским волком, проводившим времени больше в море, чем на суше. Говорили, что отец готов был заплатить

имперским советникам огромную сумму денег, чтобы лишить сына звания капитана и забрать его «Разящий». Тогда капитан Дэнэйт ан Эгат Мастарелю пригрозил уйти в пираты и отречься от своего имени. Он заявил, что лучше будет верен короне таким образом, чем сидя в фамильном замке. Затем мысли Маэля плавно перетекли к лейтенанту ан Къелю да Скалэй. Он и, правда, был предан наследнику престола. «Помнится, именно ты, лейтенант, предупредил меня о том, что глава Совета ведет ко мне гвардейцев, чтобы доказать мой заговор против отца, которого я не планировал. Матушка сказала верить тебе, и я поверил. Если бы не ты, меня не нашли бы в комнате, и Воста с радостью обвинил бы меня во всех возможных преступлениях: и в измене короне, и в посягательстве на власть императора. Лежать бы мне на Холме страха после обескровливания, если бы не ты. Ты будешь верным командующим гвардией. С тебя-то мы и начнем», – размышлял Маэль.

– Ты прав, Линарт, начнем с гвардии. То, что мы поставим во главе своего человека не вызовет таких подозрений, как если бы начали с армии, – произнес он вслух.

– Я рад, а то я было подумал, что ты решил мной пожертвовать в этой шахматной партии, – обрадовался Линарт, но вдруг его голос изменился, приобретя знакомую уже фривольность: – Давай уже выбирайся оттуда. Я тоже хочу омыть себя прежде чем разбудить этих бездельниц. Они нам довольно дорого обошлись, а спят, как убитые. И это лучшие шлюхи этого заведения?!

Маэль выглянул из-за ширмы и недоуменно посмотрел на него. Линарт кивнул на балкон, поясняя, что шпион вернулся. Видно услышал, что звуки сладострастия перестали доноситься из снятой друзьями комнаты, а значит, могут начаться полезные для него разговоры.

– Так растолкай их, и пусть тебя обслужат, а я пока понежусь в водичке, – подхватил его игру Маэль. – Хотя нет, пришли мне одну, тебе трех хватит. Хочу засадить ей в воде.

– Трех... Трех мне мало будет. Вспомни мой рекорд в Лаонге. Тогда хозяйка борделя даже скидку сделала.

– Я помню. Их было десять. Но я до сих пор не верю, что ты со всеми с ними...

– Зря не веришь, – перебил принца Линарт. – Ладно, пойду растолкаю наш товар.

Он легко поднялся и прошлепал босыми ногами к кровати, устраивая театральное представление для шпиона, снова маячившего на балконе, Линарт наклонил свой бокал, и вино тонкой струйкой полилось на живот одной из девиц. Та выгнулась дугой и застонала.

– Просыпайся, мой друг желает принять чувственную ванну, – со смешком произнес Линарт, шлепнув ее по бедру.

Девушка ойкнула, сползла с кровати и буквально побежала за ширму, оттуда раздался громкий всплеск и веселый смех обоих, который тут же сменился громкими стонами возбуждения. Линарт усмехнулся и решил не будить свою шлюху. Он с силой вошел в нее, отчего та проснулась удивленно захлопала ресницами, но тут же обвила его шею руками, а ноги скрестила за спиной, облизнувшись. Она огласила комнату такими громкими стонами, что ее подруги невольно проснулись и включились в процесс. Сами того не сознавая, они играли в игру, которую вели во всех дворцах этого мира. Опасную и непредсказуемую, где каждый неверный шаг грозил падением в пропасть или, вернее, в яму со змеями, что было более подходящим для ситуации.

Через пару мгновений разудалых охов, стонов и даже криков тень шпиона исчезла с балкона к пущей радости Линарта. Тот, увлекая одну из девиц с собой, перебрался к столикам с вином, не прерывая процесса. Чуть позже они расслабленно попивали вино, наслаждаясь фруктами и сладостями, когда Маэль, поглаживая бедро одной из девиц, спросил:

– Как тебя зовут, милая?

– Малира, – страстным шепотом ответила та.

– Малира, а хочешь ли ты замуж?

– За вас, господин? – удивленно хлопнула ресницами та.

– Нет, не за меня. Но за хорошего человека, уехать отсюда и начать спокойную праведную жизнь.

– Да кто ж того не хочет, господин, – ответила другая девица, опережая Малиру. – Токма об этом и мечтаем, когда клиентов нет.

– Я могу исполнить вашу мечту, но не сразу. Придется поработать.

– Раздвигая ноги? – печально выдохнула Малира.

– Почти. Придется немного потерпеть, потом будет хорошая жизнь.

– Так что требуется делать, господин? – снова вклинилась бойкая девица.

– Добыть немного информации для нас. К вам ходит много людей, так вот поспрашивайте их, как бы невзначай, – пояснил Линарт.

– Это не сложно. Многие сами болтают много, – кивнула Малира. – А как вы будете забирать то, что нам удастся собрать?

– Однажды к вам придут клиенты и скажут: «Звезды на небе прекрасны, но вы ярче звезд», – пояснил Маэль.

– Мы поняли, господин. Вы не забудьте токма, про мужей-то.

– Не забуду.

Маэль довольно улыбнулся, откидываясь на спинку диванчика. Девицы восприняли это как сигнал к действию и веселье продолжилось до самого утра. Когда друзья спустились вниз, их ожидал удивленный, и даже восхищенный взгляд хозяйки борделя. Еще больше она удивилась и обрадовалась, когда ей в ладонь легло на две золотых монеты больше обещанного.

– Господа, желают вернуться к нам вновь? – быстро пряча полученные деньги, елевым голосом спросила хозяйка.

– Может быть. Может быть, – задумчиво произнес Маэль.

С этими словами, насвистывая мелодию непристойной песенки про рыбака, который встретился с сиреной и долго искал, куда пристроить свой член, а так и не найдя у нее нужного отверстия, взялся за нож. Это соитие было последним для серены, ибо человек распорол ей брюхо, и она долго оставляла за собой след из крови и кишок. Конечно, акулы не могли упустить такое угощение и устроили пир, сожрав сирену, а рыбак потом сошел с ума. Эту песню особенно любили напевать моряки «Окрыленной богини», пытаясь показать, что сирены не настолько страшны и даже простой рыбак может справиться с этим чудовищем. Тем более, что в ней подробным образом описывается, как рыбак совокуплялся с ней.

Линарт завернул за угол, показывая дорогу в гостиницу, где они остановились. Маэль последовал за ним, но краем глаза, где-то на периферии зрения заметил быстро мелькнувшую тень человека в плаще. Похоже, что шпион увязался за ними. Маэль прибавил шаг, стараясь идти наравне с Линартом, чтобы было удобнее продолжать начатый в борделе спектакль и заодно отвязаться от слежки. Иначе они не смогут поговорить о своих планах, реальных планах.

– Ну что, что еще может предложить нам Аркус? – громко спросил наследный принц, делая незаметный знак Линарту, что их слушают.

– Я бы отоспался до вечера, потому что сейчас разве что работать, а потом... – тот прекрасно понял, что следует делать. – Потом я предлагаю устроить дегустацию вин во всех кабаках этого городишки. Говорят, тут можно попробовать божественные напитки со всего света.

– Что, и Лунное вино? – Маэль даже остановился.

– Вроде бы да. Может, не Лунное, может, какое другое эльфийское, но то что тут есть вина из Элеана это я могу сказать с уверенностью. Давай спросим у нашей хозяйки, где именно они продаются.

– А может поступим менее затратно?

– Это как?

– Закажем ей этого вина. Думаю, она с удовольствием доставит его в наши комнаты. И искать не придется.

– Блестящий план, Маэль. Так и поступим.

Аркус просыпался, подставляя свои бока восходящему солнцу, словно ленивый кот на террасе. Пока еще сонные жители спешили по своим делам. Мимо друзей прошли несколько офицеров с кораблей имперского флота, которые жили в примыкавших к порту районах, няни детей местных богачей спешили в сторону предместий, чтобы купить молока. Позевывая в кулаки, прошли солдаты патруля городской стражи. Аркус встречал новый день.

ГЛАВА восьмая

*Третий месяц весны вирар. Пятый день месяца.
142 год от рождения империи*

Элер ан Кьель да Скалэй замер на месте, удивленно моргая. Появление наследника престола и его друга детства на пороге подчиненного ему форта застало лейтенанта императорской гвардии врасплох. Форт Ариде стоял на берегу мелкой речушки, которая превращалась в приток Вирсы. Своей западной стеной крепость, словно ребенок к груди матери, прижималась к горным склонам. Такое положение исключало появление гостей, тем более незваных. Для гвардейцев же это было местом почетной ссылки, ибо они прекрасно знали, что император никогда не проедет мимо, и их охрана ему не понадобится. Даже если ему придется ехать в Аркус. Но вот перед командиром форта стоял наследник престола империи собственной персоной.

Оперевшись на косяк двери, Линарт с удовольствием наблюдал за красочной реакцией Элера, тот же в свою очередь лихорадочно соображал, что ему делать дальше. Опальный наследник, хотя об этом статусе никто в открытую и не говорил, вернулся в страну и тут же явился в подчиненный ему отряд. Это могло быть либо ловушкой, либо удачей, которую даровала ему милостивая Ута, оценив его преданность престолу. Маэль же по-хозяйски прошел в комнату, оседлал ближайший стул и окинул взглядом аскетичную обстановку. Грубо сколоченный письменный стол из местного дуба, узкая кровать, несколько стульев из той же древесины и дорогой и столь неуместный здесь сундук из красного дерева, обитый ажурным серебром.

– Как вы здесь оказались, Ваше высочество? Вернее... мы не ждали вас здесь, – наконец, выдавил из себя Элер, взяв себя в руки.

– Не волнуйтесь, лейтенант, мы не собираемся вас убивать, – хмыкнул Линарт.

– Кто вас знает, – пробормотал тот в ответ. – Вдруг вам велели избавиться от меня.

– Мы собираемся взять сотню ваших людей, чтобы они сопроводили нас в столицу, лейтенант, – спокойно пояснил Маэль. – Более того, я хочу, чтобы отрядом командовали именно вы.

– С чего такая честь? Вернее... Как прикажете, Ваше высочество.

– Брось, Элер, – внезапно не выдержал всю эту игру Линарт. – Хватит играть с нами в формальную любезность. Мы пришли за тобой.

– Ты не мог бы говорить еще громче, Линарт? – зашипел на него лейтенант императорской гвардии. – А то не все тебя слышали.

Тот изобразил жуткую гримасу.

– Линарт прав, – понизив голос проговорил Маэль. – Ты нам понадобишься в столице.

– Я очень польщен вашим доверием, Ваше высочество, только командир форта Ариде это ссылка. Я не могу из нее вернуться.

– Можешь. Сколько фортов императорской гвардии существует?

– Три. Один на юге, один на севере, и еще один на востоке, чтобы император мог в любой момент пополнить ряды своей гвардии в путешествии, – заученно отрапортовал Элер.

– Каковы обязанности гвардии?

– Охрана императора и его семьи, подчинение приказам императора и наследника престола, – в голосе лейтенанта появилась настороженность, он пытался понять, к чему клонит наследник.

– Вот именно, исполнять приказы императора и наследного принца, а не горстки старых идиотов, что называют себя Имперским советом, и уж тем более не его главы. Так вот,

наследник престола приказывает тебе сопровождать его в столицу и остаться там для охраны его матери-императрицы.

– Ваш приказ будет исполнен.

Элер бухнулся на одно колено в церемониальной позе гвардейцев, принимавших приказ повелителя.

– Встань, Элер. Я не уверен, что пол в твоей комнате гладкий и ты не занозишь об него ноги, – хмыкнул Линарт.

Лейтенант бросил на Линарта испепеляющий взгляд.

– Поднимись, Элер. Завтра мы отправимся в путь. И отбери людей, которым ты полностью доверяешь и точно уверен, что они не служат Совету.

– Таких тут большинство. Но и среди них следует отобрать наиболее верных. Есть те, кто приставлен сюда главой Совета следить за нами, их стоит опасаться. Но нам придется кого-то из них взять с собой, чтобы не вызвать подозрений.

– Согласен. Ты знаешь их всех?

– Конечно, Ваше высочество.

– Тогда отбери человек пять, словно случайно, больше не надо.

– Слушаюсь.

Маэль проводил гвардейца взглядом, дождался пока тот выйдет в коридор, и уточнил у Линарта:

– Ты уверен, что он не перешел на сторону Восты за то время, пока нас не было?

– Уверен. Если бы перешел, представителя его рода держать в этом захолустье не стали бы.

– И то верно. Тогда я спокоен.

Наследник престола решил, что лейтенант не будет возражать и, как был в одежде и сапогах, завалился на кровать. Последние несколько хор единственной мыслью в голове Маэля было желание закрыть глаза и провалиться в сон хор на десять, но пока он не мог себе этого позволить. Наследный принц был уверен и в том, что в столице ему тоже отдыхать не придется. Если отец поселит его во дворце и не отпустит жить в том поместье в Арисе, что подарила ему бабка, об отдыхе можно будет забыть.

– Линарт, я тут подумал...

– Да, Ваше высочество?

– А не зря ли мы так усердствовали, создавая репутацию повес? Если жить нам придется во дворце, будет очень сложно.

– А что сложного? Зажимай служанок по углам, соблазняй придворных дам. Там одну, тут другую. Соглядатаи Восты будут довольны.

– И то верно, – Маэль усмехнулся. – Будем давать Восте то, что он хочет. Глупого, развратного принца.

– Я на это люблю, – усмехнулся Линарт.

– У тебя своя роль.

– Да? И какая?

– Будешь активно посещать бордели и любовниц, всем видом демонстрируя, что политические игры тебе чужды.

– Как прикажете, Ваше высочество, – Линарт поклонился принцу.

– Все. Предлагаю отдыхать, а то путь в Арис не из легких.

Маэль закрыл глаза, и его дыхание стало ровным. Линарт вздохнул. Ему и Элеру придется искать место для ночлега, ведь наследный принц пожелал занять приличную кровать себе. Но Линарту было не привыкать, все же он был офицером имперской армии и способен был спать на голой земле, завернувшись в плащ. Так он и поступил. Когда Элер вернулся в свою комнату, он пожал плечами и устроился с относительным комфортом: подтащив один стул

к стене, а другой поставив на небольшом расстоянии. Так он и заснул, сидя на одном и положив ноги на другой.

Природа баловала их хорошей погодой, и Маэль поверил уже, что удача на их стороне. После долгого и скучного путешествия длиной в тридцать дней, они, наконец, добрались до Ариса. Элер не приближался к ним все это время, общаясь с ними коротко и холодно. Маэль прекрасно понимал, что лейтенант старается не дать повод соглядатаям главы Имперского совета усомниться. Если бы те хоть что-то заподозрили, план по передаче гвардии под командование Элера провалился бы. Им тут же перекрыли бы воздух. Слишком мало пока у них было союзников. Всю поездку они были напряжены, стараясь не выдать себя ни единым словом. В отличие от корабля, в походе поговорить не удавалось: пятеро соглядатаев всегда маячили рядом.

Когда они въехали в столицу через Красные ворота, Маэль выдохнул, понимая, что первый этап их долгого путешествия закончился. Арис им показался мрачным и унылым, несмотря на яркий солнечный день. Маэль даже не сразу понял, почему. Серыми казались не только здания, которые раньше поражали роскошью мрамора, но и сами горожане, спешившие убраться с дороги гвардейцев. Городская стража старалась раствориться в тени запруженных народом улиц имперской столицы. Под копытами сновали нищие, просившие подаяния и рисковавшие расстаться с жизнью в один миг.

Маэль не помнил столицу такой. Это всегда был цветущий, красивый город с довольными жителями. Ему уже становилось тесно внутри своих стен, и люди принялись обустроить вокруг небольшие усадьбы. Иногда в Мирэй перебирались и эльфы. И теперь в столице был целый квартал этих высокомерных прекрасных существ. Его было видно сразу же, стоило только попасть в его пределы. Он завораживающе блистал своей вычурной архитектурой: резные шпили и окна, смешение материалов – рядом с домами людей эльфийские здания казались яркими разноцветными бусинами из рассыпавшегося ожерелья. Великий зодчий империи Мирэй Лоэналь Аминирах Вират отказывался жить в эльфийском квартале именно потому, что, как он всем говорил, все эти дома режут его гениальный глаз и он предпочитает строгие линии человеческого Ариса. Маэль улыбнулся, вспоминая двоюродного прапрадеда и его умершую в родах вместе с ребенком прекрасную жену, которая не раз говорила его прапрабабке Театлин, что муж ее доведет и она возьмется за меч, хоть это и запрещено эльфийским леди. Театлин тут же принимала сторону своей невестки и деду приходилось бежать в «дальний гарнизон», как он это называл, от двух разъяренных женщин.

Сейчас же Арис замер. Застыл и с опаской выглядывал из укрытия в ожидании бури, которая сметет все на своем пути. Даже эльфийский квартал, казалось, поблек и не отражал солнечные лучи, как бывало раньше.

– Что происходит, Элер? – не выдержал Линарт. – Почему городская стража нас боится?

– Если бы я знал, – пожал плечами в ответ лейтенант. – Обычно «красные» не боялись нас. Наоборот, мы всегда работали вместе, а тут, кажется, готовы схватиться за мечи и перерезать нас, если бы смогли.

– Похоже, их чем-то запугали, – пробормотал Маэль, затем громко добавил: Лейтенант, я бы хотел в первую очередь нанести визит своей матери, затем вы проводите меня в мое поместье. И думаю, можете быть свободны на сегодня.

– Слушаюсь, Ваше высочество.

Маэль тронул своего коня шенкелем, заставляя прибавить шаг, а затем и вовсе переводя в рысь. Он не хотел видеть испуганные, серые лица жителей столицы и, более того, полные ненависти и страха взгляды городских стражников, обращенные на гвардейцев. Ему вовсе не была нужна вражда между ними. Оставалось только надеяться, что стражники не режут гвардейцев в темных переулках и наоборот.

Чем дальше ехали они по улицам Ариса, тем тягостнее становилось настроение. Странная серость и меланхоличность давили тяжким грузом, заставляя Маэля все больше опускать плечи. До императорского дворца он добрался, уже почти лежа на шее своего коня. Ворота парка нехотя открылись. Им навстречу вышел гвардеец в регалиях высшего офицера гвардии и вопросительно посмотрел на Маэля.

– Мне долго ждать, пока вы меня пропустите, офицер? – когда пауза слишком затянулась, уточнил Маэль.

– А вы кто такой? – грубо поинтересовался гвардеец.

– Перед тобой наследный принц империи Мирэй Маэль ар Вариар, тупица! – рявкнул Элер, кладя руку на эфес меча.

– Откуда мне знать, лейтенант, кто ломится в ворота дворца с утра пораньше, – снова прогнусавил офицер, преградивший им дорогу. – И я на вашем месте вел себя повежливей со своим командующим. Я новый командующий императорской гвардией Гаур да Киварлен.

– Вам недолго оставаться в этой должности, командующий. Когда император узнает, что вы держали его сына и наследника на пороге, вас разжалуют. И скажите спасибо, если не казнят за измену, – начал закипать Элер.

– Спокойно, лейтенант. Сейчас командующий сделает шаг назад, мы пройдем внутрь, и вы исполните свой долг представив меня очам моей матушки-императрицы, – спокойно произнес Маэль, заметив, что лейтенант ан Кьель да Скалэй теряет терпение.

– Почему это я вас пропущу? – усмехнулся командующий.

– Потому что это наследник престола, – меланхолично произнес Линарт. И еще потому, что он может приказать лейтенанту снести вашу тупую башку, а потом попинать ее как следует. И более того, может приказать выгнать ваших родных из дома. Вы же любите свою работу, жизнь и любовницу? – командующий кивнул. – Ну тогда отойдите с нашего пути, и больше не перечьте наследнику престола. Он человек военный, скор на расправу с неудобными. К тому же он устал после трудного пути, а это, знаете ли, не прибавляет хорошего настроения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.